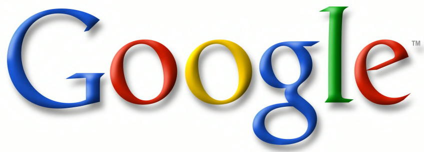

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Е. В. ТАРЛЕ.

ИСТОРІЯ ИТАЛІИ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, приноровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публикѣ въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ—„Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ". Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные выпуски этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои

знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-политическая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя нижеподписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій и др.

Первыми двумя книжками этой коллекціи были „Исторія крестовыхъ походовъ" Ѳ. И. Успенскаго и „Паденіе античнаго міросозерцанія" М. С. Корелина. Настоящій выпускъ посвященъ исторіи Италіи въ средніе вѣка, по которой въ русской литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго труда. Слѣдующій выпускъ, который уже печатается, будетъ заключать въ себѣ работу покойнаго М. С. Корелина „Главнѣйшіе моменты въ развитіи средневѣкового папства". Послѣ него предположено выпустить въ свѣтъ „Исторію Италіи въ новое время" Е. В. Тарле.

Н. Карѣевъ.

И. Лучицкій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вступленіе 1

Гл. I. Политическія судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія имперіи при Карлѣ Великомъ 3

Гл. II. Экономическія отношенія въ Италіи въ V—VIII вв. Господство натуральнаго хозяйства 54

Гл. III. Эволюція папства отъ V до XI столѣтія 65

Гл. IV. Идея Священной Римской имперіи и ея значеніе для Италіи. 90

Гл. V. Ломбардскія городскія общины и борьба имперіи съ папствомъ въ XII вѣкѣ 119

Гл. VI. Венеція. Папство, имперія и ломбардскіе города въ XIII вѣкѣ. Южная Италія въ XI - XIII вв. 147

Гл. VII. Очеркъ экономической исторіи Италіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ 173

Гл. VIII. Итальянскіе университеты до начала XIV в. и арабское вліяніе въ Италіи 187

ИСТОРІЯ ИТАЛИИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Средневѣковая исторія Апеннинскаго полуострова представляетъ собою, въ сущности, лѣтопись чужеземныхъ вторженій и завоеваній. Начинается она вторженіемъ Теодориха остготскаго, кончается вторженіемъ Карла VIII французскаго, таковы тѣ условныя хронологическія межи, которыя отдѣляютъ итальянское средневѣковье съ одной стороны — отъ исторіи императорскаго Рима, съ другой стороны — отъ новаго времени. Въ промежуткѣ между этими двумя событіями мы видимъ обрушивающіяся одно за другимъ нашествія варваровъ, обснованіе ихъ въ Италіи, смѣну византійскаго, испанскаго, французскаго владычества, набѣги арабовъ и норманновъ, возвышеніе на степень міроваго двигателя скромной іерархической власти римскаго епископа, пробужденіе классической культуры послѣ тысячелѣтняго сна, разцвѣтъ торговыхъ республикъ, мощное начало новой жизни... Вся пестрая амальгама политическихъ, экономическихъ и культурныхъ фактовъ, составляющая содержаніе средневѣковой итальянской исторіи, не можетъ быть охвачена и выражена въ нѣсколькихъ суммарныхъ фразахъ и опредѣленіяхъ: слишкомъ она для этого разнообразна. Но такъ какъ иноземныя вторженія составляютъ самый яркій и значительный элементъ первыхъ столѣтій итальянскаго средневѣковья, то естественнѣе всего начинать исторію Италіи очеркомъ событій, сопровождавшихъ нашествія варваровъ въ концѣ V-го и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ; затѣмъ, необходимо разсмотрѣть, какъ отозвались эти нашествія на экономической структурѣ итальянскаго общества отъ конца V-го вѣка до

временъ Карла Великаго. Вмѣшательство Карла Великаго въ жизнь Апеннинскаго полуострова не будетъ понятно безъ предварительнаго очерка возвышенія папской власти и анализа идеи «Священной Римской имперіи». Далѣе, прослѣдивши политическія судьбы Италіи послѣ Карла Великаго до понтификата Григорія VII, мы остановимся на борьбѣ папской власти съ императорской и на значеніи, которое имѣла эта борьба для Италіи. Разсмотрѣніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ борьбу Рима съ Имперіей приведетъ насъ къ вопросу о ломбардскихъ торговыхъ республикахъ, ихъ происхожденіи и значеніи въ XII и XIII вѣкахъ. Кромѣ того, намъ придется остановиться на Венеціи и Южной Италіи, имѣвшихъ свою особую судьбу. Наконецъ, слѣдя за политической исторіей, мы не будемъ оставлять безъ вниманія и экономическую, насколько она разработана въ наукѣ. Что касается такъ называемаго «Возрожденія», то рѣчь о немъ будетъ идти въ книжкѣ, посвященной исторіи Италіи въ новое время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическія судьбы Италіи отъ паденія западной имперіи до возстановленія имперіи при Карлѣ Великомъ.

I.

Нашествіе Теодориха.

Эпоха переселенія народовъ была временемъ, когда волнующееся море варварскихъ ордъ послѣдовательно и періодически наводняло всѣ страны континентальной и островной Европы. Не было такой провинціи въ римской имперіи, которая не подвергалась-бы нашествію, но, конечно, ни одна провинція не привлекала такъ къ себѣ германцевъ, какъ Апеннинскій полуостровъ, теплый, плодородный, слывшій земнымъ раемъ у сѣверныхъ народовъ, да еще заключавшій въ своихъ предѣлахъ Римъ, — городъ, къ которому даже въ дни его полнаго безсилія германцы питали какое то полумистическое уваженіе. Со временъ Алариха и вторженія вестготовъ въ первое десятилѣтіе V-го вѣка не прекращается безпрерывный притокъ варваровъ въ Италію. То въ видѣ воиновъ, то въ видѣ земельныхъ арендаторовъ, то въ видѣ чиновниковъ и царедворцевъ, — руги, герулы, готы, свевы и вандалы все явственнѣй и явственнѣй захватываютъ въ свои руки главнѣйшіе жизненные нервы Италіи. Но втеченіе первыхъ трехъ четвертей V-го вѣка не было сдѣлано попытки никѣмъ изъ вторгавшихся варваровъ покончить наконецъ и de jure съ императорскою властью, существовавшею давно, со временъ Стилихона, только номинально. Въ 476 году случилось, наконецъ, событіе, извѣстное подъ громкимъ названіемъ паденія западной римской имперіи и состоявшее въ томъ, что предводитель геруловъ Одоакръ заявилъ семнадцатилѣтнему императору Ромулу Августулу о необходимости тотчасъ же отказаться отъ престола и

уѣхать въ помѣстье. Одоакръ остался властителемъ Италіи; но его владычество, длившееся меньше четырнадцати лѣтъ не оставило никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи Апеннинскаго полуострова. Въ 488 году пришли первыя извѣстія о томъ, что остготы, объединившіеся подъ властью знатнаго человѣка изъ ихъ среды, Теодориха, двигаются по сѣверному побережью Адріатическаго моря и направляются въ Италію. Ихъ гналъ голодъ, и шли они всѣмъ народомъ, съ женами и дѣтьми, сокрушая на своемъ пути и гепидовъ, и мелкія горныя племена, пытавшіяся остановить нашествіе. Разбивши въ трехъ кровавыхъ битвахъ Одоакра, Теодорихъ въ 490 году осадилъ Равенну, гдѣ укрылся побѣжденный король Италіи, и въ 493 году дождался, наконецъ, капитуляціи этой первоклассной крѣпости. Одоакръ и остатки герульскаго войска попали въ руки Теодориха; побѣдитель обѣщалъ жизнь своему врагу, но не сдержалъ своего слова, — слишкомъ опасенъ казался ему еще Одоакръ, и онъ убилъ предводителя геруловъ во время пира черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Равенны.

У Теодориха была черта, которая кладетъ непроходимую грань между нимъ и предшествующими ему варварскими предводителями и которая вмѣстѣ съ тѣмъ сближаетъ его съ Хлодвигомъ франкскимъ, его современникомъ. Эта черта заключалась въ наличности совершенно опредѣленной государственной идеи. Теодорихъ задался цѣлью сблизить готовъ съ итальянцами, слить ихъ въ одинъ народъ. При разсмотрѣніи государственной дѣятельности готскаго короля необходимо помнить, какого рода воспитаніе ему удалось получить. Семи лѣтъ отъ роду онъ попалъ въ Константинополь и здѣсь въ придворныхъ византійскихъ кругахъ провелъ болѣе десяти лѣтъ. Для наблюдательности воспріимчиваго варвара не могло не открыться обширнѣйшее поле; сложная организація правительственной машины, старая и блестящая культура, не смотря ни на что продолжавшая сказываться во всѣхъ жизненныхъ отправленіяхъ имперскаго центра, наука, философія, произведенія изобразительныхъ искусствъ, украшавшія дворцы и даже частные дома,—вся эта амальгама яркихъ впечатлѣній не могла миновать талантливаго готскаго юношу. Онъ навсегда сохранилъ съ тѣхъ поръ глубокое уваженіе къ этой чуж-

дой, но поразившей его умъ многообразной цивилизаціи. Это чувство достойно извѣстнаго интереса само по себѣ; и до Теодориха такіе, напримѣръ, нетронутые никакими посторонними вѣяніями варвары, какъ Аларихъ, питали почтительныя чувства къ Риму,—но у нихъ эти чувства имѣли своимъ происхожденіемъ воспоминаніе о быломъ матеріальномъ могуществѣ столицы міра, суевѣрную мысль о неизбѣжной гибели, будто бы грозящей всякому, кто посмѣетъ взять Римъ и пр. Но здѣсь, въ лицѣ Теодориха мы въ первый разъ встрѣчаемся съ человѣкомъ, желающимъ учиться у Рима, воспринять и привить своему народу римскую культуру, ставящимъ своею задачею созданіе крѣпкаго государственнаго союза именно при помощи усвоенія римскихъ политическихъ принциповъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Теодорихъ желалъ править совершенно самостоятельно отъ единственнаго прямого и законнаго наслѣдника римскихъ цезарей, т. е. отъ византійскаго императора. Отсюда должна была появиться извѣстная двойственность въ его поведеніи, и дѣйствительно, двойственность эта явилась въ первые же моменты послѣ завоеванія. Теодорихъ, дружественно разставшійся съ имперіей, поспѣшилъ послать въ Константинополь пословъ, которые офиціально извѣстили императора объ успѣхахъ остготскаго оружія, и просьбы объ утвержденіи Теодорика въ званіи итальянскаго короля. Это было нужно Теодориху для того, чтобы его новые итальянскіе подданные смотрѣли на него, какъ на законную власть и подчинялись ему не только за страхъ, но и за совѣсть. Но еще когда послы находились въ отлучкѣ, совершился актъ торжественнаго провозглашенія Теодориха королемъ въ лагерѣ готовъ, сообразно съ старыми германскими обычаями. Итакъ, Теодорихъ сталъ властителемъ Италіи и по праву завоеванія, и по утвержденію со стороны византійскаго императора.

II.

Раньше всего политическія тенденціи Теодориха должны были сказаться въ методѣ управленія, въ административномъ устройствѣ, которое онъ ввелъ тотчасъ по завоеваніи страны. Это устройство было почти цѣликомъ заимствовано изъ старыхъ римскихъ админи-

стративныхъ началъ, но, конечно, готскій король внесъ также коечто новое, обусловленное измѣнившимися обстоятельствами. Все населеніе Италіи было раздѣлено на „готовъ“ и „римлянъ“, на двѣ категоріи подданныхъ короля Италіи. „Римлянами“ называлось то населеніе Италіи, которое Теодорихъ засталъ при своемъ приходѣ,— другая категорія обнимала весь народъ остготовъ, съ которыми Теодорихъ пришелъ изъ Балканскаго полуострова. Иначе еще римляне назывались privati (частные люди), а готы—воинами. Собственно, Теолорихъ постановилъ, чтобы у римскаго населенія Италіи осталось то же управленіе и тотъ же судъ, какъ и до завоеванія. Личный составъ управителей и судей, которымъ было предоставлено вѣдать дѣла римлянъ, назначались королемъ изъ среды римскаго-же населенія. У готовъ было свое особое управленіе, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ, которое вѣдало римлянъ. Собственно, они продолжали составлять военный станъ въ завоеванной странѣ и, несмотря на всѣ усилія Теодориха какъ нибудь смягчить, сгладить рѣзкія отличія побѣдителей отъ побѣжденныхъ, удаться въ полной мѣрѣ это ему не могло. Отмѣтимъ важнѣйшія причины, сведшія къ нулю всѣ старанія готскаго завоевателя слить свое племя съ римлянами въ одинъ народъ.

1) Какъ только побѣда надъ Одоакромъ сдѣлалась совершившимся фактомъ, готы вступили во владѣніе третьею частью всѣхъ земельныхъ имуществъ завоеванной страны. Обычай расплачиваться съ побѣдителями третью частью земли за сохраненіе жизни и остальныхъ друхъ третей не былъ введенъ впервые Теодорихомъ. Еще въ тѣ времена, когда пограничныя германскія племена стали просачиваться сквозь римскія границы и поступать на службу къ римлянамъ, имъ давались земли для того, чтобы они могли пропитать себя. Когда затѣмъ отношенія между варварами и имперіей потеряли свой мирный характеръ, новые поселенцы уже силою требовали себѣ земли и (тамъ, гдѣ они по какой либо причинѣ не убивали хозяевъ и не присвоивали себѣ ихъ имущества цѣликомъ) обыкновенно довольствовались третью земельныхъ имѣній. Римское населеніе всетаки никакъ не хотѣло примириться съ потерею своей земли, и напрасно Теодорихъ и его секретарь Кассіодоръ мечтали, что римляне

будутъ довольны оставшеюся у нихъ въ рукахъ землею и не будутъ роптать на захватъ трети готами, ибо будутъ въ вооруженныхъ готахъ видѣть своихъ защитниковъ. Готы остались не только вооруженными, но сохранили также всецѣло свое военное устройство: попрежнему всѣ, носившіе оружіе, были подчинены начальникамъ отдѣльныхъ воинскихъ частей такъ точно, какъ это обстояло при первомъ появленіи ихъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Такое состояніе постоянной боевой готовности въ связи съ тѣмъ, что верховные администраторы — ревизоры „comites gotorum“ вербовались исключительно изъ готовъ,—не могло не способствовать натянутости и неискренности отношеній между двумя народами. Оффиціальныя сферы, римскій дворъ Теодориха и константинопольскій дворъ византійскихъ императоровъ, были всецѣло выразителями этихъ неискреннихъ международныхъ отношеній: вѣдь Теодорихъ, самостоятельно отправляясь въ походъ, побѣждая Одоакра, овладѣвая, наконецъ, всѣмъ полуостровомъ, — не переставалъ при каждомъ случаѣ подтверждать, будто онъ дѣйствуетъ по полномочію, полученному отъ византійскаго императора. Много лѣтъ послѣ провозглашенія Теодориха среди его лагеря королемъ Италіи, императоръ Анастасій подъ разными предлогами оттягивалъ оффиціальное признаніе счастливаго варвара въ его новомъ достоинствѣ. Только въ 497 году императоръ послалъ Теодориху знаки императорскаго достоинства, которыя за 21 годъ до того Одоакръ препроводилъ въ Константинополь, – и готскій король былъ признанъ намѣстникомъ императора. Географическіе предѣлы власти Теодориха неустановимы съ научною точностью: повидимому они ограничены были областью прежней италійской префектуры за вычетомъ Африки. Византійскій императорскій дворъ весьма ревниво и подозрительно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь Теодорихъ не превысилъ своей компетенціи, не нарушилъ границъ вліянія. Впрочемъ, и въ этихъ отмежеванныхъ предѣлахъ готскій король былъ отчасти (хоть и весьма слабо, болѣе номинально) стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ: такъ, онъ не имѣлъ права издавать законы (leges), ибо leges имѣли обязательную силу для Балканскаго полуострова и всѣхъ провинцій восточной имперіи. Онъ долженъ былъ довольствоваться лишь изданіемъ *edicta*, эдик-

товъ, циркуляровъ, правилъ, касавшихся только выполненія уже существовавшихъ законовъ. Что касается до законодательныхъ новеллъ, исходившихъ отъ константинопольскаго двора, то готскій король не имѣетъ права отмѣнять ихъ силу для римскаго населенія. Онъ обладалъ прерогативою чеканки монеты, но на монетахъ должно было находиться изображеніе константинопольскаго императора, а не Теодориха. Конечно, всѣ эти ограниченія компетенціи Теодориха, несмотря на бдительный надзоръ восточнаго двора, часто оказывались призрачными, но они очень характерны для отношеній между готскимъ королевствомъ и имперіею. Итальянское населеніе, лишенное возможности отстаивать свои права на это утраченное имущество, не переставало чутко прислушиваться къ малѣйшимъ перемѣнамъ въ тонѣ, царившемъ между Римомъ и Константинополемъ: съ востока должны были притти „римскіе легіоны“ и вернуть ограбленнымъ римлянамъ ихъ владѣнія.

2) Другая причина, разъединявшая побѣдителей и побѣжденныхъ, заключалась въ ихъ различныхъ исповѣданіяхъ. Итальянцы были католиками, а готы—аріанами.

Мало найдется въ исторіи явленій, которыя имѣли бы такую удивительную судьбу, какъ аріанство. Въ 318 году александрійскій священникъ Арій высказалъ слѣдующія мнѣнія о Троицѣ: Сынъ не рожденъ, но сотворенъ Отцемъ, и Самъ сотворилъ небо и землю. Сынъ былъ сотворенъ за миріады лѣтъ до сотворенія міра, но было время, когда Онъ не существовалъ. Отъ имени Отца Своего, сидя на тронѣ Отца, Онъ управляетъ сотвореннымъ Имъ же міромъ. При сотвореніи Сына Богъ вдохнулъ въ него всю полноту Духа Св. Таковы важнѣйшія догматическія черты аріанства. Аріанство сразу же и повсемѣстно возбудило жестокую оппозицію среди католической церкви. Отцы Никейскаго собора думали, что окончательно уничтожили ересь, и, дѣйствительно, хотя полемика послѣ никейскаго собора (325 г.) и продолжалась, но могло показаться, что расколъ близокъ къ концу. Выступленіе на міровую арену варваровъ совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Вандалы, вестъ-готы, остъ-готы, герулы, руги, бургунды, лангобарды — приняли аріанство. Ничему, кромѣ слѣпого случая, приписать это невозможно. Около 360 года

среди готовъ жившихъ тогда еще у Дуная, появился нѣкто Ульфила, родомъ готъ, познакомившійся съ христіанскимъ ученіемъ и спорами, волновавшими тогдашній христіанскій міръ. Онъ сдѣлался первымъ готскимъ апостоломъ, перевелъ Св. Писаніе на готскій языкъ и сильно способствовалъ своею пропагандою паденію язычества въ своемъ народѣ. Трудно сказать, былъ ли самъ Ульфила аріаниномъ въ полномъ значеніи этого слова; повидимому, онъ склонялся къ аріанству, къ ученію о томъ, что Богъ Сынъ не равенъ во славѣ Богу Отцу. Такъ или иначе уже ближайшія поколѣнія послѣ Ульфилы являются строго-аріанскими. Одною изъ внѣшнихъ причинъ, способствовавшихъ побѣдѣ аріанства между готами, нужно счесть то обстоятельство, что со временъ Ульфилы богослуженіе между готами происходило на ихъ родномъ нарѣчіи, для всѣхъ понятномъ, католическіе же миссіонеры служили на латинскомъ языкѣ. Но все-таки при глубокой умственной темнотѣ и неразвитіи варваровъ, при полной невозможности предполагать въ нихъ способность и умѣніе разбираться въ богословскихъ тонкостяхъ, ничему нельзя приписать принятіе ими аріанства, кромѣ слѣпого случая. Между тѣмъ послѣдствія этого случая были огромны. Какъ говоритъ Гиббонъ, презрительное названіе „варваръ“, съ которымъ обращались къ германцамъ, было въ римскихъ устахъ еще болѣе отравлено добавочнымъ эпитетомъ „еретикъ“. Когда полчища Теодориха расположились въ Италіи, римляне видѣли въ нихъ не только грабителей трети имущества, но и проклятыхъ небомъ еретиковъ. Браки между римлянами и готами, конечно, стали немыслимы, церковь борясь съ аріанствомъ, исключала для своей паствы возможность иного отношенія къ еретикамъ-побѣдителямъ, кромѣ затаенной ненависти и презрѣнія.

3) Къ этимъ двумъ обстоятельствамъ, препятствовавшимъ осуществленію мысли Теодориха (о сліяніи готовъ и итальянцевъ въ одну націю), слѣдуетъ присоединить еще и расовыя отличія германцевъ отъ римлянъ и ту моральную пропасть, которую создавали между обоими народами презрѣніе культурныхъ южанъ къ сѣвернымъ варварамъ и сознаніе послѣднихъ, что римляне смотрятъ на нихъ сверху внизъ.—Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ, вся примирительная политика Теодориха должна была оказаться однимъ

огромнымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Но все же извѣстный modus vivendi, извѣстное улаженіе и введеніе государственной жизни въ опредѣленное русло должны были выработаться за тѣ шестьдесятъ лѣтъ, которыя готы владѣли Италіею. Проявленій дѣятельности государ^ственной власти за этотъ промежутокъ времени мы и коснемся.

III.

Историку гораздо труднѣе охарактеризовать правовое положеніе остъ-готовъ въ побѣжденномъ ими государствѣ, нежели положеніе римлянъ. Зависитъ эта трудность отъ полнѣйшаго отсутствія какихъ бы то ни было сюда относящихся документовъ. Современники (Кассіодоръ, Іорданъ) гораздо болѣе интересовались римлянами, чѣмъ готами, и больше писали о первыхъ, чѣмъ о послѣднихъ. Вотъ что можно сказать опредѣленно: готы подчинялись римскому праву въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ области уголовныхъ законовъ, въ области гражданскихъ имущественныхъ отношеній. Выше мы имѣли случай упомянуть, что готы были подчинены своимъ судьямъ, а не тѣмъ, которые судили римское населеніе; но даже это, повидимому, совершенно особое, зависѣвшее отъ политическихъ условій положеніе дѣла при ближайшемъ разсмотрѣніи объясняется весьма удовлетворительно старыми, чисто римскими законами: вѣдь еще при Діоклетіанѣ и Константинѣ было установлено, что военное управленіе должно быть рѣшительно отдѣлено отъ общегражданской администраціи и что всѣ, состоящіе на военной службѣ, должны быть судимы не кѣмъ инымъ, какъ военными судьями. Готы считались всѣ состоящими на „службѣ республики“,—по устарѣвшему выраженію, употребленному секретаремъ Теодориха Кассіодоромъ; слѣдовательно старый діоклетіановскій законъ долженъ былъ къ нимъ примѣняться. Впрочемъ, было сдѣлано въ немъ измѣненіе: прежде, обвинителемъ являлся военный, а обвиняемымъ частный чело- сужденіе по такому дѣлу входило въ компетенцію граждан- суда, теперь же, если готъ обвинялъ римлянина, судъ былъ

готскій. Другими словами, все сводилось къ тому, что ни при какихъ обстоятельствахъ римскій судъ гота судить не имѣлъ права и что при всякомъ спорѣ, тяжбѣ или уголовной жалобѣ, гдѣ замѣшаны готы и римляне, судъ принадлежалъ готамъ. На готскій судъ была апелляція къ самому королю, но насколько въ обычаѣ было этою апелляціею пользоваться, — неизвѣстно. Уже изъ этой организаціи государственнаго правосудія видно, что при всѣхъ своихъ примирительныхъ тенденціяхъ Теодорихъ все же не могъ не отвести своимъ соратникамъ явно привилегированнаго мѣста въ покоренной ими странѣ. Но особенно сказывается постоянная забота готскаго правительства о сохраненіи фактической власти побѣдителями въ устройствѣ администраціи. Во всѣхъ большихъ крѣпостяхъ (въ Сиракузахъ, Веронѣ, Аостѣ, Неаполѣ, Тортонѣ) были расположены готскіе гарнизоны, командиры которыхъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ полновластными градоправителями (comites, priores), а иногда даже губернаторами всей окружной мѣстности. Въ малыхъ и второстепенныхъ городахъ городское управленіе находилось въ рукахъ римскихъ „магистратовъ", избираемыхъ гражданами; но фактически правили такими городами такъ называемые „защитники" (defensores), по одному на каждый городъ. Дефенсоры по предложенію гражданъ назначались королемъ на одинъ годъ, такъ же, какъ *кураторы*, функціи которыхъ заключались главнымъ образомъ въ распредѣленіи податнаго бремени. Эти чины (магистраты, дефенсоры, кураторы), управлявшіе малыми городами и поселеніями, были римляне, но ошибочно было бы думать, что они являлись самостоятельными распорядителями въ городскихъ дѣлахъ: Теодорихъ учредилъ при своей администраціи институтъ „сайоновъ", королевскихъ посланцевъ, которые находились въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, лично приводили въ исполненіе декреты короля въ мѣстахъ, управляемыхъ римскими магистратами, дефенсорами и кураторами, вмѣшивались во всѣ недоразумѣнія, которыя могли произойти между этими римскими властями и готскимъ населеніемъ, и вообще являлись быстрымъ и послушнымъ орудіемъ королевской воли. Ихъ не слѣдуетъ считать только ревизорами: они были еще и исполнителями, и герольдами-провозвѣстниками

новыхъ указовъ, и слѣдователями, и уполномоченными мировыми судьями. Ихъ компетенція не была ограничена опредѣленными рамками: чиновники особыхъ порученій при королѣ, они отправлялись каждый разъ съ опредѣленнымъ спеціальнымъ порученіемъ и, окончивши его, возвращались въ Римъ. Теодорихъ, такимъ образомъ, лично управлялъ государствомъ и лично производилъ судъ и расправу—по апелляціоннымъ жалобамъ, поступавшимъ на его усмотрѣніе одинаково и изъ римскихъ, и изъ готскихъ судовъ. Готы были исключены изъ гражданской службы (хотя, какъ мы видѣли, наиболѣе важныя гражданскія функціи—вродѣ управленія важнѣйшими пунктами—соединялись въ ихъ рукахъ съ военными обязанностями); римляне были совершенно лишены права поступать въ военную службу. Это рѣзкое, кастовое раздѣленіе спеціальностей, конечно, не могло еще болѣе не укрѣпить враждебныхъ чувствъ и полнаго отчужденія, бывшихъ на лицо уже въ эпоху прихода готовъ въ Италію и покоренія ея. Смягчить послѣдствія этого раздѣленія не могли даже высокія назначенія, которыя выпадали на долю римлянъ при дворѣ, хотя и здѣсь голосъ готской знати, военныхъ сподвижниковъ короля, всегда имѣлъ преимущественное значеніе. При дворѣ и въ высшей администраціи сохранились чины и званія послѣднихъ временъ римской имперіи, съ нѣкоторыми незначительными видоизмѣненіями. Ни magister officiorum, начальствовавшій надъ оружейными мастерскими и завѣдывавшій всѣмъ оружейнымъ дѣломъ, ни квесторъ, правитель королевской канцеляріи, ни comes sacrarum largitionum, главный завѣдующій всѣмъ королевскимъ имуществомъ и отчасти государственными финансами,—никто изъ этихъ и другихъ, менѣе важныхъ лицъ двора не имѣлъ особаго вліянія на государственныя дѣла. Римляне, занимавшіе эти мѣста, были оффиціальными и номинальными совѣтниками короля, а дѣйствительными, хотя и частными совѣтниками и вдохновителями его оставались тѣ же готы. Нѣсколько больше значенія, нежели другіе сановники изъ римлянъ, имѣлъ префектъ преторіи, министръ внутреннихъ дѣлъ, помогавшій королю въ выработкѣ эдиктовъ. Римъ и Равенна, два главныхъ опорныхъ пункта готской монархіи, управлялись на основаніи исключительныхъ правилъ: Римомъ на-

чальствовалъ „городской префектъ", а Равенною „префектъ стражи". Король со своимъ дворомъ жилъ обыкновенно въ Равеннѣ, а въ Римѣ находилось мѣстопребываніе сената. Сенатъ, вербовавшійся изъ высшихъ сановниковъ и изъ лицъ высшей римской служилой знати, въ готскія времена, конечно, ни малѣйшаго значенія не имѣлъ, но сохранилъ какое то внѣшнее подобіе самостоятельности: сенатъ посылаетъ иногда посланія непосредственно самому императору въ Константинополь и получаетъ отъ него отвѣты, на сто миль въ окружности Рима право разсматривать дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ принадлежитъ не королю, но сенату. Теодорихъ относился къ этимъ антикварнымъ остаткамъ былого величія съ характернымъ для него почтеніемъ. Сенатъ самъ пополнялъ число своихъ членовъ изъ бывшихъ сановниковъ и лицъ, по происхожденію принадлежавшихъ къ „сенаторскому сословію", другими словами, изъ потомковъ сенаторовъ, вообще изъ римской аристократіи, но и король иногда представлялъ сенату своего кандидата— и тотъ принимался. Считаясь законодательнымъ собраніемъ, сенатъ на самомъ дѣлѣ получалъ уже готовые указы короля въ видѣ такой же новинки, какъ и остальные граждане: Теодорихъ собралъ въ своихъ рукахъ всю полноту не только административной, но и законодательной власти.

Самымъ важнымъ памятникомъ теодорихова законодательства остался такъ называемый его „Эдиктъ". На самомъ дѣлѣ это не „эдиктъ", а цѣлое собраніе эдиктовъ, изданныхъ Теодорихомъ въ разное время и по разнымъ поводамъ, указовъ и законоположеній, взятыхъ изъ кодекса императора Ѳеодосія и законовъ послѣднихъ императоровъ. Это собраніе, разнородное по содержанію, кодифицировано въ видѣ указа, раздѣленнаго на 154 параграфа; повидимому, непосредственною цѣлью завоевателя при изданіи сборника было подтвердить и освятить своимъ авторитетомъ старыя правила и постановленія римскаго государства. Замѣчательны изъ новыхъ законоположеній лишь указы, направленные противъ обычая кровавой мести и показывающіе, съ какимъ трудомъ государственныя власть

должна была бороться противъ родовыхъ пережитковъ прежней эпохи; не мало также строжайшихъ угрозъ за убійство и насиліе, за уводъ чужой жены или дочери, за угонъ скота, за поджогъ строеній; запрещается чиновникамъ, собирающимъ подати, притѣснять и грабить обывателей. Любопытно также правило, по которому при судебной тяжбѣ сторонамъ воспрещалось обращаться къ предстательству знатныхъ и богатыхъ лицъ и дѣлать вліятельныхъ людей представителями своихъ интересовъ. Это правило, повидимому, составлено съ цѣлью обезпечить правильное отправленіе правосудія и помочь бѣднымъ слоямъ населенія въ судебной волокитѣ, но тотчасъ же мы встрѣчаемся съ другими параграфами „Эдикта", которые вполнѣ ясно обнаруживаютъ, что Теодорихъ стремился оставить въ неприкосновенности тѣ сословныя перегородки, которыя при императорахъ дѣлили римское населеніе: за нѣкоторыя преступленія положенъ штрафъ, и этотъ штрафъ варіируется не только сообразно съ сословнымъ положеніемъ пострадавшаго (что находится въ полномъ согласіи съ общимъ принципомъ „варварскихъ правдъ"), но и съ сословнымъ положеніемъ осужденнаго: преступники низшихъ классовъ (колоны, рабы) терпятъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ нобили. Вообще бытъ земледѣльцевъ-колоновъ при Теодорихѣ мало измѣнился сравнительно съ прошлымъ временемъ; были и хорошія для колоновъ, и дурныя послѣдствія готскаго завоеванія. Дурныя послѣдствія состояли въ томъ, что колоны оказались еще болѣе прикрѣпленными къ землѣ, чѣмъ они были при Одоакрѣ или въ эпоху римской имперіи. Ниже, въ очеркѣ экономической исторіи Апеннинскаго полуострова, читатель найдетъ сохранившіяся и дошедшія до насъ свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи разныхъ классовъ гото-римскаго государства; пока ограничимся указаніемъ на то, что колоны могли спокойнѣе заниматься своимъ трудомъ подъ охраной прежде несуществовавшей сильной правительственной власти и, повидимому, дѣйствительно, производительность ихъ труда возросла настолько въ періодъ готскаго владычества, что они меньше жаловались на судьбу, чѣмъ прежде. Въ соціальномъ отношеніи они поопрежнему находились въ сильнѣйшей (пожалуй, еще упрочившейся) зависимости отъ богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ.

Арендная плата и другіе поборы угнетали ихъ; теперь, правда, никто уже не могъ внезапно напасть на колона, угнать его скотъ и отнять хлѣбъ, но вымогательства законныя продолжались съ прежнею энергіею. Не прекращался и вѣрнѣйшій симптомъ и признакъ бѣдственнаго положенія массы: бѣгство колоновъ изъ деревень средней и сѣверной Италіи сдѣлалось привычнымъ явленіемъ. Бѣжали они въ разныя стороны; многіе направлялись на югъ. Собственно съ этихъ только временъ югъ Италіи и становится классическимъ мѣстопребываніемъ бандитовъ, не переводившихся здѣсь вплоть до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія и подъ видоизмѣненнымъ названіемъ южныхъ, маффіанцевъ не исчезнувшихъ тамъ и въ наше время. Но бѣгства и разбои были единственнымъ выходомъ колоновъ: до возстанія противъ помѣщиковъ дѣло не дошло. Собственно, кромѣ колоновъ, для которыхъ въ общемъ особыхъ измѣненій ни въ ту, ни въ другую сторону не произошло, на судьбу могли жаловаться только рабы: прежде рабы жили по большей части въ деревняхъ, гдѣ воздѣлывали землю, занимались домашними работами и не отлучались отъ семьи. Теперь, когда господами весьма многихъ изъ нихъ сдѣлались готы, всѣ служившіе въ военныхъ гарнизонахъ, расположенныхъ по городамъ, купля-продажа рабовъ съ семействами и безъ нихъ, уводъ ихъ въ городъ и т. п. сдѣлались обычными явленіями. Но кромѣ колоновъ и рабовъ, другіе классы населенія не могли пожаловаться на ухудшеніе своего положенія, напротивъ, купцы, богатые землевладѣльцы вообще имущія сословія роптать не имѣли никакого права. Торговля, совершенно уничтоженная съ самыхъ временъ Стилихона, т. е. съ перваго десятилѣтія V-го вѣка теперь оживилась. Историки готскаго владычества не могутъ нахвалиться безопасностью и „счастьемъ“ Италіи, гдѣ „даже купцы могутъ свободно путешествовать, даже золото и серебро можно положить на дорогѣ и потомъ найти нетронутымъ“. Богатые землевладѣльцы, сильно обезпеченные въ отношеніи рабочихъ рукъ явною тенденціей законодателя прикрѣпить окончательно колоновъ къ землѣ, могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ подъ покровительствомъ администраціи, дѣлавшей все, чтобы ихъ поддержать. Любопытно, что именно эта

среда богатыхъ помѣщиковъ и была преимущественно очагомъ оппозиціи противъ готовъ, и чуть-ли не единственнымъ главнымъ очагомъ ея. Тутъ политика Теодориха не привела къ желательнымъ для него результатамъ. Но при всемъ различіи въ отношеніи правительства къ разнымъ сословіямъ двѣ черты его не могли не вызывать сравненій настоящаго съ прошлымъ, всецѣло выгодныхъ для настоящаго: 1) гораздо бо́льшая и лучшая охрана личности въ соединеніи съ тенденціей установить въ странѣ истинное правосудіе и 2) несравненно бо́льшая гуманность въ дѣлахъ, касавшихся интересовъ фиска. Ни римская казна до готовъ, ни византійская послѣ готовъ не знали, что значитъ пощада, отсрочка, уступка, когда нужно было взимать подати и недоимки. Что же касается до Теодориха, то́ онъ издалъ рядъ правилъ, указывающихъ, въ какихъ случаяхъ чиновники фиска должны быть снисходительнѣе, въ какихъ они могутъ даже совсѣмъ на время освобождать жителей отъ уплаты податей и т. д. Лучше всего почувствовали всѣ благодѣянія этой системы римляне, когда полчища Велизарія и Нарзеса раздавили готовъ, и „римская" администрація замѣнила ненавистную „варварскую".

IV.

„Мы никому не можемъ навязать религію; никто не можетъ насиліемъ быть приведенъ къ вѣрѣ". Таковы слова Теодориха, переданныя намъ его секретаремъ Кассіодоромъ. Въ этихъ словахъ выражена сущность религіозной политики готскаго короля: въ самомъ дѣлѣ, онъ не видѣлъ причинъ, почему бы католикамъ и аріанамъ, римлянамъ и готамъ, двумъ религіямъ и двумъ народамъ не жить мирно бокъ-о-бокъ. Католичество пользовалось при немъ самою полною, широкою терпимостью. Его другъ и совѣтникъ, Кассіодоръ, писавшій текстъ его указовъ, одинъ изъ первыхъ людей при дворѣ, былъ римляниномъ и католикомъ; католичкою была и мать короля. Аріанство у германскихъ народовъ вообще не гналось за прозелитами, а у Теодориха къ прозелитизму было даже какое-то отвращеніе. Но, какъ это ни странно, агрессивную политику

начали представители религіи побѣжденныхъ. Впрочемъ, и это еще не тревожило Теодориха: онъ безпокоился лишь о томъ, чтобы католицизмъ не сталъ играть антигосударственной роли, чтобы онъ не сдѣлался сообщникомъ національнаго римскаго броженія. Король не вмѣшивался въ дѣла церкви: ни одинъ властитель Рима вплоть до временъ Григорія VII, ни одинъ византійскій императоръ за все время существованія восточной имперіи не давали столько простора въ дѣйствіяхъ римскимъ и константинопольскимъ первосвященникамъ, какъ Теодорихъ—главѣ чужой для него религіи, находившемуся въ полной его власти. Но церковь первая по своей волѣ вмѣшала короля-еретика въ свои внутренніе споры. Въ этихъ спорахъ уже давно прорывались зловѣщія нотки, уже не разъ проявлялась враждующими сторонами тенденція прибѣгнуть къ насилію, какъ къ послѣднему доводу. Теперь возможность дѣлать насиліе находилась въ рукахъ Теодориха, и къ нему-то и счелъ долгомъ прибѣгнуть римскій папа Симмахъ, ведшій жаркую борьбу съ Лаврентіемъ по вопросу о времени празднованія Пасхи и т. д. Эта борьба, возгорѣвшаяся по чисто католическимъ причинамъ, приняла такіе размѣры, что Теодорихъ, котораго противники безпрестанно посвящали во всѣ подробности своихъ недоразумѣній, рѣшилъ кончить дѣло созваніемъ синода итальянскихъ епископовъ. Но вышло это не такъ просто: Симмахъ подъ предлогомъ боязни выйти изъ дома не явился на соборъ, борьба съ Лаврентіемъ велась все болѣе и болѣе ожесточенно,—и конечную позицію Теодориха въ этомъ дѣлѣ рѣшило одно чисто дипломатическое вводное обстоятельство: претендентъ на папскій престолъ Лаврентій явно сблизился съ восточною церковью, находившейся подъ давленіемъ константинопольскаго двора; поддержка Симмаха обратилась для готскаго короля въ поддержку собственныхъ интересовъ: послѣ 8-лѣтней борьбы въ 502 году по приказу сената, утвержденному Теодорихомъ, Симмахъ былъ объявленъ истиннымъ папою, а Лаврентій и его приверженцы удалены изъ Италіи. Борьба Симмаха и Лаврентія пробудила и оживила вражду константинопольскаго двора къ варвару, котораго на берегахъ Босфора, несмотря на всѣ дипломатическія взаимныя любезности, не

переставали считать узурпаторомъ ничуть не лучше Одоакра. Послѣ 502 года эта враждебность дѣлается болѣе откровенной.

Византійскія отношенія образуютъ центръ и первооснову всей внѣшней политики готской монархіи при Теодорихѣ и послѣ него, за всѣ шестьдесятъ лѣтъ пребыванія готовъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Восточный врагъ является тѣмъ многообразнымъ страшилищемъ, котораго готское правительство боится въ образѣ Лаврентія, въ образѣ франковъ, котораго руку оно видитъ во всѣхъ постигающихъ его затрудненіяхъ, осложненіяхъ и интригахъ. Дѣйствительно, византійскій дворъ не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы подорвать будущность новаго государства. Общность религіи, культурныя связи, воззрѣніе на Константинополь, какъ на единственно законнаго преемника Рима, — вотъ что связывало населеніе обоихъ полуострововъ и ставило ихъ лицомъ къ лицу съ варварами-еретиками. Терпимость Теодориха, столь полезная для всѣхъ, исповѣдовавшихъ никейскій символъ вѣры, ничуть не казалась римлянамъ примѣромъ, достойнымъ подражанія: религіозная ревность ихъ была такъ велика, что они не могли платить тою же монетою аріанамъ. Впрочемъ, противъ аріанъ немыслимо было предпринять ничего, такъ какъ они были вооружены и въ ихъ рукахъ была власть. Зато евреямъ приходилось очень плохо. Особенно много избіеній евреевъ происходило въ Неаполѣ, Миланѣ и Римѣ. Теодорихъ наказывалъ за это католиковъ наложеніемъ на нихъ штрафовъ въ пользу ограбленныхъ, а неимущихъ преступниковъ приказывалъ публично сѣчь. Эти распоряженія поселили острое недовольство въ разнообразнѣйшихъ слояхъ римскаго населенія, подстрекаемаго противъ короля византійскимъ правительствомъ. Не было согласія и мира въ Италіи, а къ концу перваго десятилѣтія VI вѣка появились весьма основательныя причины для безпокойства и въ области внѣшнихъ отношеній. Со временъ побѣды надъ алеманами въ 496 году франкскій завоеватель Хлодвигъ не переставалъ идти отъ успѣха къ успѣху; онъ побѣдилъ бургундовъ, вторгся во владѣнія вестготовъ, взялъ Бордо и расширилъ свою монархію до Прованса. Теодорихъ пытался нѣсколько разъ посольствами, увѣщаніями, наконецъ интригами остановить движеніе Хлодвига къ

югу, но ничего не помогло. Одно изъ обстоятельствъ, сильно помогавшихъ франкскому королю, заключалось въ томъ, что онъ былъ католикомъ, другомъ и союзникомъ византійскаго императора. Случайный выборъ религіи, сдѣланный Брунегильдою и ея мужемъ, много способствовалъ ускоренію темпа завоевательной политики Хлодвига. Императоръ Анастасій рѣшилъ воспользоваться Хлодвигомъ для уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, подрыва остготскаго могущества. Въ 508 году императоръ послалъ Хлодвигу мандатъ съ назначеніемъ его почетнымъ консуломъ: это былъ одинъ изъ совершенно фиктивныхъ, но очень цѣнившихся варварскими властителями титуловъ, раздача которыхъ зависѣла отъ императора. Подобный титулъ придавалъ варвару характеръ недостававшей ему легитимности въ глазахъ его романскихъ подданныхъ. Одновременно съ этою любезностью по отношенію къ франкскому королю, императоръ послалъ (въ томъ же 508 году) безъ объявленія войны сто кораблей, которые разграбили берега Калабріи и Апуліи. Это не помѣшало императору впослѣдствіи отречься отъ посылки кораблей и свалить все на корсаровъ. Но отречься пришлось вотъ почему: желая во что бы то ни стало отодвинуть отъ Италіи франкскую монархію, Теодорихъ въ Іюнѣ 508 года вторгся въ Галлію и, занявши Провансъ и долину Роны, поспѣшилъ къ вестготской крѣпости Арль, осажденной полчищами Хлодвига. Здѣсь произошла кровавая битва, изъ которой побѣдителями вышли остготы. Затѣмъ остготскій генералъ Маммонъ вторгся въ Бургундію; въ 511 году кончилась эта война. Франки были оттѣснены къ сѣверу, Теодорихъ отъ имени маленькаго вестготскаго короля сталъ правителемъ вестготскаго государства, отдѣленнаго Роною отъ франковъ; бургундскій городъ Авиньонъ также остался въ рукахъ остготовъ. Слава Теодориха гремѣла по всему средиземному побережью; тогда-то константинопольскій дворъ особенно и началъ настаивать на полной своей непричастности къ прискорбному эпизоду грабежа Калабріи и Апуліи военными кораблями. Ближайшіе годы послѣ войны Теодорихъ посвятилъ устройству и упорядоченію дѣлъ во вновь присоединенныхъ провинціяхъ. Въ 515 году Теодорихъ выдалъ свою дочь Амалазуиту за вестготскаго вельможу изъ Испа-

нія — Эвтариха. Вскорѣ послѣ этого Эвтарихъ былъ избранъ консуломъ Рима, и по этому поводу король далъ народу великолѣпныя игры. 516, 517 и нѣсколько слѣдующихъ годовъ являются кульминаціей счастья и могущества Теодориха. Жилъ онъ обыкновенно въ Равеннѣ, городѣ, населенномъ готскою знатью, римскими и греческими выходцами. Теодорихъ повидимому съ участіемъ относился къ римской литературѣ, что было съ его стороны вполнѣ послѣдовательно, если принять во вниманіе, какъ онъ относился вообще къ римской гражданственности. Но самъ онъ оставался все же весьма далекъ отъ образованія даже самаго умѣреннаго: не умѣя подписать собственнаго имени, не зная ни одной римской буквы, онъ велѣлъ изготовить себѣ золотую палочку съ изгибами, по которой онъ срисовывалъ слово legi (читалъ) на подаваемыхъ ему бумагахъ. Окружавшіе его готы не превосходили въ образованіи своего властителя. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и римское населеніе въ среднемъ обладало весьма сомнительною культурностью: показателемъ этого можетъ служить крайняя скудость въ литературныхъ дѣятеляхъ, ознаменовавшая эпоху готскаго владычества. На первомъ планѣ въ этой маленькой кучкѣ писателей стоятъ Кассіодоръ, Симмахъ и Боэцій.

Кассіодоръ могъ считаться въ глазахъ Теодориха идеаломъ, олицетвореніемъ такого римлянина, какого готскій король желалъ бы создать изъ каждаго итальянца. Дѣйствительно, богатый и знатный южно-итальянскій помѣщикъ, Кассіодоръ всецѣло примкнулъ къ готскому правительству, принесъ ему въ услуженіе свой талантъ, свои знанія и свои связи и поставилъ себѣ ту же политическую цѣль: примиреніе готовъ и римлянъ подъ готскимъ скипетромъ. Еще отецъ Кассіодора былъ министромъ финансовъ у Одоакра и послѣ пораженія своего господина перешелъ на сторону побѣдителя, за что былъ тотчасъ же назначенъ префектомъ преторіи. Служебная дорога открывалась предъ сыномъ прекрасная, и онъ ею воспользовался: еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ попалъ въ квесторы и скоро сталъ неотлучнымъ и незамѣнимымъ правителемъ дипломатической канцеляріи готскаго короля. Онъ былъ талантливымъ риторомъ, ловкимъ и многословнымъ, хотя и

скрытнымъ дипломатомъ, знавшимъ прекрасно и византійскій дворъ, и всѣ тогдашнія отношенія, умѣвшимъ превосходно всегда формулировать желанія и мысли своего повелителя. Впослѣдствіи, уже, повидимому, къ концу своей карьеры онъ собралъ много изъ составленныхъ имъ служебныхъ бумагъ и издалъ ихъ подъ названіемъ „Variae“; сборникъ этотъ имѣетъ большую историческую цѣнность для насъ, если принять во вниманіе происхожденіе этихъ документовъ и общую скудость источниковъ для исторіи эпохи. Кромѣ этихъ „Variae“, Кассіодоръ еще во время консульства королевскаго зятя Эвтариха написавъ всемірную исторію, конечно, чисто компилятивную, начинающуюся съ исторіи Месопотаміи и кончающуюся „годомъ консула Эвтариха“ и описаніемъ торжествъ, данныхъ по этому поводу въ Равеннѣ и Римѣ. Наконецъ, въ третьей своей работѣ—исторіи готовъ—Кассіодоръ далъ образчикъ оффиціальной исторіографіи того времени: пропущено и тщательно затушевано все, что такъ или иначе могло бы оживить національныя чувства римлянъ, и сдѣлано все, чтобы доказать аристократичность происхожденія побѣдителей. Они оказываются потомками древняго племени гетовъ и потому вполнѣ достойны уваженія римлянъ. Нужно замѣтить, что эти произведенія Кассіодора написаны весьма риторично и пристрастно и въ литературномъ смыслѣ представляютъ довольно сомнительную цѣнность. Слогъ слишкомъ пышенъ и цвѣтистъ, изложеніе фактовъ бѣглое и общее, панегиристъ всюду первенствуетъ надъ историкомъ. Типичный царедворецъ, Полоній равеннскаго дворца, онъ дожилъ мирно и спокойно, какъ говорятъ, до столѣтняго возраста; онъ видѣлъ во всякомъ случаѣ и смерть Теодориха, и дальнѣйшія перемѣны, и нашествіе Велизарія; успѣвши во время снискать расположеніе византійцевъ, онъ тихо и уединенно дожилъ свой счастливый вѣкъ на родинѣ, въ Бруціумѣ. Поэтъ и грамматикъ Максиміанъ, далекій отъ политической злобы дня, писалъ одновременно съ Теодорихомъ свои элегіи объ утраченной молодости и о былыхъ своихъ любозныхъ приключеніяхъ; читали его повидимому довольно много, по крайней мѣрѣ, о себѣ онъ съ гордостью заявляетъ, что извѣстенъ всему міру. Ни для исторіи, ни для исторіи литературы его творчество

никакой цѣны не имѣетъ. Болѣе Максиміана, но менѣе Кассіодора былъ популяренъ историкъ Квинтъ Аврелій Симмахъ, римскій вельможа, дѣятельный членъ партіи одноименнаго съ нимъ папы противъ Лаврентія. Онъ написалъ „римскую исторію" въ 7 книгахъ, компилятивную по своему составу, но изложенную проще и оживленную разными отступленіями и соображеніями по поводу описываемыхъ событій. Онъ воспиталъ Боэція, сдѣлавшагося потомъ его зятемъ, ставшаго гордостью и славою римской знати временъ царствованія Теодориха. Принадлежавшій къ самому высшему слою римской аристократіи, Боэцій въ 510 году сталъ даже консуломъ: онъ еще раньше успѣлъ обратить на себя вниманіе короля своими разнообразными талантами. Боэцій былъ и механикомъ, и архитекторомъ, и музыкантомъ еще раньше, чѣмъ сталъ философомъ; въ исторіи математики онъ по праву можетъ занять мѣсто непосредственнаго предшественника ученаго X вѣка Герберта (папы Сильвестра II). Отношенія между нимъ и Теодорикомъ были очень хороши; Теодорихъ любилъ людей, которые позволяли ему не ударить лицомъ въ грязь предъ сосѣдями: нужны бургундскому королю водяные часы,—Боэцій дѣлаетъ часы, нужно показать, что не только въ Константинополѣ есть хитрые спорщики,—и король можетъ сослаться на полемику Боэція противъ несторіанской ереси. Будь у Боэція осторожный и покладистый темпераментъ Кассіодора или умри онъ до двадцатыхъ годовъ VI вѣка, — исторія могла бы констатировать, что готскій король берегъ и почиталъ умственные таланты своихъ подданныхъ. Но судьба рѣшила иначе. Для того, чтобы конецъ Боэція былъ вполнѣ понятенъ, необходимо коснуться послѣднихъ лѣтъ Теодориха, когда все—и люди, и политика—измѣнилось подъ давленіемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ.

Въ 519 году на византійскій престолъ вступилъ Юстинъ и, подъ вліяніемъ его племянника Юстиніана, обострилось преслѣдованіе аріанъ въ восточной имперіи. Теодорихъ съ своей стороны въ видѣ протеста снарядилъ въ Константинополь посольство во главѣ съ папою и далъ посольству строгій приказъ добиться у императора смягченія въ законахъ противъ аріанъ. Византійскій дворъ отвѣтилъ посольству уклончиво, но преслѣдованій не пре-

кратилъ. Къ этому прибавились новые поводы къ неудовольствію готскаго короля. Въ Неаполѣ, Миланѣ и другихъ мѣстахъ еврейскія синагоги были разрушены, многіе евреи перебиты и ограблены. Случилось это еще до посольства въ Константинополь. Теодорихъ сурово наказалъ виновныхъ. Это страшно возмутило католическое населеніе,—начались подчеркиванія того, что король-де самъ безбожный еретикъ, предположенія, что въ него вселился діаволъ и т. п. Какъ разъ къ тому времени пришло извѣстіе, что императоръ отклонилъ всякое вмѣшательство короля въ пользу еретиковъ. Враждебныя готамъ чувства усилились. Теодорихъ потерялъ свое обычное самообладаніе и рѣшилъ бороться противъ враговъ ихъ же оружіемъ, нетерпимостью: онъ разрушилъ церковь въ Веронѣ и стѣснилъ отправленіе католическаго богослуженія. Антиготское броженіе приняло колоссальные размѣры и, конечно, прежде всего въ аристократическомъ римскомъ классѣ. Въ Римѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму сенаторъ Альбинъ по обвиненію въ томъ, что онъ „надѣялся на освобожденіе“ Италіи отъ готовъ. Тогда Боэцій, бывшій также сенаторомъ, во всеуслышаніе заявилъ, что если Альбинъ виновенъ то и весь сенатъ виновенъ и что если бы онъ, Боэцій, и зналъ о заговорѣ Альбина, то король не узналъ бы все-же: „si ego scissem, tu nescisses“. Послѣ этихъ изъявленій положеніе Боэція въ виду общей напряженности политическаго момента сдѣлалось чрезвычайно шаткимъ. Вдругъ слѣдствіе обнаруживаетъ письмо, приглашающее императора Юстина прогнать Теодориха и присоединить Италію; подъ письмомъ красуются подписи Альбина и Боэція. Оба объявили подписи подложными, но несмотря на это, Боэцій былъ отвезенъ въ тюремное заточеніе въ павійскую башню, и надъ нимъ наряжено слѣдствіе. Запуганные сенаторы приговорили его къ смерти. Сидя въ тюрьмѣ, Боэцій создалъ самое лучшее и глубокое свое произведеніе—De consolatione philosophiae, объ утѣшеніи, доставляемомъ философіею. Это, дѣйствительно, замѣчательная вещь по искренности и возвышенности тона и настроенія. Философъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ пользовался счастьемъ, не совершивши никакого преступленія, и поэтому можетъ уйти изъ жизни

безъ сожалѣній и скорби. Онъ всегда вѣрилъ въ Бога и исполнялъ Его велѣнія, поэтому теперь предъ его духовными очами простирается перспектива вѣчнаго блаженства. Что же такое въ сравненіи съ этимъ временное несчастье, павійская башня, смерть? Онъ много говоритъ о свободной волѣ людей, которую пытается гармонически согласовать съ Божьимъ всемогуществомъ. „De consolatione" написано въ виду веревки палача такъ же, какъ книга Кондорсэ „О прогрессѣ" была написана въ виду гильотины, — и кромѣ этихъ двухъ произведеній, нельзя указать ни одного, которое, создаваясь при подобныхъ обстоятельствахъ, отличалось бы такою ровностью, спокойствіемъ и оптимизмомъ тона и содержанія, какъ эти двѣ книги, раздѣленныя одна отъ другой тринадцатью столѣтіями. Боэцій былъ задушенъ веревкою, и голова его была размозжена топоромъ въ Павіи въ 524 году. Вскорѣ былъ по приказу Теодориха казненъ и тесть философа Симмахъ. Прокопій Кессарійскій разсказываетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ казни Боэція и Симмаха, король однажды, сидя за столомъ, вдругъ закричалъ, указывая на рыбу, поданную ему, что онъ видитъ лицо Симмаха, пылающее гнѣвомъ, что Симмахъ скалитъ зубы, чтобы разорвать его. Король быстро удалился къ себѣ; три дня онъ мучился внутренними болями; онъ говорилъ своему врачу, что воспоминаніе о Боэціи и Симмахѣ страшно его мучаетъ. Черезъ три дня послѣ галлюцинаціи онъ испустилъ духъ. Произошло это въ его любимомъ равеннскомъ дворцѣ въ 525 году послѣ тридцати трехъ лѣтъ царствованія.

V.

Надолго сохранили и итальянцы, и готы память о своемъ умномъ, храбромъ, добромъ, но вспыльчивомъ королѣ, который не достигъ того, о чемъ мечталъ всю жизнь, который одинъ въ свою варварскую эпоху ставилъ себѣ цѣли чисто культурныя, недостижимыя и неосуществимыя силою меча, и который умеръ подъ гнетомъ неудачъ, интригъ, крови и преступленій. Даже тѣмъ, кто ненавидѣлъ его, не разъ потомъ пришлось пожалѣть объ остгот-

скомъ варварѣ, сравнивая его съ другими варварами и даже съ культурными византійцами.

Государственный союзъ, не сдѣлавшійся прочнымъ за тридцать три года счастливаго и твердаго царствованія героя-завоевателя, не могъ не распасться при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. А обстоятельства наступили трудныя. Эвтарихъ, зять короля, умеръ еще при жизни тестя; престолъ долженъ былъ перейти къ Аталариху, внуку покойнаго короля (сына Эвтариха и Амалазунты). Аталариху было десять лѣтъ, и регентство досталось Амалазунтѣ. Трудное дѣло выпало ей на долю: на византійскомъ престолѣ черезъ полтора года послѣ начала ея регентства воцарился Юстиніанъ и началъ свою карьеру Велизарій. Готскому государству пришлось бороться противъ коалиціи первокласснаго государственнаго ума, управлявшаго имперіей, и замѣчательнаго военнаго таланта, руководившаго многочисленной арміей. Амалазунта была женщина умная и очень образованная—Теодорихъ, подобно Петру Великому, не получивши систематическаго воспитанія лично, желалъ дать его дѣтямъ. Но при всемъ умѣ и образованіи она очень подчинялась прихотямъ и капризамъ своего темперамента и обнаруживала весьма слабыя дипломатическія дарованія. Вандалы какъ-то внезапно и очень варварски истребили жившихъ въ ихъ владѣніяхъ готовъ; разгнѣванная Амалазунта велѣла Кассіодору (и при ней остававшемуся близкимъ къ трону лицомъ) написать грозное посланіе къ вандальскому королю съ требованіемъ удовлетворенія. Вандалы не испугались, ибо остготскій флотъ вовсе не былъ въ такой готовности, чтобы переправить къ нимъ въ Африку большое войско. Но въ это время какъ-разъ поплылъ къ вандаламъ Велизарій съ византійскою арміей; Амалазунта была внѣ себя отъ радости, что обида будетъ отомщена мечемъ Велизарія, и велѣла даже правителю Сициліи дать припасы и все что нужно будетъ плывущему въ Африку византійскому флоту. Велизарій разгромилъ и уничтожилъ Гилимера, короля вандальскаго, и тотчасъ же обратился противъ остготовъ. Началось съ придирокъ, съ того, что городъ Лиллибей въ Сициліи раньше принадлежалъ вандаламъ, значитъ, теперь по праву завоеванія долженъ перейти къ Юстиніану. Но затѣмъ дѣло

приняло еще болѣе серьезный оборотъ. Сынъ Амалазунты Аталарихъ, мальчикъ 16 лѣтъ, совершенно отбился отъ рукъ матери и умеръ отъ пьянства и разврата, и Амалазунта, нелюбимая придворными и вообще готами за привязанность къ римской культурѣ, рѣшила вступить лично на престолъ, а для того, чтобы это не показалось нарушеніемъ одного изъ обще-варварскихъ основныхъ законовъ: „престолъ не долженъ переходить отъ меча къ прялкѣ" — регентша прибѣгла къ очень неудачной комбинаціи: она вмѣстѣ съ собою возвела на престолъ одного своего родственника (двоюроднаго брата) Теодата. Теодатъ, побуждаемый готскими вельможами, велѣлъ посадить свою соправительницу въ тюрьму, гдѣ ее и задушили по его-же приказу. Когда это было сдѣлано, Юстиніанъ въ томъ же 535 году снарялилъ походъ противъ Теодата, якобы чтобы наказать его за злодѣйство и узурпацію, на самомъ же дѣлѣ (впрочемъ, это и не скрывалось), чтобы „вынуть изъ тѣла имперіи занозу", торчавшую тамъ уже сорокъ пять лѣтъ, т. е. чтобы завоевать Италіи и снова присоединить ее къ имперіи. Во главѣ завоевательной экспедиціи поставленъ былъ герой вандальской войны Велизарій.

Занявши своими гарнизонами важнѣйшія крѣпости Сициліи, Велизарій переправился чрезъ Мессинскій проливъ и пошелъ западнымъ берегомъ Апеннинскаго полуострова въ Неаполь. Происходило это въ 536 году. Жители Неаполя романскаго происхожденія ничего не имѣли бы противъ немедленнаго подчиненія византійскому полководцу; по пути отъ Регіума (гдѣ онъ высадился) до Неаполя онъ не встрѣтилъ рѣшительно никакого сопротивленія. Но готскій гарнизонъ, стоявшій въ городѣ, и многолюдное еврейское населеніе, боявшееся преслѣдованій за вѣру, рѣшили оказать сопротивленіе и отказали въ сдачѣ. Велизарій открылъ одинъ подземный акводукъ, выходившій другимъ отверстіемъ въ городѣ, провелъ въ городъ четыреста человѣкъ своихъ солдатъ и овладѣлъ Неаполемъ во время паники, произведенной неожиданнымъ появленіемъ византійцевъ. Неаполь былъ разграбленъ, несмотря на попытки Велизарія укротить ярость своихъ войскъ. Между тѣмъ среди готскихъ главныхъ военныхъ силъ, расположенныхъ на сѣверѣ

полуострова, произошелъ внезапный переворотъ: Теодатъ былъ низверженъ и убитъ, а на щитъ въ знакъ выбора въ короли по старому германскому обычаю былъ поднятъ Витигесъ. Витигесъ рѣшилъ отложить систематическое сопротивленіе до весны, а пока запереться въ Равеннѣ. Велизарій тотчасъ же воспользовался этимъ и двинулся изъ Неаполя къ Риму. Римляне встрѣтили его съ полнымъ восторгомъ, съ криками, что аріанской ереси и сѣвернымъ варварамъ пришелъ конецъ, что съ „возстановленіемъ имперіи“ настанетъ общее довольство. Отъ папы и сената отправились делегаты къ Велизарію съ изъявленіемъ вѣрности города византійскому императору. Четырехтысячный готскій гарнизонъ вышелъ изъ Рима, и Велизарій безъ всякаго сопротивленія овладѣлъ столицею. Но Витигесъ былъ не изъ такихъ, которые уступаютъ безъ боя: собравши вокругъ себя полтораста тысячъ войска, онъ двинулся къ Риму и осадилъ его. Однако Велизарій, какъ только врагъ остановился предъ Римомъ, напалъ на Витигеса и послѣ двухъ кровавыхъ схватокъ вынудилъ короля отступить. Черезъ девятнадцать дней Витигесъ началъ общій штурмъ города съ нѣсколькихъ сторонъ въ одно время, но Велизарій блестяще отразилъ и это отчаянное нападеніе. Тогда король началъ правильную осаду города; осада тянулась долго, римляне начали ощущать недостатокъ въ пищѣ, роптать, и даже нѣсколько сенаторовъ и папа Сильверій сдѣлали попытку предать городъ въ руки Витигеса, но Велизарій перехватилъ письмо, уличавшее предателей, и изгналъ ихъ изъ города въ отдаленную ссылку, на берега Малой Азіи (ихъ повезли на караблѣ по Тибру въ море). Дѣло обороны осложнялось еще тѣмъ, что Юстиніанъ, несмотря на многократныя представленія Велизарія, весьма скупо посылалъ въ Римъ припасы и свѣжія подкрѣпленія. Наконецъ, послѣ годовой осады готы отступили; послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ поправить свои дѣла (вродѣ неудачнаго штурма города Римини) Витигесъ заперся въ Равеннѣ, съ давнихъ поръ пользовавшейся репутаціей сильнѣйшей крѣпости Апеннинскаго полуострова. Велизарій съ суши и съ моря осадилъ городъ, отравилъ воду, сжегъ хлѣбные амбары и разсчитывалъ добиться капитуляціи голодомъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно

для византійскаго полководца въ его лагерь прибыли послы къ Витигесу отъ императора Юстиніана; они заявили Велизарію, что Юстиніанъ предлагаетъ готскому королю слѣдующія условія: весь Апеннинскій полуостровъ до рѣки По отходитъ къ Византіи,— мѣстность къ сѣверу отъ По—остается за готами. Велизарій былъ въ отчаяніи; онъ говорилъ, что въ цѣпяхъ привезетъ Витигеса въ Константинополь, что никакихъ договоровъ не нужно. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы сами готы не помогли Велизарію: они въ лицѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ людей предложили византійскому полководцу стать готскимъ королемъ (по низверженіи Витигеса) и править всею Италіею, единою и нераздѣльною, завоеванною имъ, но отложиться отъ императора, такъ чтобы Италія по прежнему была готскимъ королевствомъ, а не провинціею Византіи. Велизарій пустился на военную хитрость - и согласился: въ одинъ прекрасный день (въ концѣ 539 года) распахнулись неожиданно для всѣхъ, кромѣ Велизарія и сносившихся съ нимъ, ворота неприступной Равенны, и византійцы безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ. Здѣсь секретъ раскрылся, но обнаружилось также, что Велизарій не намѣренъ исполнить своего обѣщанія. Впрочемъ, готы были уже такъ деморализованы, что не могли оказать никакого противодѣйствія судьбѣ. Почти все королевство теперь было завоевано. „Конецъ этой войны уже будетъ недостоинъ твоихъ силъ",—такъ писалъ Юстиніанъ, отзывая Велизарія изъ Италіи. Велизарій, взявши съ собою Витигеса и все золото и серебро, отнятое имъ у готовъ, а также много отборнаго молодого войска готовъ будто бы для того, чтобы представить ихъ императору, отправился въ Византію. Отсюда Витигесъ, ласково встрѣченный Юстиніаномъ, былъ посланъ въ Азію, гдѣ ему были подарены помѣстья.

Послѣ отзыва Велизарія для полуострова наступило бѣдственное время; общаго главнокомандующаго у византійцевъ не было, отдѣльные генералы и наѣхавшіе византійскіе чиновники немилосердно грабили страну, обложивши ее чрезвычайными податями, заставлявшими пожалѣть о временахъ владычества варваровъ; готы еще вовсе не были окончательно умиротворены и на сѣверѣ вели парти-

занскую войну. Одинъ за другимъ выступаютъ изъ среды готовъ короли на смѣну Витигеса: сначала Гильдебадъ, потомъ Эрарихъ, наконецъ Тотила. Борьба велась какими-то судорожными порывами: полный упадокъ духа смѣнялся у готовъ внезапнымъ подъемомъ чувствъ, изъявленія покорности слѣдовали за кровопролитными схватками, пораженія чередовались съ побѣдами, пока, наконецъ, Тотилѣ не удалось неожиданными для обѣихъ сторонъ блестящими побѣдами вернуть господство почти надъ всею Италіею. Въ нѣсколькихъ кровавыхъ битвахъ византійцы были такъ страшно разбиты, что бѣжали къ югу; Тотила, идя по пятамъ, осадилъ и взялъ голодомъ Неаполь, прошелъ еще дальше къ югу, разослалъ всюду прокламаціи (въ томъ числѣ и въ Римъ), что ни одинъ римлянинъ не пострадаетъ отъ готовъ, если признаетъ ихъ владычество. Положеніе византійцевъ было тѣмъ опаснѣе, что имперія оставляла ихъ совершенно безъ всякихъ подкрѣпленій: изнурительная война съ персами, ведшаяся какъ разъ тогда (т. е. въ 543, 544 и сл. годахъ), поглощала почти всѣ жизненныя силы государства. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ дворъ вспомнилъ о Велизаріи, впавшемъ пока въ немилость изъ-за интригъ своей жены и зависти Юстиніана; Велизарія призвали къ дѣламъ, обласкали и поручили ему съ 4000 новобранцевъ, безъ денегъ и припасовъ, а также безъ надежды получить ихъ, —завоевать снова занятыя Тотилою мѣстности и города. Велизарій снова появился въ Италіи, но теперь уже обстоятельства были не тѣ: готы собрались съ силами, ихъ воинственное настроеніе вернулось подъ вліяніемъ успѣховъ, да и Тотила по своимъ воинскимъ талантамъ, повидимому, нисколько не уступалъ самому Велизарію. Тотила между тѣмъ уже осадилъ Римъ; Велизарій дѣлалъ все, чтобы освободить столицу, но съ такими ничтожными силами, какъ тѣ, которыя были у него въ распоряженіи, онъ не могъ ничего сдѣлать: римляне страшно голодали, Тотила, не сдаваясь ни на какія условія, ждалъ, когда они настолько измучатся, чтобы перестать и думать о сопротивленіи. Наконецъ измѣнники открыли ему ворота, готы вошли въ Римъ и заняли его (въ декабрѣ 546 года). Отсюда Тотила съ главною массою войскъ двинулся къ югу, а Велизарій послѣ ряда

ловкихъ маневровъ вошелъ въ столицу. Тотила одинъ за другимъ взялъ два сильныхъ форта южной Италіи — и Велизарій, оставивши гарнизонъ въ Римѣ, по приказу императора долженъ былъ возвратиться. Тотила тогда безъ труда снова овладѣлъ Римомъ, переправился въ Сицилію, которую сильно разорилъ, и почти всюду возстановилъ готское владычество, потрясенное византійцами. Но правленіе Тотилы было лебединою пѣснью варваровъ: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ преемниковъ Велизарія Юстиніанъ назначилъ главнокомандующимъ хитраго, находчиваго, неутомимаго евнуха — Нарзеса. Нарзесъ обусловилъ принятіе этого назначенія тѣмъ, что императоръ долженъ дать ему въ подмогу около 6000 чел. совершенно свѣжихъ войскъ и достаточное количество провіанта. Счастье перешло на сторону византійцевъ. Быстрыми маршами Нарзесъ настигъ Тотилу при Бустѣ и истребилъ его войско; готскій король палъ въ этой битвѣ. Готы выбрали въ короли вельможу Тейяса; этому королю суждено было стать послѣднимъ. Энергія и силы народа были надломлены, войска разбѣгались, ища себѣ пищи; наступали самые послѣдніе дни готскаго владычества. Тейясъ былъ вскорѣ разбитъ и убитъ (въ 553 г.), а зимою 555 года Нарзесъ осадилъ въ Апеннинскихъ проходахъ послѣдній семитысячный готскій корпусъ и взялъ его въ плѣнъ. Владычество готовъ рушилось: Италія послѣ 67 лѣтъ снова вошла цѣликомъ въ составъ имперіи. Теперь посмотримъ, какъ устроились въ Италіи византійцы за тотъ короткій историческій моментъ (555—568 г.г.), который они провели въ качествѣ господъ всего полуострова, за тѣ тринадцать лѣтъ, которыя отдѣляютъ окончательное паденіе готской монархіи отъ нашествія лангобардовъ.

VI.

Первая и наиболѣе гнетующая государственная потребность послѣ 555 года заключалась въ прочной военной охранѣ границъ завоеванной провинціи. Для этого въ Сициліи и на сѣверной границѣ были расположены военные гарнизоны и учреждены преторы, начальники почти безконтрольные пограничныхъ областей. Всѣ они были

прямо подчинены въ военномъ отношеніи намѣстнику императора, резиденціею котораго являлась Равенна. Содержаніе этого постояннаго пограничнаго войска и военнаго управленія стоило населенію чрезвычайно дорого; между тѣмъ матеріальное положеніе итальянцевъ было по истинѣ ужасающимъ. Двадцать лѣтъ длились войны готовъ съ византійцами, причемъ правило о томъ, что война должна кормить себя сама, формулированное только въ новѣйшія времена, неукоснительно исполнялось обѣими враждующими сторонами. Города разграблялись и друзьями, и врагами; на дорогахъ, въ селахъ и деревняхъ валялись трупы людей и лошадей; опустошеніе было полнѣйшее.

Набѣгъ аллемановъ (въ эпоху послѣдней борьбы Тейяса съ Византіею) при всей своей политической безсмысленности нанесъ страшный вредъ тѣмъ мѣстностямъ, чрезъ которыя онъ направился. Италія опустѣла не только изъ-за убійствъ и голодной смерти жителей: необходимо здѣсь констатировать также весьма значительную эмиграцію. Эмиграція направлялась по двумъ направленіямъ: либо въ Константинополь, либо къ франкамъ, смотря по случайной легкости или трудности, безопасности или риску пути. Безъ вѣсти пропали въ эту тяжелую эпоху не только отдѣльныя лица, но цѣлыя семьи, которыя или погибали въ дорогѣ, или ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ тѣхъ странъ, которыя дали имъ убѣжище. Съ этою главною, неизлѣчимою бѣдою, съ недостаткомъ населенія, имперія ничего подѣлать не могла, а при такой внутренней язвѣ самыя благодѣтельныя распоряженія неизбѣжно оказались бы палліативными. Между тѣмъ первыя распоряженія византійскаго правительства врядъ ли даже и возможно назвать благодѣтельными. При Тотилѣ цѣлый рядъ громадныхъ земельныхъ имуществъ, принадлежавшихъ римлянамъ, былъ конфискованъ по приказу готскаго короля. Эти имѣнія отбирались у такихъ лицъ, которыя явно измѣнили готскому королю и держали сторону византійцевъ,—и затѣмъ отдавались на правахъ почти полной собственности колонамъ, воздѣлывавшимъ эту землю просто въ качествѣ арендаторовъ, и рабамъ, которые получали при этомъ свободу. Юстиніанъ рѣшилъ отмѣнить все сдѣланное Тотилою и произвести, такъ сказать, аграрную ре-

ставрацію: онъ постановилъ, что всѣ конфискованныя готскимъ королемъ земли возвращаются ихъ прежнимъ владѣльцамъ, колоны, становятся, какъ были, арендаторами, рабы вновь обращаются въ рабское состояніе. Вообще правительствомъ было сдѣлано весьма многое, чтобы поддержать хотя бы крупный землевладѣльческій классъ. Обыкновенно во время безконечныхъ войнъ 535—555 гг. землевладѣльцы, принужденные постоянно передвигаться (спасаясь отъ врага и т. п.) прибѣгали къ денежнымъ займамъ, необходимымъ при полномъ застоѣ и упадкѣ земледѣлія. Теперь, когда воцарилось относительное спокойствіе, наступилъ срокъ уплаты. Чтобы помочь землевладѣльцамъ (и до извѣстной степени лицамъ остальныхъ сословій) Юстиніанъ издалъ эдиктъ, въ которомъ разрѣшалось должникамъ не уплачивать кредитору денегъ ровно пять лѣтъ отъ времени водворенія византійцевъ, а затѣмъ на льготныхъ условіяхъ предоставлялось покончить съ долгомъ. Денегъ вообще въ Италіи уже очень давно не было, такъ что этотъ указъ пришелся весьма кстати. Но, снисходя къ платежной слабости населенія тамъ, гдѣ онъ совсѣмъ не былъ заинтересованъ, константинопольскій дворъ весьма ревниво сразу же отнесся къ сбору государственныхъ податей и пошлинъ. Здѣсь византійскій фискъ столкнулся съ большимъ затрудненіемъ: въ тѣ времена чистѣйшаго натуральнаго хозяйства базисомъ и признакомъ платежной силы населенія являлась та или иная связь его съ землею, между тѣмъ при полномъ разбродѣ итальянскаго населенія сотни помѣстій стояли впустѣ, съ сожженными усадьбами, невспаханныя, незасѣянныя. Земля эта также подлежала обложенію, не не было физическихъ лицъ, которыя платили бы за нее. Тогда фискъ объявилъ, что эти пустоши должны быть подѣлены между сосѣдними съ ними помѣщиками, и подѣлившіе обязаны вносить всѣ подати и налоги, падавшіе на ихъ пай. Напрасны были протесты противъ этого разорительнаго подарка, ненужнаго, такъ какъ нельзя было и думать найти въ должномъ количествѣ рабочія руки,—убыточнаго, такъ какъ фискъ неотступно требовалъ взноса денегъ. Италія была такъ страшно разорена, что нѣсколько лѣтъ отдыха отъ всякихъ взносовъ казались прямо необходимостью, но византійское правительство, даровавъ отсрочку

по частнымъ долгамъ, не желаю и слышать объ отсрочкѣ по уплатѣ податей. Самое милостивое, что было допущено,—это было позволеніе всѣмъ городамъ, подвергавшимся за послѣдніе годы осадѣ, платить подати не сейчасъ же, т. е. не въ 555 году, а черезъ годъ. Подати должны были частью поступать въ канцелярію префекта Италіи, намѣстника, частью же къ особымъ чиновникамъ фиска, посылавшимся изъ Константинополя. Нужно замѣтить, что въ управленіи отдѣльными частями Италіи и въ завѣдованіи сборомъ податей принимали довольно значительное участіе представители высшаго римскаго сословія, которые нерѣдко получали довольно высокія назначенія по администраціи. Вообще огромная масса бюрократическихъ дѣятелей заполнила Италію; всѣ они получали очень хорошее содержаніе, которое также уплачивало имъ населеніе помимо податей и пошлинъ. Изнеможеніе страны было такъ велико, что жизнь замерла даже въ Римѣ: разбрелась и разъѣхалась по своимъ имѣніямъ аристократія, сенаторы переѣхали частью въ Константинополь, поближе къ двору, частью также перебрались въ свои усадьбы; городъ являлъ собою полуразрушенный видъ.

Торговля (которая и при готахъ была слаба и состояла главнымъ образомъ изъ предметовъ роскоши) пала окончательно, ремесленники умирали съ голоду въ обезлюдѣвшихъ городахъ. Равенна и Неаполь составляли полное исключеніе изъ общаго правила: они быстро оправились отъ войны, первая вслѣдствіе близости и легкости сношеній съ Византіей, второй—вслѣдствіе плодородія окружавшей его мѣстности—пользовались большимъ довольствомъ и казались оживленнѣе, чѣмъ другіе города. Недостатокъ рабочихъ рукъ сказывался здѣсь менѣе замѣтно, чѣмъ въ деревняхъ и помѣстьяхъ: тамъ помѣщики средней руки разорялись и погибали подъ бременемъ податей, видя полную невозможность извлечь какую-нибудь пользу изъ мертваго капитала—земли, крупные кое-какъ держались, также, впрочемъ, рѣдко сводя концы съ концами, а колоны-арендаторы, лишенные тѣхъ благъ, которыя даровалъ имъ Тотила, и рабы, у которыхъ Юстиніанъ снова отнялъ свободу, тяготились существованіемъ не только потому, что послѣ минутнаго просвѣта снова попали въ безотрадное положеніе, но и оттого, что теперь,

когда населеніе сильно уменьшилось, имъ, подневольнымъ труженикамъ, пришлось работать вдвое больше.

Трудно жилось и при варварахъ, и при единовѣрныхъ византійцахъ стало еще труднѣе житься итальянскому населенію; и чѣмъ болѣе ухудшались обстоятельства земной жизни, тѣмъ болѣе вѣрилось въ лучшее будущее, въ загробную жизнь тихую и безмятежную, тѣмъ болѣе желанія являлось пріуготовить себѣ еще здѣсь, на землѣ, мирное убѣжище, въ сторонѣ отъ бурь и несчастій міра, оградиться отъ этой погибающей юдоли грѣха и скорби высокою стѣною.

Именно въ это время, послѣ паденія готскаго владычества замѣтно на Апеннинскомъ полуостровѣ особенное усиленіе монашескаго движенія. Уже при Тотилѣ по Италіи ходили слухи, что появился святой, Божій избранникъ, идущій и ведущій другихъ по стезѣ спасенія. Бенедиктъ Нурсійскій началъ свою подвижническую дорогу въ пещерѣ близъ Субіако. Слухъ о его самоистязаніяхъ и долгихъ молитвахъ быстро распространился, монахи сосѣдняго монастыря выбрали его въ аббаты, но онъ, вознегодовавъ на ихъ порочную жизнь, оставилъ ихъ. Знатные римскіе юноши, люди разныхъ сословій, приходили къ нему, требовали совѣта и руководства. Онъ основалъ скоро больше десятка маленькихъ монастырей и между ними одинъ на горѣ Монтекассино, ставшій знаменитымъ въ исторіи европейскаго средневѣковья. Онъ далъ опредѣленный уставъ всѣмъ этимъ новооснованнымъ монастырямъ; характерная черта этого устава — подробнѣйшее, самое детальное, какое можно только представить себѣ, распредѣленіе дневныхъ занятій для монастырской братіи и по обыкновеннымъ днямъ, и по праздникамъ, и по временамъ года. Полный отказъ отъ своей воли, избавленіе отъ думы о томъ, что нужно дѣлать, чего не нужно, возможность обрѣсти полный миръ душевный безъ всякаго напряженія и колебанія мысли, строго придерживаясь устава — вотъ что проникаетъ всѣ мысли устава бенедиктинцевъ (какъ стали называться послѣдователи святого). Всякій вступающій въ монастырь долженъ отказаться отъ всего своего имущества либо въ пользу родныхъ, либо въ пользу бѣдныхъ, либо въ пользу монастыря. Обѣтъ послушанія

былъ суровъ и безусловенъ, аббатъ могъ приказать монаху рѣшительно что угодно, но выборъ аббата зависѣлъ отъ братіи. Таковы были правила Бенедикта, вскорѣ распространившіяся въ Европѣ, снискавшія всему монастырскому движенію необыкновенный почетъ въ народѣ, давшія, наконецъ, ордену громадныя земельныя имущества, которыя отписывали въ его пользу лица, поступавшія въ него, или благочестивые міряне. Ко времени утвержденія византійцевъ монастыри и церкви являлись уже довольно богатыми земельными собственниками, и Юстиніанъ поспѣшилъ лишь особыми покровительственными эдиктами подтвердить права и преимущества духовнаго сословія. Римская церковь и во время борьбы съ варварами, и послѣ нея казалась византійскому правительству драгоцѣнной и естественною союзницей. Оно предоставило итальянскимъ епископамъ право входить въ тѣ или иныя представленія и ходатайства предъ императоромъ и приносить жалобы на притѣсненія и незаконныя дѣйствія чиновниковъ. Епископъ являлся кромѣ того апелляціонною инстанціей, пересматривавшей въ случаѣ недовольства тяжущихся или подсудимыхъ ихъ дѣла и измѣнявшей приговоры намѣстниковъ. Церковь была вліятельна своими богатствами въ эпоху общаго оскудѣнія: города, села, дороги—все нуждалось въ реставраціи послѣ страшныхъ гото-византійскихъ войнъ, и церковь дѣятельно приходила на помощь нуждамъ населенія въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда правительство оказывалось слишкомъ скупо или бѣдно. Что касается до отношеній между императоромъ и папою, между восточнымъ и западнымъ обрядомъ, между константинопольскою и римскою куріями, то здѣсь оставалось все же много недоговореннаго, неулаженнаго. Пока готы раздѣляли въ политическомъ отношеніи Италію отъ Константинополя, до тѣхъ поръ всѣ несогласія между двумя церквами не требовали настоятельной и немедленной ликвидаціи, но теперь дѣло обстояло иначе. Еще до окончательнаго покоренія Италіи, однако, когда готы были уже сломлены,—въ 552 году по инициативѣ императора собрался соборъ въ Константинополѣ. Папа туда, впрочемъ, не явился, что не помѣшало собору подъ предсѣдательствомъ патріарха рѣшить цѣлый рядъ спорныхъ догматическихъ вопросовъ такъ, какъ издавна рѣ-

шала ихъ восточная церковь. Истиннаго примиренія этотъ соборъ въ отношенія внести не могъ, но не такія были времена, чтобы вступать въ ожесточенный споръ по отвлеченному предмету съ главою политической власти, возбуждать религіозную смуту въ несчастной, разграбленной, сожженной, обезлюдѣвшей странѣ. Намѣстникъ императора Нарзесъ, жившій въ Равеннѣ, ввелъ два важныхъ нововведенія въ церковную жизнь: 1) папы по своемъ избраніи должны были еще быть утвержденными императоромъ и 2) жить они были обязаны въ Равеннѣ, поближе къ византійскому вліянію. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи ничего прочнаго константинопольскимъ правительствомъ достигнуто не было, такъ же какъ и въ общегосударственной политикѣ: тринадцать лѣтъ были слишкомъ ничтожнымъ срокомъ, чтобы успѣли всецѣло сказаться тѣ или иныя послѣдствія юстиніановскихъ мѣропріятій. Въ 565 году спокойно умеръ императоръ Юстиніанъ, завѣщавши своему племяннику Юстину II, кромѣ той территоріи, которую самъ онъ получилъ отъ Юстина I, еще отвоеванную у готовъ Италію и отнятую у вандаловъ Африку; черезъ два съ половиною года послѣ его смерти началось движеніе на Италію народа, которому предстояло просуществовать здѣсь не 67-лѣтъ, какъ готамъ, а больше двухъ столѣтій, и оставить гораздо болѣе глубокіе слѣды. Къ исторіи лангобардовъ мы теперь и обратимся.

VII.

Откуда пришли лангобарды, мы не знаемъ. Павелъ Діаконъ, историкъ этого народа, передаетъ сказанія, имѣющія цѣлью указать, во-первыхъ, на древнее происхожденіе ихъ, во-вторыхъ, на провиденціальное, такъ сказать, ихъ значеніе, на то, что они посланы были съ сѣвера на югъ самимъ Воданомъ, богомъ Скандинавіи. Такъ или иначе съ береговъ Эльбы они медленно и неуклонно съ самаго начала VI вѣка продвигались все дальше и дальше къ югу.

Разбивши сначала геруловъ, потомъ гепидовъ, при первомъ

знаменитомъ своемъ вождѣ Альбоинѣ лангобарды продвинулись къ сѣвернымъ отрогамъ Альпійскихъ горъ. Часть гепидскаго покореннаго населенія стала въ ряды войскъ Альбоина, который убилъ короля гепидовъ Кунимунда и женился на его дочери Розамундѣ. Альбоинъ предпринялъ обширный планъ отнятія Италіи у византійцевъ; онъ разсылалъ пословъ сосѣднимъ германскимъ народамъ съ приглашеніемъ принять участье въ замышляемомъ нападеніи, на призывъ откликнулись свевы, саксы, даже сарматы. Пока Альбоинъ концентрировалъ свои силы, итальянскіе подданные и византійскіе правители все болѣе и болѣе ожесточались другъ противъ друга. Намѣстникъ императора Нарзесъ былъ человѣкъ нрава крутого, жалобы на него безпрерывно отправлялись въ Константинополь и привели наконецъ къ тому, что его отозвали (въ 567 году). Его ожесточеніе противъ Италіи и Византіи было такъ велико, что дало поводъ мало правдоподобному слуху, будто онъ вступилъ въ сношенія съ Альбоиномъ и указалъ ему на всю легкость овладѣть Апеннинскимъ полуостровомъ. Въ слѣдующемъ году начался походъ Альбоина. Первыми попали въ руки лангобардскаго короля Фріуль, Виченца и Верона, затѣмъ сдались Мантуя и Миланъ. Все разоряя на пути, Альбоинъ двинулся къ Павіи и осадилъ ее. Три года городъ удерживалъ завоевателя, наконецъ, сдался; впрочемъ, эти три года не совсѣмъ пропали даромъ для Альбоина; его авангардъ пока разорялъ и занималъ среднюю Италію, обошелъ запертый Римъ и двинулся въ неаполитанскую область. Удивительнѣе всего было то, что византійцы нигдѣ не осмѣлились заградить путь лангобардамъ: они довольствовались тѣмъ, что сидѣли въ Равеннѣ, Римѣ и еще очень немногихъ укрѣпленныхъ пунктахъ. Остальная страна безъ сопротивленія отдавалась суровымъ варварамъ; намѣстникъ (экзархъ) Равеннскій — Лонгинъ, преемникъ Нарзеса, находился въ Равеннѣ и не разсчитывалъ, повидимому, оттуда показываться. Его не ободрило даже нѣкоторое замѣшательство въ лангобардскихъ дѣлахъ: Альбоина убилъ Гельмихизъ, по просьбѣ королевы Розамунды, которая, говоритъ преданіе, обидѣлась, когда мужъ предложилъ ей выпить вина изъ черепа ея покойнаго отца, убитаго Альбоиномъ. Розамунда и ея сообщникъ бѣжали послѣ этого и въ дорогѣ были

убиты. Впрочемъ, лангобарды были такъ упоены первыми успѣхами, что это происшествіе не повліяло на ихъ дѣла сколько-нибудь замѣтно. Они разбились на нѣсколько отрядовъ и пошли бродить по Италіи въ разныхъ направленіяхъ (придерживаясь, впрочемъ, въ общемъ путей съ сѣвера къ югу), разоряя и сжигая встрѣчныя поселенія. Византійцы по прежнему обнаруживали какое то полное оцѣпенѣніе отъ всѣхъ этихъ бѣдъ. Потоки лангобардовъ разливались уже по Кампаніи; отъ монастыря Монте Кассино, любимаго дѣтища Бенедикта Нурсійскаго, оставались однѣ развалины (возстановленъ онъ былъ лишь въ концѣ VII столѣтія). Императоръ Византіи (одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Юстина II, умершаго въ разгарѣ лангобардскаго нашествія) молилъ и подкупалъ золотомъ короля франковъ Хильдеберта, чтобы онъ помогъ Италіи и съ сѣвера нагрянулъ на лангобардскіе лагери. Франкъ колебался, золото принялъ, но когда пріѣхали послы лангобардовъ и дали ему еще больше награбленнаго отовсюду золота, Хильдебертъ остался нейтраленъ. Тогда Маврикій черезъ посредство экзарха своего Смарагда торжественнымъ договоромъ заключилъ съ лангобардами трехлѣтнее перемиріе. Потому-ли, что Римъ и Равенну оказывалось невозможнымъ взять, или по иной причинѣ, но лангобарды согласились на время прервать военныя дѣйствія. Случилось это въ 586 году. Вообще вся энергія лангобардовъ была потрачена на завоеваніе сѣверной Италіи; ими не руководила такая опредѣленная, широкая, государственная мысль, какъ та, которая направляла дѣйствія готовъ при Теодорихѣ. Думая не о созданіи государства, а просто о захватѣ нужной имъ земли, лангобарды примирились съ тѣмъ, что Римъ, Неаполь, Равенна, значительная площадь южной Италіи остались за византійцами и итальянцами. Характерно, что, въ то время, какъ Теодорихъ, повидимому, чрезвычайно дорожилъ морскими участками, лангобарды оставили незавоеванными какъ весь берегъ Средиземнаго моря, такъ и Адріатическаго. Въ картографическомъ отношеніи лангобарды, такъ сказать, выкроили изъ Апеннинскаго полуострова секторъ, основаніе котораго было въ Альпахъ, а вершина доходила до Беневента, такъ какъ ихъ владѣнія шли постепенно съуживаясь отъ сѣвера къ югу.

Послѣдствія лангобардскаго завоеванія для итальянскаго населенія были неисчислимы; рѣчь объ экономическихъ результатахъ нашествія будетъ идти въ слѣдующей главѣ, здѣсь же умѣстно только замѣтить, что въ политическомъ отношеніи разобщеніе Рима и Равенны сыграло огромную роль. Лангобарды, одинаково страшные и Риму, и византійской крѣпости Равеннѣ, занимали все пространство между двумя городами. Сообщеніе между Константинополемъ и Римомъ черезъ Равенну сдѣлалось почти невозможнымъ, а кружный путь, моремъ, былъ чрезвычайно далекъ, да и также небезопасенъ. Это послужило только на пользу самостоятельности Рима и той власти, которая тамъ первенствовала, т. е. власти римскаго папы. Еще когда перемиріе 586 года не было заключено, въ 578 году умеръ папа, римляне выбрали новаго и не послали даже за утвержденіемъ къ императору своего приговора объ избраніи. Защитить ихъ Византія не могла и не хотѣла, — повелѣвать ими не могла, если-бы даже и хотѣла. Римъ былъ предоставленъ самому себѣ; онъ долженъ былъ два столѣтія отстаивать свою свободу предъ лицомъ сильнаго и свирѣпаго врага. Въ лангобардской политикѣ по отношенію къ побѣжденнымъ нѣтъ и тѣни той снисходительности, сдержанности, терпимости, которыя отличали политику готскую. Они начали съ того, что страшно опустошили во время длившагося восемнадцать лѣтъ (568—586) нашествія своего всю занятую страну, перебили множество народа и подѣлили страну между отдѣльными герцогами, которые должны были управлять ею. Въ каждомъ римскомъ помѣстьѣ поселился лангобардъ съ семьею и рабами, и хозяинъ его обязанъ былъ давать побѣдителю третью часть дохода съ земли. Притѣсненіямъ и насиліямъ побѣдителей конца не было; власть герцоговъ явилась властью партійною, представлявшей интересы не всего римско-варварскаго населенія какъ правительство Теодориха, но исключительно интересы побѣдителей. Не могло быть и рѣчи о сохраненіи римскаго права въ Италіи; лангобарды рѣшительно не терпѣли никакихъ другихъ законовъ и обычаевъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Если они даже своимъ друзьямъ саксамъ, пришедшимъ за Альбоиномъ въ количествѣ 20.000 человѣкъ и помогавшимъ ему совер-

шить завоеваніе, не разрѣшили пользоваться ихъ древнею „саксонскою правдою", а требовали полнаго подчиненія своимъ лангобардскимъ законамъ, то, конечно, побѣжденные не могли и надѣяться, что имъ оставятъ въ неприкосновенности ихъ особую юридическую жизнь. Въ этомъ отношеніи— не говоря уже о готахъ—лангобарды оказались гораздо болѣе жестокими и нетерпимыми побѣдителями, чѣмъ всѣ безъ исключенія другіе варвары — бургунды, франки, которые оставляли населенію завоеванныхъ странъ ихъ прежніе законы. Интересно, что у самихъ лангобардовъ законодательство находилось въ еще болѣе плачевномъ состояніи, чѣмъ у другихъ варваровъ: ихъ законы, обычи, указы ихъ королей были кодифицированы только въ 643 году въ такъ называемомъ кодексѣ короля Ротариса, а до тѣхъ поръ даже свода опредѣленнаго не было. Въ этомъ кодексѣ мстительный и свирѣпый варваръ даже не упоминаетъ о римлянахъ.

По истеченіи всего одного года заключенное трехлѣтнее перемиріе было нарушено: лангобарды возобновили осаду Рима. во время этой осады папа Пелагій умеръ, и на его мѣсто былъ выбранъ Григорій. Выборъ былъ необыкновенно удаченъ и своевременъ: Григорій Великій обладалъ всѣми моральными качествами, чтобы въ годину бѣдствій поддержать падавшій духъ населенія, всѣми административными способностями, чтобы поддержать порядокъ и спасти отъ гибели осажденный и несчастный городъ. Не того страшились римляне, что лангобарды—аріане и будутъ преслѣдовать католиковъ: какъ и у другихъ германскихъ народовъ, у лангобордовъ принятіе аріанства было чистою случайностью, и особой религіозной ревности въ нихъ не замѣчалось. Но общая репутація ихъ свирѣпости и неукротимой кровожадности была такъ велика, что попасть въ ихъ руки казалось равносильнымъ полной погибели. Въ это время франки по уговору съ Византіей стали тревожить лангобардовъ на сѣверѣ нападеніями, король лангобардскій Автарисъ умеръ, его жена-католичка, Теоделинда, вышла замужъ за одного изъ лангобардскихъ вельможъ Агилульфа и продолжала вести государственныя дѣла. Папа Григорій тотчасъ же этимъ воспользовался: онъ началъ переписку и пастырскія сношенія съ католическою повелительницею

лангобардовъ. Григорій желалъ заключить миръ съ лангобардами для блага Рима и всего итальянскаго населенія, а экзархъ равеннскій, представитель Византіи, былъ противъ этого. Кончилось оскорбленіями и выговорами Григорію за то, что онъ мѣшается не въ свое дѣло, — и помимо воли византійскаго правительства мирный договоръ Агилульфа и Григорія былъ заключенъ, хотя по формѣ императоръ и явился главнымъ представителемъ Рима. Устроивши кое-какъ дѣла съ лангобардами, Григорій принялся за правильную организацію церковныхъ земель, оставшихся въ Италіи и Сициліи за римскою церковью. Мало-по-малу посредствомъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ этой хозяйственной администраціи Григорій сталъ всегда во время узнавать все, что происходило въ разныхъ частяхъ полуострова и получилъ возможность своевременно вмѣшиваться, когда считалъ это нужнымъ. Больше всего онъ заботился о мелкихъ арендаторахъ, связанныхъ съ церковною землею, чтобы они не терпѣли никакихъ притѣсненій и поборовъ со стороны управителей. Мало того, не имѣя возможности прямо запретить экзарху равеннскому и его чиновникамъ угнетать и грабить населеніе въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не попали въ руки лангобардовъ, Григорій съ ожесточеніемъ нападаетъ на лицъ, виновныхъ въ этомъ. „Ваша злоба", говоритъ онъ, обращаясь къ византійскимъ чиновникамъ, „больше вреда приноситъ, чѣмъ мечи лангобардовъ". Вопіющія злоупотребленія властей въ Сициліи, Сардиніи и Корсинѣ, а также на самомъ полуостровѣ находили себѣ изобличителей въ епископахъ, разсѣянныхъ по странѣ, а нравственнаго карателя — въ римскомъ первосвященникѣ. Даже на лангобардовъ, дикихъ варваровъ, къ которымъ римляне и приступить боялись съ какою-нибудь просьбою, Григорій пытался имѣть вліяніе посредствомъ пропаганды католичества; при Теоделиндѣ проповѣдь эта имѣла кое-какой успѣхъ, но въ концѣ первой половины VII вѣка аріанская реакція при королѣ Ротарисѣ уничтожила всѣ плоды его трудовъ.

При этомъ же Ротарисѣ былъ изданъ упомянутый выше эдиктъ, названный по его имени. Лангобардское право, кодифицированное этимъ эдиктомъ, ставило римлянъ въ положеніе немногимъ

лучшее, чѣмъ полусвободныхъ альдіоновъ: по лангобардскому закону, обязательному какъ для римлянъ, такъ и для варганговъ, т. е. племенъ, пришедшихъ съ завоевателями, —только одни лангобарды пользовались всѣми гражданскими и политическими правами. Королевская власть эдиктомъ Ротариса ставится весьма высоко: за оскорбленіе короля полагается смертная казнь, на королевскій судъ нѣтъ апелляціи. Впрочемъ, не улаженнымъ остался одинъ животрепещущій вопросъ — объ отношеніи къ королевской власти сильныхъ герцоговъ — Сполетскаго, Фріульскаго, Брешіанскаго, которые поддерживали и до, и послѣ Ротариса почти безпрерывную смуту въ государствѣ. Но если Ротарису не удалось окончательно консолидировать королевскую власть, какъ онъ это хотѣлъ сдѣлать, то во всякомъ случаѣ укрѣпить національное самосознаніе лангобардскаго народа ему удалось гораздо больше. Лангобарды не переставали послѣ эдикта Ротариса сознавать себя не только de facto, но и de jure первенствующей націей въ Италіи. Законы не только не сближали ихъ съ итальянцами, но дѣлали все, что можетъ сдѣлать писанный законъ въ дѣлѣ разъединенія двухъ національностей, живущихъ на одной и той же государственной территоріи. Внутри же самого лангобардскаго государства смуты не утихали. Отъ смерти Ротариса вплоть до 713 года, когда престолъ достался энергичному и умному Ліутпранду, лангобардская исторія является одною долгою династическою войною, съ постоянными цареубійствами и переворотами. Впрочемъ ни итальянскій Римъ, слабо подчиненный Византіи, ни чисто византійская Равенна, резиденція императорскаго намѣстника, экзарха, ни наконецъ полулишенное правъ романское населеніе лангобардскаго королевства, — не смѣли воспользоваться этими смутами враговъ: было слишкомъ рискованно ожидать, что варвары не соединятся мгновенно для кроваваго и безпощаднаго отпора презираемымъ ими „римлянамъ“. Да и въ лагерѣ враговъ лангобардскаго владычества также далеко не все обстояло благополучно: экзархи и папы втеченіе всего VII вѣка то глухо, то открыто не переставали враждовать между собою, такъ что дѣло доходило даже до вооруженныхъ столкновеній между приверженцами обѣихъ властей; папы арестовывались и отвозились иногда въ

ссылку, а случалось, что экзархъ получалъ отпоръ со стороны римскаго населенія. Нужно также замѣтить, что эти ссоры только отчасти объясняются несогласіями и спорами догматическаго характера,— большею частью здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто личными раздорами; по крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ сказать о VII вѣкѣ: въ VIII столѣтіи иконоборство сдѣлало вопросъ много серьезнѣе.

Какъ разъ, когда на лангобардскій престолъ взошелъ Ліутпрандъ, на престолѣ св. Петра сидѣлъ папа, котораго если не по всѣмъ нравственнымъ качествамъ, то по энергіи можно назвать достойнымъ преемникомъ сана Григорія Великаго. Григорій II имѣлъ дѣло уже съ королемъ католикомъ: равнодушные къ оттѣнкамъ христіанскаго вѣроученія, варвары послѣ Ротариса вновь поддались католической проповѣди. Ліутпрандъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ являлся покровителемъ и защитникомъ католиковъ въ своемъ королевствѣ; къ папѣ Григорію онъ отнесся въ началѣ своего царствованія съ такимъ почтеніемъ, что приказывалъ по первой его просьбѣ своимъ герцогамъ прекращать тѣ дикіе, неожиданные набѣги на владѣнія, оставшіяся подъ властью Византіи, къ которымъ лангобардская владѣтельная знать чувствовала всегда большую склонность. Бывали также случаи, когда Ліутпрандъ возвращалъ римской церкви земли, давно уже захваченныя лангобардами, только потому, что римскій первосвященникъ настаивалъ на принадлежности этихъ земель къ патримоніямъ церкви. Эти благопріятныя отношенія имѣли громадную важность въ исторіи папскаго престола и Италіи: папа, главный и единственный представитель интересовъ той уже начавшей складываться романской національности, которая получила названіе итальянской, могъ теперь чувствовать себя безопаснымъ отъ страшнаго сѣвернаго врага и свободнѣе предаться улаженію византійско-римскихъ дѣлъ. А дѣла эти болѣе, чѣмъ когда-либо, требовали свободныхъ рукъ. Иконоборческое движеніе явилось послѣднимъ ударомъ, разорвавшимъ нити, которыя еще соединяли Италію съ имперіею, и навсегда связавшимъ ея историческую жизнь не съ Востокомъ, а съ Западомъ. Левъ III Исавръ послѣ десятилѣтняго царствованія началъ гоненіе противъ иконъ. Сначала онъ велѣлъ во всѣхъ византійскихъ

церквахъ помѣстить священныя изображенія такъ высоко, чтобы молящіеся не могли къ нимъ притронуться. Когда же окружавшіе его престолъ иконоборцы стали упрекать его въ томъ, что онъ довольствуется полумѣрою, императоръ велѣлъ уничтожить окончательно всѣ слѣды иконопочитанія, а въ 726 году иконоборческій эдиктъ былъ распространенъ императоромъ и на Италію. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, повидимому, вслѣдствіе рѣзкаго отпора, встрѣченнаго первымъ эдиктомъ, вскорѣ за нимъ послѣдовалъ другой,—и началась враждебная переписка между папою Григоріемъ II, низачто не желавшимъ уничтожить иконы, и императоромъ. Отношенія обострились до того, что папа воспретилъ итальянскому населенію уплачивать подати византійскимъ сборщикамъ.

Экзархъ равеннскій Павелъ, намѣстникъ императора, составилъ отрядъ и выслалъ его противъ папы. Тутъ-то и сказалась искусная политика Григорія II по отношенію къ Ліутпранду: лангобарды по собственной иниціативѣ преградили путь войску экзарха и заставили его возвратиться въ Равенну. Были ли они враждебно настроены противъ императора, какъ еще недавніе, но уже искренніе католики, или, проще, они видѣли въ союзѣ съ папою и итальянцами средство захватить наконецъ въ свои руки Равенну,—неизвѣстно. Результатъ былъ вполнѣ ясенъ: побѣда осталась на сторонѣ папы. Левъ III, разсвирѣпѣвъ подъ вліяніемъ неудачи въ Италіи, удесятерилъ преслѣдованіе иконопочитанія въ Византіи. Тогда папа объявилъ императора еретикомъ. Вся византійская Италія единодушно стала на его сторону. Всюду низвергались поставленные экзархомъ мѣстные правители—дуки и избирались папскіе приверженцы. Въ Равеннѣ иконопочитатели убили экзарха Павла,—и на всемъ полуостровѣ власть Византіи рухнула. Ліутпрандъ двинулся къ Равеннѣ и занялъ ее, почти не встрѣтивши сопротивленія. Это обстоятельство нѣсколько охладило религіозный пылъ, одушевлявшій до сихъ поръ Григорія въ борьбѣ противъ иконоборчества: послѣ взятія Равенны лангобардами Римъ оставался совершенно одинокъ, лицомъ къ лицу съ варварами, уже ничего не страшившимися. Начался рядъ любопытныхъ посланій Григорія II къ Льву Исавру съ просьбами бросить заблужденія и возстановить иконы въ своемъ

государствѣ; папа хотѣлъ теперь уже во чтобы то ни стало получить возможность стать снова подъ покровительство имперіи. Но всѣ эти усилія были напрасны. Между тѣмъ Ліутпрандъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свои намѣренія: онъ подвинулся къ югу настолько, что въ одинъ-два дня могъ обложить Римъ, еслибы захотѣлъ. И вотъ тогда то Григорій II, рѣшительно не зная, что предпринять, обратился къ майордому франковъ Карлу Мартелу съ просьбою о помощи противъ Ліутпранда. Карлъ ничего не отвѣтилъ на просьбу. Ему нельзя было ссориться съ юго-восточными сосѣдями лангобардами, имѣя на рукахъ войну противъ напиравшихъ съ юго-запада арабовъ. Тогда папа обратился къ Венеціи, и венеціанцы, воспользовавшись отсутствіемъ лангобардскаго короля, ворвались въ Равенну и заняли ее. Имъ помогали въ этомъ греческія силы во главѣ съ новымъ экзархомъ, Эвтихіемъ. Какъ только экзархъ вновь занялъ Равенну, онъ обнаружилъ такую неукротимую враждебность по отношенію къ папѣ, что тотъ въ отчаяніи сталъ собирать милицію изъ гражданъ Рима. Но экзархъ неожиданно заключилъ союзъ съ Ліутпрандомъ на такихъ основаніяхъ: они вмѣстѣ покорятъ герцоговъ Беневента и Сполето, которые перестали оказывать должное почтеніе своему королю, а затѣмъ подступятъ подъ стѣны Рима. Первая часть предпріятія была исполнена, и союзники обложили Римъ. Григорій рѣшился на послѣднее средство: онъ явился въ лагерь Ліутпранда съ просьбою не обижать престола св. Петра. Ліутпрандъ бросился на колѣни предъ папою и тутъ же примирился съ нимъ. Экзархъ и король въѣхали въ Римъ въ качествѣ почетныхъ гостей и вскорѣ оттуда удалились.

Папа Григорій II умеръ въ 731 году. Смуты и треволненія, вызванныя иконоборчествомъ, не прекращались. Преемники Льва III Константинъ Копронимъ и Левъ IV такъ же упорно преслѣдовали иконопочитателей, какъ и первый иконоборецъ, мириться съ ними Италія не хотѣла, между тѣмъ опасность быть окончательно поглощенною лангобардами усиливалась съ каждымъ десятилѣтіемъ. Правда, лангобарды были уже теперь католиками, и ихъ культурный уровень повысился за два столѣтія пребыванія въ

Италіи; но все же, чуждые по расѣ, по языку, по законамъ и обычаямъ, „варвары“ не были желанными господами для тѣхъ мѣстъ, которымъ они угрожали. Григорій III въ 732 году заявилъ торжественно отдѣленіе Италіи отъ Византіи въ церковномъ отношеніи; чрезъ нѣсколько времени имъ же было заявлено и объ отдѣленіи политическомъ. Нужно было поискать какъ можно скорѣе новаго покровителя и защитника Рима отъ напиравшихъ съ сѣвера лангобардовъ и, слѣдуя по стопамъ своего предшественника, Григорій III обратился къ Карлу Мартелу. Но и онъ ничего этимъ не достигъ; вскорѣ папа умеръ. Его преемникъ Захарій успѣлъ на время заключить союзъ съ Ліутпрандомъ, хотя, конечно, никакого прочнаго значенія эта мимолетная сдѣлка имѣть не могла. Окончательно покоривъ и подчинивъ своей центральной власти отличавшихся сепаратистскимъ духомъ лангобардскихъ герцоговъ, король уже задумалъ вновь отнять у экзарха Равенну, какъ вдругъ неожиданно скончался. Съ новымъ королемъ Рачисомъ папѣ было легче вести дѣла; Рачисъ отличался мечтательнымъ настроеніемъ и, повидимому, большой впечатлительностью: онъ сначала, узнавши, что папа заключивъ съ Византіею тайный противъ него союзъ, подступилъ къ Перуджіи, ключу Рима, и готовился уже взять ее, когда внезапно отмѣнилъ свое рѣшеніе подъ вліяніемъ пріема папы Захарія, аналогичнаго тому, который былъ пущенъ въ ходъ въ эпоху Ліутпранда папою Григоріемъ II. Захарій явился въ лагерь Рачиса и убѣдилъ его снять осаду. Мало того, папа такъ повліялъ на умъ короля, что Рачисъ отрекся отъ престола и вмѣстѣ со всею семьею постригся въ монахи. Послѣ этой удачи папа и вся римская Италія могли на время успокоиться.

Въ 751 году случилось событіе, составляющее эру въ исторіи римской церкви: отъ франковъ, къ которымъ папы обращались пока нѣсколько разъ и совершенно тщетно съ мольбами о помощи, явилось посольство къ Захарію. Пипинъ посредствомъ этого посольства желалъ получить отъ римскаго престола санкцію своей будущей узурпаціи; онъ спрашивалъ папу, кому по праву должна принадлежать корона франкская—тому, кто царствуетъ (т. е. Меровингамъ) или тому, кто на самомъ дѣлѣ правитъ (т. е. майор-

домамъ Каролингамъ). Захарій, не теряя времени, сейчасъ же отвѣтилъ: „тому, кто управляетъ". Этотъ отвѣтъ далъ ему могущественнаго союзника противъ лангобардовъ, и союзника, пришедшагося какъ нельзя болѣе кстати. Преемникъ Рачиса король Айстульфъ прогналъ экзарха Эвтихія и занялъ Равенну и двинулся къ Риму. Папа Захарій умеръ и на его мѣсто избрали Стефана II; новый папа на первое время отдѣлался выкупомъ. Получивши богатые дары, король обѣщалъ сорокъ лѣтъ не трогать Рима, но выдерживалъ характеръ всего четыре мѣсяца и снова явился подъ столицу папы. Напрасно къ нему отправлялись торжественнѣйшія процессіи съ дарами, съ золотомъ, съ крестами, съ грозными рѣчами: Айстульфъ былъ непреклоненъ. Тогда папа обратился къ Пипину Короткому — и обращеніе это имѣло полный успѣхъ. Чрезвычайно искусно выхлопотавъ себѣ охранный листъ отъ Айстульфа для безпрепятственнаго путешествія чрезъ лангобардскія владѣнія, папа сначала пріѣхалъ въ Павію, куда прибылъ и король, а затѣмъ неожиданно для короля, думавшаго, что папа пріѣхалъ заключить съ нимъ миръ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, Стефанъ объявилъ, что онъ поѣдетъ дальше, къ франкамъ. Его сопровождали послы Пипина. Айстульфъ сначала не желалъ его пускать, но предъ внушительными представленіями пословъ долженъ былъ смириться,—и папа безпрепятственно явился къ франкскому королю. Результатомъ ихъ личныхъ переговоровъ былъ походъ Пипина противъ лангобардовъ. Въ открытой битвѣ у альпійскихъ проходовъ лангобарды были разбиты, и Айстульфъ осажденъ въ главной своей крѣпости Павіи. Онъ принужденъ былъ заключить миръ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ: Равенна и рядъ другихъ городовъ отдавались папѣ, который еще получалъ единовременную дань и обѣщаніе со стороны короля ежегоднаго взноса 5000 солидовъ. Разъяренный этимъ униженіемъ, Айстульфъ въ слѣдующемъ же (755-мъ) году подступилъ къ Риму съ огромными полчищами, перебилъ и разорилъ все окрестное населеніе и села, лежащія вокругъ Рима, и началъ правильную осаду. Почти два мѣсяца нельзя было даже вѣсточки подать Пипину, но когда случай представился, Стефанъ написалъ жалобное посланіе франкскому ко-

ролю съ просьбою избавить отъ грозящихъ св. престолу ужасовъ. „Спѣшите, Бога ради спѣшите, пока враги не пронзили насъ", такъ кончаетъ папа свое посланіе. Но Пипинъ медлилъ. Тогда Стефанъ II уже посылаетъ королю другое письмо, якобы написанное самимъ апостоломъ Петромъ. Это письмо стремится и польстить Пипину, и запугать его угрозами небесной кары. Пипинъ собралъ войско и вторгся въ лангобардскія владѣнія. Повторился первый походъ. Айстульфъ поспѣшно снялъ осаду съ Рима и отправился въ Павію, гдѣ его обложили франкскія войска. Снова онъ долженъ былъ мириться съ папою и королемъ на прежнихъ условіяхъ; новый договоръ подтверждалъ за папою (съ незначительнымъ добавленіемъ) права на города, уступленные въ 754 году. Больше трети всѣхъ лангобардскихъ государственныхъ сокровищъ въ качествѣ контрибуціи попали въ руки Пипина.

Съ этихъ то поръ и вкрадывается въ исторію римской церкви ученіе о территоріальныхъ правахъ ея, о наслѣдствѣ св. Петра. Цѣлый рядъ земель попалъ теперь въ руки папы, и, что весьма характерно, Стефанъ и не подумалъ отдать ихъ въ руки прежняго „законнаго", до-лангобардскаго владѣльца, т. е. византійскаго императора: онъ уже не разсчитываетъ ни на какихъ посторонныхъ защитниковъ, „суденышко св. Петра", „naviculum sancti Petri" оставляетъ буксиръ и пускается въ самостоятельное плаваніе. Византійскіе послы, присланные императоромъ къ Пипину, напрасно протестовали противъ того, что франкскій король дѣлаетъ папѣ подарки не изъ своего, а изъ стараго византійскаго имущества, уступая ему Равенну и другіе города. Но Пипинъ отвѣчалъ, что никогда не осмѣлится отнять у св. Петра то, что онъ ему разъ подарилъ. Такъ послы ни съ чѣмъ и уѣхали. Экзархатъ остался за Римомъ.

Это случилось въ 755 году; въ слѣдующемъ году умеръ Айстульфъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало и Стефана II. Слѣдующее за ними поколѣніе пережило послѣдній актъ этой римско-каролинго-лангобардской драмы.

VIII.

Пипинъ получилъ за тѣ ни съ чѣмъ несравнимыя услуги, которыя онъ оказалъ папѣ, титулъ римскаго патриція, т. е. ничего не значащій санъ. Но удовольствоваться однимъ этимъ титуломъ Пипинъ не желалъ. Онъ повелъ дѣло такъ, что дѣйствительно его вліяніе во всѣхъ итальянскихъ политическихъ осложненіяхъ всегда перевѣшивало вліяніе и лангобардовъ, и его союзника папы. Впрочемъ, для лангобардскаго королевства наступили слишкомъ тяжелые дни. Второе пораженіе Айстульфа и отнятіе у него цѣлаго ряда укрѣпленныхъ пунктовъ сильно подорвало значеніе центральной власти въ лангобардскомъ государствѣ, т. е. именно то, надъ укрѣпленіемъ чего такъ много потрудился Ліутпрандъ. Герцоги Сполето и Беневента тотчасъ же отложились и этимъ сильно ослабили преемниковъ Айстульфа. Пока это происходило у лангобардовъ, власть римскаго епископа росла. Собственно государственный характеръ въ точномъ смыслѣ эта власть пріобрѣтаетъ лишь у себя въ Римѣ и въ ближайшихъ къ Риму мѣстахъ; что касается до Равенны и другихъ отдаленныхъ городовъ, то въ нихъ возникаетъ своеобразное самоуправленіе. При византійскомъ владычествѣ ими управляли дуки; когда началась иконоборческая ересь, дуки, какъ представители Византіи, были низвергнуты и замѣнены либо своими выборными итальянскими дуками, либо управителями, носившими старый титулъ „трибуновъ", „консуловъ". Теперь, когда власть римскаго епископа расширилась территоріально, эти мѣстные магистраты признали римскаго епископа, такъ же, какъ жители Рима „своимъ господиномъ". Но для папы было достаточно, что эти города принадлежали ему, а не византійцамъ или лангобардамъ. За бо́льшимъ онъ пока не гнался. Положеніе намѣстника св. Петра послѣ смерти Стефана II оказалось столь благопріятнымъ, что даже преемникъ Айстульфа, Дезидерій, только тогда могъ укрѣпиться на престолѣ лангобардовъ, когда согласился уступить папѣ еще нѣсколько городовъ изъ своихъ владѣній (на томъ основаніи, что когда-то они принадлежали экзархату). Но Дезидерій оказался достойнымъ

послѣднимъ королемъ своего народа. Энергіей онъ обладалъ столь же замѣчательною, какъ и хитростью. Цѣлымъ рядомъ уловокъ онъ, по воцареніи, оттягивалъ фактическую передачу этихъ уступленныхъ городовъ въ руки папскаго правительства, пока не покорилъ мятежныхъ герцоговъ Беневента и Сполето. А обезопасивши себя съ этой стороны, онъ заявилъ, что городовъ не отдастъ, пока Пипинъ не возвратитъ взятыхъ еще послѣ войны съ Айстульфомъ лангобардскихъ заложниковъ. Папа (Павелъ) завязалъ съ Пипиномъ цѣлую переписку, чтобы вызвать его на новый походъ въ Италію противъ лангобардовъ, но это ему не удалось: слишкомъ не спокойны были въ это время собственныя границы франкскаго государства. Пришлось кое-какъ мириться безъ вооруженной помощи франковъ, и примиреніе (конечно, временное и наружное) состоялось въ 760 году. Въ слѣдующіе годы отношенія между Дезидеріемъ и римскимъ престоломъ вновь испортились, и папа жалуется франкскому королю на постоянные набѣги лангобардовъ. Въ 768 году умеръ Пипинъ, а въ 770 состоялось неожиданная и непріятная для папы (Стефана III) комбинація: молодой король Карлъ женился на дочери Дезидерія принцессѣ Дезидератѣ. Напрасны были всѣ усилія папы помѣшать этому браку, который грозилъ отнять у него драгоцѣнныхъ сѣверныхъ союзниковъ; онъ написалъ письмо Карлу и его соправителю Карломану, въ этомъ письмѣ папа грозитъ братьямъ геенной огненной, если кто нибудь изъ нихъ породнится съ гнусными аріанами (уже больше столѣтія прошло, какъ лангобарды стали католиками, но папа ничего не пожалѣлъ для сгущенія красокъ). Ничего не помогло; бракъ былъ заключенъ. И какъ разъ, когда папа имѣлъ основаніе считать свое дѣло проиграннымъ, случилось обстоятельство вверхъ дномъ повернувшее всѣ комбинаціи: Карлъ разошелся со своею женою, и Дезидерата, по тогдашнимъ понятіямъ опозоренная, вернулась къ своему отцу; Дезидерій сталъ заклятымъ врагомъ Карла, и между ними началась борьба, которая должна была неминуемо привести къ гибели слабѣйшаго, — а слабѣйшимъ было, безспорно, лангобардское королевство. Въ томъ же 771 году умеръ соправитель Карла Карломанъ, и Карлъ присвоилъ себѣ его владѣнія, а вдова и дѣти

укрылись во владѣніяхъ Дезидерія. Ненависть между двумя дворами все крѣпла. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ Карлъ, воюя противъ саксовъ, не могъ собраться въ походъ противъ лангобардовъ, и пока Дезидерій сильно тѣснилъ папу (Адріана I); незачѣмъ передавать подробности ихъ дипломатическихъ сношеній въ эти послѣдніе годы существованія лангобардскаго королевства: это рядъ взаимныхъ ухищреній, проволочекъ и обмановъ. Оружіемъ дѣло могло рѣшиться, только когда Карлъ освободился бы отъ посторонних забот и явился въ Италію. Но Карлъ съ необыкновенною для него кротостью пробовалъ сперва мирнымъ путемъ уладить всѣ недоразумѣнія между папою и Дезидеріемъ,—неукротимая ненависть къ нему лангобардскаго короля дѣлала всѣ подобныя попытки совершенно напрасными. Онъ даже предложилъ Дезидерію 14000 золотыхъ монетъ, чтобы тотъ отдалъ захваченные города папѣ. Повидимому, очень Карла безпокоило, что дѣти Карломана, ограбленные имъ, находятся въ Павіи у Дезидерія, и онъ желалъ мирнымъ путемъ получить ихъ въ свои руки. Но Дезидерій былъ непреклоненъ. Тогда, въ 773 году Карлъ вторгся въ лангобардскія владѣнія. Дезидерій потерпѣлъ страшное пораженіе у альпійскихъ проходовъ и, поспѣшно отступивъ съ поля битвы, заперся въ Павіи, а его полководецъ Адальгисъ — въ Веронѣ. Въ эти ужасные для лангобардскаго государства дни обнаружилось, что двухсотъ лѣтъ было мало, чтобы спаять тянувшія врозь части его: опять отложились Сполето и нѣкоторыя другія окраины. Мало того, измѣнниковъ было слишкомъ достаточно и въ самомъ лагерѣ Дезидерія. Прошла зима, и на Пасху Карлъ отправился въ Римъ. Его встрѣтили съ большимъ почетомъ, съ торжественными крестными ходами. Папа ожидалъ его и обнялъ на паперти храма св. Петра. Во время этого пребыванія франкскаго короля въ Римѣ папа выпросилъ у него дарственную запись на цѣлый рядъ городовъ и земель, даже еще не отнятыхъ у лангобардовъ. Пріѣхавъ изъ Рима къ Павіи, Карлъ ускорилъ ея осаду: истощенное, умирающее населеніе не могло болѣе держаться, и Дезидерій капитулировалъ. Его вмѣстѣ съ женою перевезли въ королевство франковъ, гдѣ и держали до смерти. Вскорѣ пала и Верона; королевство Лангобардское перестало существовать.

Послѣдствія этого событія 774 года сказались весьма скоро и весьма ясно. Римскій епископъ получилъ Сполето и нѣкоторыя другія мѣстности, но главная масса завоеванныхъ лангобардскихъ земель осталась за Карломъ; Италія не объединилась вокругъ Рима, а скорѣе стала вмѣстѣ съ Римомъ въ подчиненныя отношенія къ франкскому королю. Въ послѣдующіе семидесятые и восьмидесятые годы было закончено покореніе оставшихся еще независимыми лангобардскихъ владѣній, но и они остались большею частью въ рукахъ франковъ. Избавившись отъ еретиковъ-остготовъ, отъ варваровъ-лангобардовъ, отъ иконоборцевъ-византійцевъ, римскій престолъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу съ могущественнымъ завоевателемъ, предъ которымъ еще труднѣе было сохранить свою полную независимость, такъ какъ, во первыхъ, онъ былъ гораздо сильнѣе прежнихъ обладателей Италіи, а во вторыхъ, не находилось соперника, котораго можно было бы противъ него выставить. Раньше, чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи дальнѣйшихъ отношеній между папою и королемъ, скажемъ нѣсколько словъ о слѣдахъ, оставленныхъ двухсотлѣтнимъ владычествомъ лангобардовъ въ экономической исторіи Италіи.

ИСТОЧНИКИ.

1. Liber pontificalis (изд. Duchesne'я, Paris. 1880).

2. Epistolae Romanorum pontificum, изд. Thiel'я (особенно важенъ Liber pontific. для остготскаго періода).

3. Іорданъ, изданіе Моммзена въ Mon. Germ. Hist. Auctor. Antiq. V. 1.

4. Кассіодоръ, изданіе Моммзена въ Mon. Germ. Hist. Auct. Ant. XI.

5. Прокопій Кессарійскій, тамъ же. (Особенно цѣнны предисловія Моммзена).

6) Павелъ Діаконъ, тамъ же и у Muratori (Annali).

7) Agnellus, Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis (Mon. Germ. Hist. Script. rer. lang.).

ЛИТЕРАТУРА.

1. Hodgkin, Italy and her invaders I—VII т. т. (London. 1882—1887).

2. Gibbon, History of the decline and fall of Roman empire (ed. Bury 1896—1900).

3. Hartmann, Das italienische Königreich (Leipzig. 1897—1899) T. I—2.

4. Кудрявцевъ, Судьбы Италіи отъ паденія западной римской имперіи до возстановленія ея Карломъ В. (Сочиненія, т. 3, Москва. 1889).

5. Martin, Theodorich der Grosse bis zur Eroberung Italiens (Freib. 1888).

6. F. Dahn, Könige der Germanen (т. II-й), изданіе 1878—80 г. г.

7. Teuffel, Geschichte der römischen Litteratur (о Боэціи и Симмахѣ), изд. 1890.

8. Ebert, Allgemeine Geschichte der römischen Litteratur in ihren Anfängen bis z. Zeitalter Karls des Grossen. (1874).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическія отношенія въ Италіи въ V — VIII вв. Господство натуральнаго хозяйства.

I.

Всѣ экономическія отношенія любой страны могутъ только тогда стать болѣе или менѣе ясными изслѣдователю, если послѣдній отвѣтитъ себѣ на первый и самый важный вопросъ: какова была въ данный моментъ преобладающая форма капитала? Въ экономической структурѣ общества капиталъ является тѣмъ сердцемъ, отъ пульсаціи котораго зависятъ всѣ отправленія организма. Раньше, чѣмъ говорить о формѣ капитала въ первыя времена владычества варваровъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, мы должны коснуться времени, непосредственно предшествующаго эпохѣ паденія Западной имперіи, иначе IV и V вв.

Въ послѣдніе вѣка имперіи единственною формою капитала въ Италіи является земля, земельныя имущества. Богатство человѣка измѣряется не чѣмъ инымъ, какъ количествомъ земли. Помѣстье состояло изъ усадьбы, гдѣ жилъ владѣлецъ или его довѣренное лицо, и земли, которую воздѣлывали юридически зависимые отъ него люди. 1) Извѣстная площадь земли обрабатывалась дворовыми рабами, которые лично не имѣли никакой связи съ землею, не получали ничего, кромѣ пищи отъ господина, и всѣ результаты труда ихъ шли на пользу ихъ хозяина. 2) Далѣе, опредѣленный кусокъ земли, принадлежавшей помѣстью, былъ подѣленъ на участки, которые сдавались отдѣльнымъ арендаторамъ на годъ, на пять лѣтъ, смотря по условію, иногда даже на всю жизнь или въ наслѣдственную аренду. Эти арендаторы носятъ въ дошедшихъ до насъ источникамъ разныя названія; чаще всего они именуются колонами. 3) Нако-

нецъ, остальная земля была заселена опять-таки рабами хозяина, но работавшими уже на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, близкихъ къ условіямъ колоновъ: эти рабы, „приписанные къ землѣ", отдавали извѣстную (часто весьма значительную) долю произведеній своего труда господамъ. Эти „приписанные къ землѣ" рабы отличались отъ рабовъ первой категоріи весьма существенно въ юридическомъ отношеніи: по кадексу Юстиніана ихъ нельзя было продавать безъ земли. Въ экономическомъ отношеніи положеніе „приписанныхъ къ землѣ" также несравненно было лучше положенія дворовыхъ рабовъ, такъ какъ они за извѣстное количество произведеній своего труда пользовались спокойно всѣми остальными добываемыми изъ ихъ участка продуктами,—а дворовые рабы являются такимъ же рабочимъ скотомъ, частью живого инвентаря, какъ напр. негры на американскихъ плантаціяхъ до аболиціонной войны: подъ надзоромъ особыхъ смотрителей ихъ гоняли съ одного конца помѣстья на другой, спали они въ общихъ помѣщеніяхъ и личною жизнью совсѣмъ не жили. Но практика обнаружила уже въ IV и V вѣкахъ, что именно эти „приписанные къ землѣ" выгоднѣе всѣхъ, производительнѣе дворовыхъ рабовъ и вольныхъ арендаторовъ утилизируютъ землю, даваемую имъ помѣщикамъ. Въ эпоху IV и V вѣковъ повсемѣстная задолженность фермеровъ дала возможность владѣльцамъ обширныхъ помѣстій обратить должниковъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Правительство Юстиніана (въ періодъ владѣнія Италіей) въ высшей степени покровительственно относилось къ этому явленію, т. е. къ увеличенію класса крѣпостныхъ арендаторовъ, ибо при общемъ текучемъ и бродячемъ состояніи итальянскаго населенія въ VI вѣкѣ важно было сохранить классъ осѣдлыхъ и потому болѣе исправныхъ плательщиковъ податей и повинностей. Мелкая аренда совершенно свободныхъ людей мало-по-малу исчезаетъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ закона императора Анастасія, по которому достаточно тридцатилѣтняго держанія аренды въ одномъ и томъ же мѣстѣ, чтобы арендаторъ впредь считался прикрѣпленнымъ къ землѣ. Понемногу (съ конца VI вѣка) термины colonus, servus glebae adscriptus — начинаютъ смѣшиваться и путаться. И колонамъ, и рабамъ одина-

ково воспрещено брать себѣ въ жены другую женщину, кромѣ колоны или рабыни того же помѣщика. Отнять или уменьшить надѣлъ колона нельзя; пустошь и пастбища, прилегающія къ землѣ, занятой колонами, находятся въ ихъ общемъ пользованіи. Ко времени готскаго нашествія при полной невозможности подробно описать всѣ категоріи лицъ, кормившихся въ помѣстьѣ, мы можемъ лишь установить общіе два разряда: 1) землею пользовался помѣщикъ при посредствѣ своихъ дворовыхъ рабовъ, получая непосредственно всѣ выработанные ими продукты, а 2) другою частью земли пользовались люди, прикрѣпленные къ арендуемому ими участку, платящіе помѣщику дань натурою, арендующіе землю по договору и на условіяхъ, неизмѣнныхъ для обѣихъ сторонъ, и называющіеся, съ различными оттѣнками въ правахъ и обязанностяхъ, трудно различимыми въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи — то glebae adscripti, то coloni. Такъ, въ общемъ дѣло обстояло ко времени паденія западной римской имперіи. Герулы, народъ Одоакра, получили отъ римлянъ третью часть ихъ земельнаго имущества; когда герулы были побѣждены Теодорихомъ, эта экспропріированная у римлянъ третья часть перешла въ руки остготовъ. Шестидесятилѣтнее владычество остготовъ не внесло никакихъ существенныхъ измѣненій въ экономическія отношенія хотя, конечно, нѣкоторыхъ второстепенныхъ перемѣнъ отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Прежде всего сразу же стала ощущаться значительная убыль въ рабочихъ силахъ, какъ естественное послѣдствіе войнъ Одоакра съ Теодрихомъ. Эта убыль въ экономическомъ отношеніи оказывалась тѣмъ чувствительнѣе, что она замѣчалась именно въ рядахъ производителей, т. е. колоновъ и рабовъ, а вновь осѣвшіе въ Италіи готы, превратившіеся въ одно сплошное военное сословіе, пополнили ряды потребителей. Готы, какъ было уже сказано, содержались на счетъ „трети земли“. Но было два способа взиманія доходовъ съ этой трети: либо помѣстье выдѣляло готу треть общаго количества земли и онъ посредствомъ собственныхъ рабовъ могъ эту треть воздѣлывать, либо помѣщикъ (или колонъ) вносилъ въ казначейство треть дохода со своего куска земли, а казна уже распредѣляла этотъ общій стекавшійся отовсюду доходъ между готами, которымъ земля не была

нигдѣ отведена. На судьбу колоновъ господство Теодориха и его преемниковъ имѣло то вліяніе, что ихъ прикрѣпощеніе къ землѣ было еще упрочено. Нужно сказать, чтъ въ половинѣ VI вѣка, уже передъ крушеніемъ готской монархіи въ средѣ колоновъ мы встрѣчаемъ лицъ варварскаго происхожденія; но эти новыя явленія касались лишь характера состава зависимыхъ земледѣльцевъ и нисколько не затрогивали сущности колоната, какъ учрежденія. Наконецъ, немногія поселенія мелкихъ свободныхъ крестьянъ общинниковъ, которыя въ Римской имперіи играли совершенно ничтожную роль, уцѣлѣли и во времена готовъ и невредимыми перешли въ слѣдующіе вѣка. Въ эпохи натуральнаго хозяйства живучесть самыхъ слабыхъ, самыхъ ничтожныхъ количественно экономическихъ формъ бываетъ поразительна.

II.

Гораздо важнѣе и по продолжительности, и по слѣдамъ своимъ было владычество лангобардовъ. Начать съ того, что лангобарды истребили мечемъ въ первые же моменты своего вторженія весьма многихъ богатыхъ земельныхъ собственниковъ; остальныхъ земельныхъ собственниковъ, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ они заставили платить дань въ видѣ трети всѣхъ добываемыхъ продуктовъ; что же касается до земель, конфискованныхъ у убитыхъ, то онѣ отошли къ королю и къ герцогамъ лангобардскимъ. Такое положеніе вещей продолжалось въ лангобардской Италіи до воцаренія Автариса, когда произошелъ переворотъ, весьма лаконично переданный потомству хронографомъ лангобардскихъ королей — Павломъ Діакономъ. Переворотъ этотъ состоялъ, повидимому (ибо относящееся сюда мѣсто у Діакона крайне темно), въ томъ, что произведена была кадастровая ревизія и половина всѣхъ герцогскихъ земель попала въ руки короля, а герцоги, чтобы вознаградить себя, произвели уже экспропріацію недвижимой собственности у римлянъ, до тѣхъ поръ обязанныхъ предъ завоевателями лишь взносомъ трети доходовъ. Въ какихъ размѣрахъ была произведена эта экспропріація, Павелъ Діаконъ не говоритъ.

Самая характерная черта лангобардскаго владычества заключается въ новомъ явленіи, не имѣвшемъ мѣста при остготахъ: мы говоримъ о началѣ патроната, о возникшемъ (вѣрнѣе, можетъ быть, принесенномъ) при лангобардахъ обычаѣ всѣхъ свободныхъ людей,—если только они не были знатными и богатыми, — отдавать себя подъ защиту и покровительство отдѣльныхъ частныхъ лицъ, т. е. знатныхъ лангобардовъ. И свободные римляне, и пасынки лангобардскаго государства — варганги, т. е. пришедшія вмѣстѣ съ завоевателями разныя германскія племена, и вольноотпущенники, — всѣ они стремятся получить „mundium“, покровительство сильнаго варвара, и стать его вѣрными подданными, или „gesindi“. Въ чисто экономическомъ смыслѣ это имѣло то значеніе, что всякая коммендація, всякая отдача себя вмѣстѣ со своимъ имуществомъ подъ покровительство влекла неминуемо (кромѣ обычной трети въ пользу лангобардовъ) еще новый натуральный платежъ въ пользу обѣщавшаго покровительство. Если мужъ отдавалъ себя подъ покровительство, то и жена его теряла свободу и дѣлалась подданной человѣка, обѣщавшаго ея мужу „mundium“.

Институтъ рабства чрезвычайно развитъ былъ въ лангобардскомъ обществѣ. Но, какъ это бываетъ при натуральномъ хозяйствѣ, весьма нерѣдко были отпуски рабовъ и рабынь на волю, ибо часто не было надобности въ сохраненіи за собою рабовладѣльческихъ правъ: не встрѣчалось необходимости въ слишкомъ интенсивномъ рабскомъ трудѣ—при отсутствіи торговли и возможности сбывать припасы на сторону. Рабы отпускались весьма часто на волю, но становились полусвободными, т. е. альдіонами; ихъ прежній владѣлецъ считался ихъ патрономъ и имѣлъ право на полученіе натуральнаго платежа такъ же, какъ отъ добровольно отдавшихся ему gesind'овъ,—за право защиты. Такимъ образомъ свободные люди, становясь gesind'ами, спускались на одну ступень по общественной лѣстницѣ, а рабы, отпускаемые на правахъ альдіоновъ, поднимались на одну ступень надъ своимъ прежнимъ положеніемъ, —и gesind'ы встрѣчались съ альдіонами въ качествѣ подданныхъ патрона, платящихъ ему плату за „mundium“, за покровительство. Но хозяинъ могъ отпустить раба на волю на еще лучшихъ усло-

віяхъ, именно какъ полноправнаго гражданина. Впрочемъ, въ тѣ времена, покровительство и заступничество сильнаго лица являлись такого рода благомъ, что эти новые полноправные граждане спѣшили стать зависимыми gesind'ами. Характерный примѣръ приводитъ итальянскій ученый Троя въ своихъ изслѣдованіяхъ по лангобардской старинѣ: въ 754 году нѣкій рабъ Vulpus отказался за себя, за жену и дѣтей получить предлагаемую ему безусловную свободу, а просилъ сдѣлать его альдіономъ. Очевидно, жизнь упорно разгоняла общество въ двѣ стороны — однихъ дѣлала господами, другихъ — зависимыми и покровительствуемыми; средняя категорія пока не осуществлялась. Вообще же альдіоны и рабы не особенно отличались по своему положенію въ обществѣ. При господствѣ варваровъ лучшимъ показателемъ, такъ сказать, удѣльнаго вѣса человѣка, важности его общественнаго положенія служила вира, штрафъ, взимаемый за убійство или членовредительство: вира за убійство раба всего на десять золотыхъ солидовъ меньше, чѣмъ вира за убійство альдіоны, — а за членовредительство платится одна и та же вира, кто бы ни оказался потерпѣвшимъ — рабъ или альдій. Что касается до оброковъ, до платежей за землю, то и рабы, и альдіоны платили „по стародавнимъ обычаямъ“, какъ выражаются лангобардскія грамоты. За участками земли сохранялись названія — „рабскихъ“ усадьбъ и „альдіонскихъ“, но случалось нерѣдко, что происходили перетасовки — рабскіе надѣлы занимались свободными людьми, альдіонскіе же — рабами. Это также указываетъ на то, что понемногу положеніе сельскихъ рабовъ и альдіоновъ нивеллировалось. — Въ VIII вѣкѣ, т. е. когда уже дни лангобардской независимости были сочтены, — альдіоновъ начинаютъ называть и смѣшивать съ колонами, т. е. уцѣлѣвшими еще отъ остготскихъ временъ свободными земледѣльцами. Происходитъ это потому, какъ уже сказано, что колоны, свободные лично, хотя и прикрѣпленные къ землѣ, сами отдаются подъ покровительство сильнымъ лицамъ и начинаютъ имъ платить за mundium либо приношеніемъ извѣстнаго количества продуктовъ, либо барщинной службою. Эти приношенія бывали крайне ничтожны: иногда они равнялись десяти фунтамъ сыру, одной овцѣ, двумъ цыплятамъ да половинѣ поросенка — въ годъ. Барщинная служба была стѣснительна

тѣмъ, что, повидимому, господинъ могъ потребовать альдія — колона въ любое время на работу, безъ ограниченія этого права какимъ либо временемъ года. На югѣ лангобардскаго государства, гдѣ отбываніе барщины (какъ и вообще новые германскіе порядки) менѣе было развито, оно ограничивалось правомъ хозяина призывать колона на службу три раза въ годъ: во время пахоты, сѣянія и жатвы.

Относительно общиннаго землепользованія необходимо признать правильнымъ мнѣніе профессора Виноградова, что община не возникла въ лангобардской Италіи послѣ прихода варваровъ; впрочемъ, такая масса земель должна была лежать впустѣ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, что ничего невѣроятнаго не было бы въ возникновеніи кое гдѣ нераздѣльнаго землепользованія, безъ правильныхъ передѣловъ, съ хаотическою обработкою пашни, достаточной для всѣхъ. Но источники, кромѣ довольно темныхъ намековъ на этотъ счетъ, ничего не говорятъ. Вообще же, лангобарды, повидимому, тяготѣли болѣе къ пастушескимъ, нежели къ земледѣльческимъ занятіямъ; обиліе луговъ и пастбищъ сильно этой склонности благопріятствовало. Слѣды лангобардскаго завоеванія были важны не потому, чтобы они совершенно измѣнили прежнее экономическое состояніе Италіи: натуральное хозяйство царило одинаково и при имперіи, и при герулахъ, остготахъ, византійцахъ и лангобардахъ, но послѣдніе варвары упрочили и утвердили новый принципъ, принципъ личной зависимости свободныхъ людей отъ другихъ свободныхъ людей, „mundium“, котораго не знали римляне до лангобардовъ, — добровольную отдачу себя подъ покровительство сильныхъ, отдачу, создавшую новый и вполнѣ своеобразный классъ альдіоновъ. Жизненность этого класса, вѣрнѣе, его жизнеспособность лучше всего доказывается тѣмъ, что и сверху, и снизу — и изъ сословія свободныхъ, и изъ сословія рабовъ — люди тяготѣютъ къ нему, стремятся въ него попасть. Этими отчетливо выясняющимися въ лангобардскую эпоху зачатками феодальныхъ отношеній и важно двухсотлѣтнее владычество соплеменниковъ Альбоина и Дезидерія. Для того, чтобы закончить эту маленькую вслѣдствіе скудости источниковъ главу, мы должны коснуться тѣхъ земель

Италіи, которыя оставались (послѣ паденія остготовъ) за византійцами, а потомъ, въ иконоборческую эпоху, попали подъ верховенство римскаго престола,—и тѣхъ частей полуострова, гдѣ вліяніе варваровъ было мало замѣтно.

III.

Въ равеннскомъ экзархатѣ, почти совсѣмъ избѣжавшемъ вліянія варваровъ, до такой степени живучи были чисто римскіе земельные порядки, что даже измѣрялись имѣнія по римскому способу. Каждое помѣстье дѣлилось (по плану) на двѣнадцать частей, называвшихся унціями; половина имѣнія равнялась шести унціямъ, треть имѣнія—четыремъ унціямъ и т. д. Кромѣ колоновъ, въ помѣстьяхъ равеннскаго экзархата находились также арендаторы, по своему положенію близко къ нимъ подходившіе и, даже, пользовавшіеся нерѣдко однимъ названіемъ: это были „ливелларіи", арендаторы, заключавшіе съ хозяиномъ помѣстья контрактъ на двадцать девять лѣтъ (на тридцать или больше—нельзя было заключать условія, такъ какъ по римско-византійскому закону тридцатилѣтняя давность сдѣлала бы арендатора владѣльцемъ арендуемаго участка). Ливелларіи, возобновлявшіе свои контракты, дѣлались понемногу вѣчно-наслѣдственными арендаторами, такъ какъ ихъ земельные участки оставались столѣтіями въ одной и той же семьѣ; платили они (такъ же, какъ и колоны) третью часть всего оливковаго сбора и седьмую часть хлѣбнаго урожая. Если на ихъ участкахъ разводился еще и ленъ,—они, кромѣ оливокъ и хлѣба, вносили хозяину треть всего сбора; если есть фруктовые сады – третью или четвертую часть собираемыхъ фруктовъ. Кромѣ того, одинъ, два или три воза дровъ (смотря по условіямъ мѣстности) должны были быть доставлены каждымъ ливелларіемъ или каждымъ колономъ въ господскую усадьбу, — и шесть разъ въ годъ ливелларій (или колонъ) обязанъ былъ явиться по зову господина. Итакъ, барщинный элементъ въ жизни колоновъ (и ливелларіевъ, положеніе которыхъ стало въ концѣ концовъ тождественнымъ съ положеніемъ колоновъ) игралъ гораздо меньшую роль, нежели оброчный. Такъ дѣло обстояло въ равеннскомъ экзар-

хатѣ и въ римской Кампаніи до Карла Великаго; съ франкскимъ вліяніемъ барщина начинаетъ становиться болѣе отяготительной: уже не шесть разъ въ годъ, а иногда еженедѣльно, и, во всякомъ случаѣ, весьма часто колонъ былъ обязанъ являться на барскій дворъ для отбыванія барщины. Арендуемые участки обыкновенно держались колонами такъ, что цѣлая родственная семья колоновъ владѣла однимъ отрубнымъ участкомъ. Такая совокупность нѣсколькихъ семействъ называлась consorteria. Иногда даже consorteria состояла изъ колоновъ, не соединенныхъ узами родства. При частно-семейномъ пользованіи пахотной площадью, колоны пользовались пастбищами и лѣсами помѣстья на общинныхъ правахъ. Существовали также аренды, уплачиваемыя деньгами, а не натурою, но при всеобщемъ господствѣ чисто натурально-хозяйственныхъ порядковъ денежная аренда не могла не составлять исключенія. Римскія формы землевладѣнія удержались также и въ Сполето, Беневентѣ, Тосканѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, хотя и занятыхъ лангобардами, но находившихся подъ меньшимъ вліяніемъ ихъ порядковъ. Въ этихъ мѣстностяхъ (особенно, въ граничащихъ съ папскою областью) былъ развитъ еще болѣе, чѣмъ даже въ равеннскомъ экзархатѣ, обычай отпускать на смертномъ одрѣ или по завѣщанію на волю— рабовъ и рабынь, „для блага души". Но эти вольноотпущенники обыкновенно становятся въ своемъ же помѣстьѣ арендаторами, переходятъ въ положеніе ливелларіевъ и колоновъ. „Прежде имѣніе цѣнилось настолько, насколько въ немъ было несвободныхъ крестьянскихъ душъ; свободные съемщики были въ меньшинствѣ, составляя болѣе или менѣе рѣдкое явленіе; теперь земля сама по себѣ (т. е. въ VIII и IX в.в.) сдѣлалась цѣнностью, благодаря увеличившемуся спросу, который вызывался ростомъ населенія и обусловливалъ собою производство расчистокъ. Земля начала приносить ренту, но такъ какъ спросъ на рабочія руки все же оставался весьма значительнымъ, благодаря легкости получить землю въ расчистку, то правильный расчетъ подсказывалъ сохранить отъ крѣпостного права ту его характерную особенность, которая лежала въ постоянномъ пребываніи семьи воздѣлывателя на сданномъ ему участкѣ. Это обстоятельство вызвало къ жизни институтъ вѣчно-наслѣдствен-

ной аренды въ такой же мѣрѣ, въ какой недостатокъ личной обезпеченности и необходимость покровительства заставляли свободныхъ людей жертвовать не ихъ экономическимъ, а общественнымъ положеніемъ, и дѣлаться людьми зависимыми, отказываясь отъ собственности и удерживая наслѣдственное пользованіе. Во всемъ этомъ лежали задатки постепеннаго превращенія завѣщаннаго еще римлянами рабскаго хозяйства въ феодально-оброчное. Самое развитіе этихъ новыхъ отношеній приняло направленіе, близкое къ тому, которое столѣтіями раньше характеризовало римскій колонатъ, представлявшій собою такую же свободную, вѣчно-наслѣдственную аренду"... Въ VIII и IX вѣкахъ отдача себя подъ покровительство распространяется въ Сполето, Беневентѣ и Тосканѣ все больше и больше. Этому благопріятствовало между прочимъ и образованіе огромныхъ церковныхъ латифундій въ означенныхъ мѣстностяхъ, болѣе остальной Лангобардіи сохранявшихъ дружественныя отношенія къ римскому престолу. Герцоги и знатные люди жертвовали церкви въ каждомъ поколѣніи большіе участки земли, а отчуждать ихъ по каноническому праву церковь не могла; на этихъ-то церковныхъ латифундіяхъ и распространялось вѣчно-наслѣдственное держаніе, безъ котораго земли стояли бы впустѣ. На примѣрѣ церковныхъ земель и ихъ обработки особенно ярко выясняется та истина, что римскіе земельные порядки вовсе не пали съ римской имперіею, а продолжали существовать и послѣ: церковныя латифундіи стоятъ въ прямой преемственной связи съ латифундіями временъ императоровъ. Главнѣйшій изъ новыхъ элементовъ, вторгшихся въ эту прочную среду, въ это общество помѣщиковъ и ихъ разнообразныхъ арендаторовъ, самый важный и первенствующій, — это, безспорно, элементъ отдачи себя подъ покровительство, т. е. элементъ не экономическій, а юридическій. Въ мѣстахъ, занятыхъ лангобардами, онъ сказывается весьма ярко, въ экзархатѣ и римской Кампаніи меньше, а въ Сполето и Беневентѣ нѣсколько больше, чѣмъ въ римско-византійскихъ владѣніяхъ.

Но всюду онъ въ той или иной степени на лицо. При слабости государственныхъ началъ и обязательныхъ нормъ закона, при беззащитности и безпріютности одинокой личности этотъ феодальный

институтъ добровольнаго отреченія отъ независимости возникалъ въ Италіи повсемѣстно. Впрочемъ, не въ одной Италіи онъ и возникъ, а во всей Европѣ также.

ЛИТЕРАТУРА.

Гревсъ, „Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи)". (Спб. 1900).

Виноградовъ, „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи". Классическій трудъ, ознакомленіе съ которымъ безусловно необходимо для всякаго, интересующагося экономическою и общественною исторіею итальянскаго средневѣковья.

Максимъ Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства т. I. М. 1898. (Стр. 234 – 335).

Gaudenzi, Sulla proprietá in Italia nella prima meta del medio evo (для характеристики остготскихъ и византійскихъ порядковъ; лангобардскіе описаны у Виноградова полнѣе и обстоятельнѣе). 1884.

Th. Mommsen, Die Bewirthschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I. Zeitschrift für Sozial- und Wirthschaftsgeschichte, т. I. Есть и отдѣльные оттиски.

Источники довольно разбросаны; они (включая и новѣйшіе) использованы и названы у Ковалевскаго. Точныя ихъ названія съ библіограф. полнотою можно всегда установить по Potthast'у: Wegweiser durch die Quellen zur Geschichte des Mittelalters. Главные сборники:

1. Fantuzzi, Monumenti Ravennati (I и II т. т.).
2. Brunetti, Codice diplomatico toscano.
3. Marini, Papiri diplomatici.
4. Regesta Neapolitana.
5. Il Regesto Sublacense, pubblicato da L. Allodie e G. Levi.
6. (Главный относит. лангобардовъ) Troya, Codex diplomaticus Langobardiae, 4 тома.

7. Уже указанное (въ прим. къ 1-й главѣ) изданіе Павла Діакона. Цитаты съ исчерпывающей полнотою сдѣланы изъ его сочиненія профессоромъ Виноградовымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эволюція папства отъ V до XI столѣтія.

I.

Папство есть учрежденіе, до такой степени тѣсно связанное со всею итальянскою жизнью и исторіей, что нѣтъ никакой возможности установить опредѣленную точку зрѣнія на средневѣковыя судьбы Италіи, не вспомнивши, чѣмъ сталъ, какую эволюцію пережилъ престолъ св. Петра отъ времени разрушенія имперіи до Григорія-Гильдебранда, т. е. отъ эпохи почти совершеннаго политическаго ничтожества до тѣхъ дней, когда римскій епископъ заявилъ притязанія на всемірное верховенство. „Петръ еси и на камнѣ семъ созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю“, такова единственная фраза Евангелія, на которой римскіе епископы, считавшіе себя преемниками апостола Петра, основали претензію церковной суприматіи. Подъ вліяніемъ ли пребыванія въ „столицѣ міра“, или вслѣдствіе какихъ нибудь иныхъ, болѣе случайныхъ причинъ, — но римскіе епископы, можно сказать, начинаютъ свою исторію притязаніями на верховенство и руководительство всею церковью. Во II-мъ и III-мъ вѣкахъ—папства въ его позднѣйшемъ значеніи слова нѣтъ и въ поминѣ еще, но уже духъ властолюбія римскихъ епископовъ на лицо. „Я владѣю каѳедрой по наслѣдству, не смѣйте вводить ничего новаго, что не завѣщано вамъ“, —говорилъ римскій епископъ Стефанъ азійской и африканской церквамъ въ срединѣ III столѣтія, разошедшись съ ними по частному вопросу. Правда, эти притязанія Стефана встрѣтили довольно рѣзкую оппозицію со стороны св. Кипріана и многихъ дѣятелей восточной церкви, но насталъ IV вѣкъ, началась аріанская агитація на

востокѣ,—и цѣлый рядъ соборовъ упрочилъ за римскими епископами ихъ первенствующее положеніе въ западной церкви. А западная церковь среди смутъ, раздиравшихъ восточную, казалась, дѣйствительно, очагомъ правовѣрія, и стоять во главѣ ея — значило въ IV вѣкѣ стоять во главѣ арміи истинной вѣры въ борьбѣ противъ опасной ереси. Очевидно, что и теорія церковной супрематіи Рима сдѣлала кое-какіе успѣхи въ IV столѣтіи, ибо въ самомъ началѣ V вѣка, когда епископъ Антіохіи заявилъ съ своей стороны притязаніе на первенство на томъ основаніи, что въ Антіохіи была основана впервые церковь, — папа Иннокентій писалъ ему: „Мѣсто церквей зависитъ не отъ городовъ, а отъ апостольскаго преемства. Князь апостоловъ основался въ Римѣ, а въ Антіохіи онъ побывалъ лишь проѣздомъ“. На Эфесскомъ соборѣ папскіе легаты уже заявляютъ: „никто не сомнѣвается, напротивъ, всѣ вѣка знаютъ, что князь апостоловъ получилъ отъ Господа нашего Іисуса Христа ключи царства Божія, что ему дарована власть вязать и рѣшить. И онъ вѣчно живетъ въ лицѣ своихъ преемниковъ и посредствомъ нихъ произноситъ свои приговоры“. Въ томъ же пятомъ вѣкѣ папа Левъ Великій много разъ по различнымъ поводамъ повторяетъ все ту же мысль о верховенствѣ своемъ надъ всею христіанскою церковью. Рядъ варварскихъ вторженій, приведшихъ къ образованію новыхъ государствъ на развалинахъ имперіи, составилъ эпоху въ исторіи папства: кромѣ франковъ, всѣ варвары были аріанами, послѣ паденія имперіи католицизмъ остался единственною моральной связью, соединившей покоренныхъ романцевъ въ одно цѣлое. Папа сдѣлался уже не только для церкви, но и для міранъ знаменемъ, вокругъ котораго должно было стѣсниться все не варварское и не еретическое. Въ эпоху владычества Одоакра и затѣмъ Теодориха папы являются на Апеннинскомъ полуостровѣ главными корреспондентами византійскихъ императоровъ. Съ византійской свѣтской властью они въ этотъ періодъ еще не ссорятся, можетъ быть, въ виду того, что отсутствуетъ главное яблоко раздора: власть надъ Римомъ, самостоятельность политики въ Италіи одинаково были немыслимы при герулахъ и остготахъ, ни для папы, ни для византійскаго императора. Впрочемъ, бывали

моменты и униженія папъ предъ Византіей: весь романскій міръ былъ слишкомъ раздавленъ варварами, слишкомъ немощенъ, чтобы имѣть возможность поддержать силою своею духовнаго главу. Но съ нашествіемъ лангобардовъ (568 г.) картина рѣзко измѣняется. Византіи нанесенъ былъ этимъ нашествіемъ страшный ударъ; Римъ остался одинокимъ островкомъ среди плотно обложившихъ его владѣній варваровъ. Отдѣленный отъ равеннскаго экзархата лангобардами, отъ Константинополя морями, кишѣвшими пиратами, Римъ только по имени оставался византійскимъ, на самомъ же дѣлѣ папы стали фактическими распорядителями его политики.

Мы говорили уже въ первой главѣ настоящей работы о крупной политической роли, которую сыгралъ папа Григорій Великій въ первыя времена лангобардскаго владычества. Трудно въ достаточной мѣрѣ оцѣнить все значеніе его личности въ исторіи папства. Благодаря его искуснѣйшей политикѣ, благодаря его одновременнымъ сношеніямъ и съ императоромъ, и съ экзархомъ, и съ лангобардскими королями римскому епископу удалось спасти свой городъ. Когда экзархъ не желалъ заключить мира съ Агилульфомъ, Григорій потребовалъ все-таки и добился заключенія мира, безъ котораго Римъ былъ бы затопленъ лангобардскими войсками. Всѣ романцы Италіи видѣли въ папѣ своего защитника, государя и спасителя и съ большимъ трудомъ могли мириться съ мыслью, что ихъ епископъ долженъ повиноваться, хотя бы даже въ теоріи, какимъ то далекимъ грекамъ, которые въ свое кратковременное владычество, втеченіи тринадцати лѣтъ, истекшихъ отъ паденія остготовъ до прихода Альбоина, умѣли только ихъ грабить, безпощадно выжимая налоги, а отъ лангобардовъ защитить не умѣли. Вообще, этотъ тринадцатилѣтній перерывъ нанесъ сильнѣйшій ударъ тѣмъ симпатіямъ, которыми въ глазахъ римской знати пользовались (при остготахъ) византійскіе императоры. Вблизи и облеченные дѣйствительной властью византійцы явились уже въ свѣтѣ алчныхъ и вороватыхъ чиновниковъ безжалостнаго константинопольскаго фиска, но вовсе не въ качествѣ представителей римской традиціи. Изумительная (и даже прямо загадочная) трусость византійскаго прави-

тельства при лангобардскомъ погромѣ окончательно лишила его послѣднихъ остатковъ расположенія у итальянцевъ.

Византійскіе императоры уже при Григоріи Великомъ не имѣли въ Италіи никакой фактической власти и никакого моральнаго авторитета. Въ VII вѣкѣ дѣло нѣсколько разъ доходило до того, что въ Равеннѣ происходили весьма бурныя столкновенія между итальянцами и свитою экзарховъ. Въ 615 году, во время такого бунта, былъ убитъ экзархъ Іоаннъ. Папы, повидимому, весьма отчетливо сознаютъ въ это время, что власть ихъ усиливается обратно пропорціонально паденію императорскаго авторитета. Это сказывается на знаменитомъ Латеранскомъ соборѣ въ 649 году. Латеранскій соборъ, состоявшій изъ ста пяти епископовъ и ведшій свои засѣданія въ присутствіи равеннскаго экзарха, былъ созванъ папою Мартиномъ. Поводомъ къ созыву была ересь монофелитовъ, сильно распространившаяся тогда въ Византіи и на Востокѣ. Собственно, монофелитская ересь, державшая въ напряженномъ состояніи болѣе пятидесяти лѣтъ весь церковный міръ Апенинискаго и Балканскаго полуострововъ, Малой Азіи и Африки возникла по слѣдующему поводу. Возвратившись изъ персидскаго похода, императоръ Гераклій созвалъ епископовъ и предложилъ имъ такой вопросъ: одна ли воля или двѣ управляли дѣйствіями Іисуса Христа? т. е. только ли божественная, или человѣческая и божественная? Епископы отвѣтили, что, по ихъ мнѣнію, одна воля,— и Гераклій издалъ эдиктъ, въ которомъ противники этого мнѣнія, или, какъ его стали называть, монофелитизма, были объявлены еретиками. Началось броженіе въ весьма нешуточныхъ размѣрахъ, но при Геракліи до гоненій дѣло еще не дошло, преемникъ же его Констанцій объявилъ, что за несогласіе съ монофелитизмомъ монаховъ онъ будетъ отсылать въ дальніе монастыри, а мірянъ лишать имущества и сѣчь розгами. Гоненіе подняло на Востокѣ цѣлую бурю, гонимые приверженцы правовѣрія аппелировали къ папѣ; при всѣхъ своихъ деспотическихъ замашкахъ Констанцій не имѣлъ физической возможности привести римскаго епископа къ покорности. Для окончательнаго осужденія ереси, заразившей константинопольское правительство, Мартинъ и созвалъ Латеранскій соборъ. На этомъ соборѣ

были осуждены эдикты Гераклія и Констанція, и, какъ императоръ, такъ и патріархъ константинопольскій Павелъ были отлучены отъ церкви. Но дѣйствія папы оказались слишкомъ ужь рѣшительными; благодаря счастливому для себя временному стеченію обстоятельствъ, императорскій намѣстникъ, экзархъ Калліопа могъ явиться въ Римъ съ наемною ватагою южно-италійскихъ арабовъ и византійцевъ, чтобы наказать папу. Мартина отвезли послѣ многихъ оскорбленій въ Константинополь, тамъ устроили надъ нимъ комедію суда и отправили въ Херсонесъ Таврическій, гдѣ несчастный старикъ и умеръ. Римское населеніе ничего не могло подѣлать на этотъ разъ противъ насилія, такъ какъ это былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда императоръ имѣлъ за собою поддержку лангобардовъ. Но что наиболѣе характерною чертою всего этого эпизода является не конечное пораженіе папы, а его смѣлость въ латеранскихъ рѣшеніяхъ,—явствуетъ изъ дальнѣйшаго: Констанцій лично побывалъ въ Римѣ, преслѣдованія правовѣрія продолжались въ Византіи, дѣлались попытки перенести ихъ въ Римъ,—и всетаки, въ концѣ концовъ, папы не переставали громить монофелитизмъ и добились того, что къ концу этого же VII-го вѣка, въ 680 году, самъ императоръ Константинъ Погонатъ, родной сынъ фанатика-монофелита Констанція, собралъ соборъ въ Константинополѣ, и этотъ соборъ проклялъ всѣхъ монофелитовъ и всю ересь. Торжество папства было полное, и усиливалось еще тѣмъ, что Погонатъ вскорѣ издалъ милостивый эдиктъ, которымъ объявлялъ ненужнымъ императорское утвержденіе для вновь избранныхъ епископовъ въ Италіи. Не слѣдуетъ думать, что эти мирныя отношенія между римскимъ престоломъ и византійскими императорами, наступившія въ самомъ концѣ VII столѣтія, могли сколько нибудь замѣтно повліять на общій тонъ политики Рима и Византіи хотя бы въ теченіе 2—3 десятилѣтій: коренныя причины обоюднаго антагонизма были такъ глубоки и существенно важны, что достаточно было только повода для обнаруженія этой скрытой и сильной вражды.

II.

Въ 715 году на римскій-первосвященническій престолъ вступилъ энергичный и образованный Григорій II, а черезъ два года, въ 717 г., византійскимъ императоромъ сдѣлался Левъ III Исавранинъ. Эти два человѣка и вынесли на своихъ плечахъ первую и самую яростную иконоборческую борьбу.

Иконоборчество играетъ крупную и весьма яркую самостоятельную роль въ исторіи христіанской церкви, но здѣсь оно насъ интересуетъ лишь постольку, поскольку это движеніе способствовало окончательному и безповоротному разрыву папскаго Рима и императорскаго Константинополя. Тѣмъ не менѣе необходимо сказать нѣсколько словъ о первыхъ зачаткахъ иконоборческаго движенія.

Пока между христіанствомъ и язычествомъ втеченіе первыхъ трехъ столѣтій нашей эры шла борьба, до тѣхъ поръ изображенія святыхъ не пользовались расположеніемъ въ руководящихъ сферахъ церкви, старательно избѣгавшихъ всего, что могло хоть отдаленно, хоть чисто внѣшнимъ образомъ, походить на обрядовую сторону язычества. Но въ четвертомъ вѣкѣ, когда уже язычества можно было не опасаться, въ церкви сильно распространились иконы, горѣніе восковыхъ свѣчей (бывшее ранѣе въ языческихъ храмахъ), колѣнопреклоненіе предъ образами. Одно изъ нежеланныхъ церковью, но весьма важныхъ послѣдствій усиленія конкретной стороны богослуженія выразилось въ томъ, что примитивные умы нововбращенныхъ поклонялись образамъ не символистически, но видя въ нихъ реальныя и одаренныя сверхъестественною силою существа. Вѣра въ то, что образа источаютъ слезы или кровь, была не только распространена, но повсемѣстна, причемъ такія иконы не локализовались въ опредѣленномъ мѣстѣ, не считались чѣмъ-либо слишкомъ уже необычайнымъ. Въ V столѣтіи иконы уже считаются необходимостью въ каждомъ храмѣ, въ VI столѣтіи иконопочитаніе уже прочно укореняется въ христіанской церкви; особенно тогда распространяются изображенія Божіей Матери и Младенца Іисуса.

Иконопочитаніе царило одинаково, какъ на христіанскомъ Западѣ, такъ и на Востокѣ,—но въ Византіи, странѣ рѣзкихъ религіозныхъ броженій, ересей и несогласій, въ концѣ VII и въ началѣ VIII вѣка начинается оппозиція почитанію образовъ.

Преданіе говоритъ, что калифъ арабскій Іезидъ и два какихъ-то еврея первые начали укорять византійцевъ въ идолопоклонствѣ, въ забвеніи заповѣди о несотвореніи кумира и пр. Повидимому, дѣйствительно, подъ вліяніемъ частыхъ столкновеній съ мусульманами втеченіе всего VII вѣка зародилось это броженіе, или, по крайней мѣрѣ, знакомство съ нимъ, и многократныя враждебныя и мирныя сношенія съ адептами магометанства содѣйствовали началу иконоборства. Церкви Сиріи, Палестины и Египта были наполнены иконами, когда арабы завоевали эти страны. По традиціи, шедшей отъ первыхъ временъ Корана, мусульманскіе завоеватели относились къ христіанству гораздо болѣе уважительно, нежели къ идолопоклонству, но, встрѣтивши широко распространенный въ византійскихъ провинціяхъ культъ иконъ, они не преминули обнаружить презрительное и насмѣшливое отношеніе къ нему, именно какъ къ признаку (по ихъ мнѣнію) совращенія христіанъ въ язычество. Когда въ началѣ VIII столѣтія броженіе стало болѣе или менѣе замѣтно, монахи стали во главѣ обратнаго движенія, имѣвшаго цѣлью уничтожить начинающееся иконоборчество. Задача монашества оказывалась тѣмъ затруднительнѣе, что не существовало опредѣленнаго постановленія, вводившаго въ христіанской церкви иконопочитаніе; не было также въ Евангеліи и твореніяхъ Апостоловъ явныхъ указаній на необходимость культа образовъ. Этими доводами и пользовались первые еретики—иконоборцы. Въ моментъ вступленія на византійскій престолъ Льва III, дикаго, некультурнаго горца Исавріи, положеніе дѣлъ было такое, что вѣсы побѣды не склонялись ни на сторону правовѣрныхъ иконодуловъ, ни на сторону еретиковъ—иконокластовъ. Рѣшающимъ обстоятельствомъ (по крайней мѣрѣ, для ближайшихъ поколѣній) могло явиться лишь правительственное вмѣшательство. Почему Левъ III сталъ на сторону иконоборцевъ, неизвѣстно; первыя десять лѣтъ своего правленія (717—727 г.г.) онъ явно примыкалъ къ иконопочитателямъ. Потомъ, въ 727 г.

началась его иконоборческая политика. Сначала онъ велѣлъ только помѣстить священныя изображенія какъ можно выше на стѣнахъ церквей, но вскорѣ, разъяренный открытою оппозиціей иконопочитателей, онъ издалъ болѣе суровый приказъ—уничтожить повсемѣстно всѣ иконы. Мало того: онъ собралъ соборъ изъ 338 епископовъ, который былъ названъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ и который объявилъ иконопочитаніе богохульствомъ и ересью. Въ сущности, тутъ, какъ и всегда почти въ византійской исторіи, императорской власти не трудно было набрать услужливыхъ рабовъ и клевретовъ изъ среды высшаго духовенства, которые подтвердили-бы рѣшительно все, что императору угодно было бы приказать. Волненіе въ народѣ уже было и до собора такъ бурно, что даже не особенно усилилось, когда соборныя постановленія были обнародованы: насильственное изъятіе и оскорбленіе образовъ довели броженіе до крайней степени напряженности. Византійскіе подданные раздѣлились на два лагеря, и только это дало возможность шести послѣдовательно царствовавшимъ иконоборческимъ императорамъ сохранить свою корону.

Въ этой бурѣ втеченіе цѣлаго вѣка правительство было на сторонѣ еретиковъ; оно считало Римъ, Равенну и еще нѣкоторыя мѣста, не захваченныя лангобардами, своею собственностью—и уже устами перваго иконоборца Льва III заявило требованіе объ уничтоженіи образовъ въ Италіи. Два эдикта императора вызвали оживленную и ожесточенную корреспонденцію между нимъ и Григоріемъ II; какъ и слѣдовало ожидать, переписка не привела къ полюбовному рѣшенію вопроса и вызвала только рѣшимость Льва III силою удержать итальянскихъ подданныхъ въ повиновеніи. Тогда Григорій II, какъ разсказываетъ хронографъ (Өеофанъ), приказалъ всѣмъ вѣрующимъ перестать уплачивать подати императорскимъ чиновникамъ. Мѣра была чисто революціонная и не замедлила вызвать попытки репрессіи со стороны константинопольскаго правительства; ничего невѣроятнаго нѣтъ въ слухахъ, что Левъ хотѣлъ избавиться отъ папы путемъ тайнаго убійства,—когда же это оказалось неудобоисполнимымъ, то онъ велѣлъ экзарху равеннскому, своему намѣстнику, двинуться на Римъ. Тутъ произошло такое

политическое осложненіе, котораго никто не ожидалъ: лангобарды загородили своими войсками дорогу экзарху, двигавшемуся на папу. Положимъ, лангобарды въ это время уже не были еретиками: еще въ концѣ VII вѣка католицизмъ одержалъ въ ихъ государствѣ надъ аріанствомъ полную побѣду. Но и одной ревности въ защитѣ иконопочитанія, конечно, нельзя приписать этого вооруженнаго и непрошеннаго самимъ папою вмѣшательства въ его пользу. Вѣрнѣе всего, Ліутпрандъ, король лангобардскій, умный, дѣятельный и проницательный варваръ, ни за что не желалъ, чтобы византійцы укрѣпили свою фактическую власть надъ Римомъ. Экзархъ, наткнувшись на неодолимое и совершенно неожиданное препятствіе, вернулся ни съ чѣмъ въ Равенну. Чѣмъ больше росли препятствія вокругъ императора, тѣмъ больше онъ ожесточался. Не имѣя возможности наказать папу и Италію, онъ съ удвоенною яростью набросился на доступныхъ его власти иконопочитателей; въ Константинополѣ, Мореѣ и другихъ провинціяхъ начались пытки, казни и конфискаціи. Тогда и Григорій обратился съ грознымъ порицаніемъ Льва III уже къ итальянскому народу,—и антипатія къ Византіи вспыхнула въ итальянскомъ населеніи съ новою силою. Итальянскіе города (вродѣ, напримѣръ, Равенны и др.) давно уже, еще въ VII вѣкѣ, привыкли нести и полицейскую, и отчасти военную службу, выдѣляя изъ среды своихъ гражданъ *милицію*, такъ что могли выставить въ рѣшительный моментъ противъ византійскихъ правителей организованную силу. Экзархъ обладалъ маленькимъ отрядомъ, а провинціальные византійскіе *дуки* часто совсѣмъ не имѣли даже личной охраны въ достаточномъ количествѣ. Немудрено при такихъ условіяхъ понять, чѣмъ должно было окончиться возстаніе итальянцевъ противъ византійскихъ правителей: начавшись съ религіознаго протеста, оно окончилось весьма быстро низверженіемъ дуковъ, убійствомъ экзарха Павла, истребленіемъ всѣхъ слѣдовъ византійскаго владычества. Имперія ничего не могла подѣлать съ Италіей, такъ какъ сама боялась за собственную цѣлость въ этой религіозной распрѣ. Нужно замѣтить, что врядъ-ли даже папа Григорій II желалъ такихъ радикальныхъ результатовъ. Все таки этотъ замѣчательный политикъ даже въ пылу борьбы съ ересью не

терялъ изъ виду, что лангобардскій король только потому не бросается на Римъ, что боится остающейся въ тылу укрѣпленной византійской Равенны. Равенна и другіе принадлежавшіе Византіи города попали во власть своего же населенія, но, конечно, боевая готовность ихъ не могла уравновѣсить въ глазахъ лангобардовъ того несомнѣннаго факта, что теперь уже за этими городами не стоятъ силы огромной восточной имперіи; у Ліутпранда руки оказались развязаны послѣ завершенія въ императорскихъ частяхъ Италіи анти-византійской революціи. Онъ могъ смѣло сбросить маску ратоборца и защитника правовѣрія противъ ереси; теперь всякое дальнѣйшее притворство было безполезно и только задерживало его дѣйствія. Онъ вошелъ въ Парму, занялъ затѣмъ Болонью и другіе второстепенные пункты экзархата, а также и Равенну. Тогда испуганный католикомъ Ліутпрандомъ папа обратился къ еретику-императору съ увѣщаніемъ оставить свои заблужденія, но успѣха это обращеніе не имѣло ни малѣйшаго; а пока Ліутпрандъ уже шелъ къ Риму, не переставая по дорогѣ увѣрять всѣхъ въ своей полной преданности римскому первосвященнику. Положеніе сдѣлалось еще болѣе запутаннымъ, когда оказалось, что по другой дорогѣ двигается къ Риму новый экзархъ, лишенный столицы своей, но имѣющій войско,— и ужъ съ открыто враждебными планами противъ папы: тогда Григорію пришлось просить уже помощи у того самаго лангобардскаго короля, котораго ему такъ сильно не хотѣлось видѣть въ Римѣ. Экзархъ явился въ Римъ уже послѣ Ліутпранда,—и ему оставалось лишь заключить съ союзниками миръ, ничего Византіи не вернувшій изъ потерянныхъ областей. Въ 731 году Григорій II скончался, и на его мѣсто народъ римскій избралъ Григорія III, продолжавшаго дѣятельную борьбу за иконопочитаніе.

Эта борьба католической Италіи съ иконоборческою Византіей подломила послѣднюю связь, соединявшую ихъ. Мы вправѣ со второй четверти VIII вѣка, вѣрнѣе, съ самаго начала четвертаго десятилѣтія его признавать активными политическими силами въ исторіи Италіи лишь римскій престолъ и лангобардское королевство. Что эти двѣ силы, не взирая на единовѣріе и на временные союзы, въ концѣ концовъ неминуемо столкнутся, было совершенно ясно; это

столкновеніе было тѣмъ неизбѣжнѣе, что, какъ это ни странно, римскій престолъ въ одно и то же время и нападалъ, и защищался. Повидимому, основное политическое воззрѣніе папства въ VIII столѣтіи заключалось въ томъ, что лангобардовъ нужно не отодвинуть отъ Рима, а уничтожить совсѣмъ: даже въ тѣ моменты, когда лангобардское наступленіе замираетъ, папы всѣми силами стараются повредить отдыхающему врагу. Впрочемъ, ни эта двойная политика обороны и наступленія, ни, вообще, какая бы то ни было борьба съ лангобардами не поддается объясненію, пока изучающій исторію этого вѣка не перенесетъ своего вниманія на сѣверныхъ заальпійскихъ „варваровъ". Говоря объ оставшихся послѣ византійцевъ двухъ борющихся силахъ въ Италіи, мы имѣли въ виду географическую точность; на самомъ дѣлѣ существовала еще третья сила, которая уже на протяженіи двухъ столѣтій, еще до этого рѣшительнаго перелома, невидимкою оказывала свое вліяніе на итальянскія дѣла: она не показывалась пока на итальянской почвѣ, но одно упоминаніе о ней имѣло значеніе при дипломатическихъ переговорахъ между папами, императорами и лангобардскими королями.

III.

Еще Теодорихъ остготскій при всемъ своемъ могуществѣ долженъ былъ считаться съ интригами, затѣвавшимися противъ него при дворѣ франкскаго короля византійскими уполномоченными; лангобардскіе властители и въ VI, и въ VII в.в. многократно были останавливаемы въ своихъ планахъ тревожными слухами о близости, возникшей между франками и ихъ врагами: и папы, и императоры византійскіе знали это, и страхъ итальянскихъ варваровъ предъ варварами заальпійскими являлся тою ахиллесовою пятою, которою пользовались одинаково и Римъ, и Византія въ сношеніяхъ и переговорахъ съ лангобардскими королями. Этотъ страхъ имѣлъ чисто стратегическія основанія: Римъ лежалъ къ югу, Византія (т. е. ея форпостъ, Равеннскій экзархатъ) къ востоку отъ лангобардскихъ владѣній, и франки могли съ сѣвера

нагрянуть на лангобардское королевство какъ разъ тогда, когда войска его будутъ на восточныхъ или на южныхъ окраинахъ. Съ тылу лангобарды всегда были открыты нападеніямъ сильнаго и большого народа. Теперь, когда Ліутпрандъ предпринялъ покореніе отдѣлившихся-было отъ центральной власти южныхъ лангобардскихъ герцогствъ и угрожалъ Риму, Григорій III прямо обратился къ правителю франковъ маіордому Карлу Мартелу. Наивнѣйшимъ обманомъ, сообщеніемъ выдуманнаго хвастовства Ліутпранда—папа желаетъ побудить Карла Мартела выступить въ походъ. „Ну, пусть придетъ Карлъ, котораго вы зовете и попытается прикрыть васъ своими войсками, если можетъ; не вырвутся они (франки) изъ нашихъ рукъ", якобы похвалялся Ліутпрандъ. Тутъ же папа убѣждаетъ Карла напередъ не вѣрить ни единому слову Ліутпранда: онъ лживъ, отъ одного только папы можно узнать всю правду. Письмо это осталось безъ отвѣта. Мартелъ былъ слишкомъ поглощенъ въ это время (739 г.) борьбою съ арабами, ворвавшимися въ южныя части его владѣній, чтобы имѣть возможность и охоту затѣвать трудную войну безъ осязательныхъ выгодъ; онъ отвѣтилъ молчаніемъ. Тогда папа вторично написалъ ему,—и опять безъ всякихъ послѣдствій. Въ 741 году Григорій III умеръ, уступая престолъ Захарію. Въ первой главѣ мы уже имѣли случай охарактеризовать дальнѣйшую политику папства. Сначала Захарій съ большими трудностями заключилъ союзъ съ Ліутпрандомъ, потомъ, конечно, союзъ между римскимъ престоломъ и лангобардскимъ королевствомъ рухнулъ, и уже преемникъ Захарія (точнѣе, Стефана II, умершаго тотчасъ по избраніи) Стефанъ III повторяетъ попытку Григорія III и обращается за помощью противъ лангобардовъ къ Пипину Короткому, маіордому франковъ и наслѣднику Карла Мартела. Послѣ цѣлаго ряда трудностей, чрезъ враждебныя лангобардскія владѣнія онъ пробрался къ Пипину и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ. Мы уже разсказали въ первой главѣ подробности похода Пипина въ Италію и его непосредственныя слѣдствія. Теперь нужно замѣтить, какое значеніе имѣло франкское вмѣшательство для эволюціи папской идеи. Насъ здѣсь не занимаетъ цѣна, которую папа заплатилъ Пипину за его услугу (т. е. санкція захвату ко-

ролевской власти у законнаго Меровинга); цѣна эта для папы была слишкомъ невѣсома и ничтожна, при всей своей важности для Пипина. Но то, что папство пріобрѣло въ этомъ достопамятномъ 752 году, имѣло колоссальную важность для всей дальнѣйшей исторіи Италіи: папа получилъ въ подарокъ отъ Пипина отвоеванныя у лангобардовъ мѣстности, которыя и образовали знаменитое *наслѣдіе св. Петра*, церковную область, точку опоры и источникъ чисто свѣтскаго могущества римскихъ первосвященниковъ. Если папы и папство сыграли крупнѣйшую роль въ исторіи Европы, если ихъ вліяніе и реакція противъ этого вліянія наполняютъ и составляютъ содержаніе цѣлыхъ столѣтій культурной исторіи Европы, то никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что матеріальная независимость, экономическая самостоятельность римскаго престола, были той существенно важною почвою, которая дала такіе пышные плоды, а эти независимость и самостоятельность были дарованы папѣ вмѣстѣ съ церковною областью, съ римскою Кампаніею. Конечно, еще много нужно было бороться, чтобы упрочить за собою обладаніе этой землею, много перипетій пережила эта церковная область, немало постоянныхъ и дѣятельныхъ усилій потребовала она отъ папской дипломатіи за тысячу сто лѣтъ, протекшихъ между понтификатами Стефана III и Пія IX, перваго и послѣдняго обладателей свѣтской власти надъ римскою территоріей, но даже и это обстоятельство усиливало и напрягало до послѣдней степени всю энергію римскихъ первосвященниковъ. Восточные патріархи, слуги свѣтскихъ государей, были постояннымъ предостереженіемъ и поученіемъ для римскихъ папъ; лишиться церковной области для нихъ понемногу стало означать — лишиться „оправы брилліанта", достойной рамы для величественной картины; другими словами — для того, чтобы заявлять претензіи на всемірный *духовный* авторитетъ, нужно было въ мірскомъ отношеніи являться хоть, по крайней мѣрѣ, не подданнымъ и не попрошайкой, а себѣ господиномъ. Папы и ихъ приверженцы подчеркивали, что они не могущества ищутъ въ церковной области: намѣстники св. Петра, призванные вязать и рѣшить, достаточно могущественны и безъ клочка Апенинскаго полуострова. Они любовно шутятъ даже

надъ маленькими размѣрами своего владѣнія, называютъ его корабликомъ, naviculum sancti Petri: корабликъ этотъ принесъ имъ неисчислимыя выгоды въ томъ бурномъ плаваніи, которое суждено было выдержать папству.

Карлъ Великій въ 774 году (также по призыву папы) разрушилъ лангобардское королевство. Адріанъ и римскій народъ встрѣтили его, какъ спасителя и государя; онъ подтвердилъ за папою владѣніе Кампаніею и экзархатомъ, подаренными еще его отцомъ, Пипиномъ. Теперь уже наступала, повидимому, болѣе спокойная пора для римскаго престола. Лангобарды были уничтожены Карломъ, византійцы потеряли всякую надежду когда-либо пріобрѣсти силу въ Италіи; самъ-же франкскій король относился къ папѣ дружелюбно и почтительно. При такихъ обстоятельствахъ Адріанъ смѣнился на престолѣ св. Петра Львомъ III въ 796 году: черезъ два года на улицахъ Рима возникла уличная свалка, перешедшая въ бунтъ части римскихъ гражданъ противъ папы. (Вообще нужно сказать, что разныя римскія — чисто личныя — партіи всегда поднимали голову именно въ эпоху внѣшняго спокойствія; когда грозилъ внѣшній врагъ, всѣ онѣ соединялись на время вокругъ папы). Чего хотѣла эта враждебная папѣ партія, зачѣмъ ей нуженъ былъ другой папа, мы не знаемъ: въ дѣйствіяхъ чисто личныхъ партій это трудно и знать, особенно при полной скудости источниковъ. Такъ или иначе, но Левъ III принужденъ былъ послѣ цѣлаго ряда пертурбацій просить короля франкскаго явиться къ нему на помощь; Карлъ, едва окончивши войну съ саксами, позднею осенью 799 года явился въ Италіи.

Здѣсь Левъ III рѣшилъ вѣнчать его императорскою короною. Посвятивши особое мѣсто исторіи развитія идеи Священной римской имперіи, мы можемъ тутъ ограничиться самыми общими замѣчаніями. Воспоминаніе о римской имперіи, о единствѣ міра и т. д. далеко не были забыты черезъ триста лѣтъ послѣ Ромула Августула. Римскими императорами продолжали считаться и называться византійскіе властители, и этотъ титулъ казался слишкомъ высокимъ даже для могущественнаго варвара — вродѣ Одоакра или Теодориха. Теперь разрывъ Рима съ Византіей былъ до такой степени полонъ,

что въ глазахъ папы императора римскаго уже давно не существовало, по крайней мѣрѣ, со времени начала иконоборства. По своему могуществу, по благосклонному отношенію къ римской культурѣ (которой онъ былъ лично вполнѣ чуждъ), по своей признанной роли защитника и покровителя церкви — франкскій король являлся единственнымъ и полноправнымъ кандидатомъ на полученіе этого высокаго сана. Совершенно правильно замѣчаніе историка Священной римской имперіи, что магометанскій міръ, объединенный пророкомъ и наносящій и съ запада, и съ востока страшные удары Европѣ, являлся для міра христіанскаго въ тѣ времена примѣромъ, наглядностью своею вызывавшимъ на подражаніе. Нужно было объединеніе; западное христіанство признало своимъ духовнымъ главою апостольскаго намѣстника, но этотъ послѣдній еще не претендовалъ за соединеніе двухъ мечей въ своихъ рукахъ, — онъ первый желалъ созданія другого центра, — объединенія своей паствы подъ главенствомъ сильнаго государя, который заявилъ себя вѣрнымъ слугою церкви. Какъ разъ въ это время Византіею правила узурпаторка Ирина, низложившая и ослѣпившая своего сына Константина VI. При такихъ обстоятельствахъ римскій престолъ могъ не опасаться ни въ матеріальномъ, ни въ моральномъ смыслѣ протеста Византіи противъ вѣнчанія Карла императорскою римскою короною, принадлежавшею якобы исключительно константинопольскимъ властителямъ.

Что касается до Карла, то и для него римская корона имѣла немаловажныя выгоды: франкскій король становился наслѣдникомъ цезарей, и тѣмъ самымъ укрѣплялись и расширялись его права на уже завоеванныя имъ и еще не завоеванныя части бывшей римской имперіи; титулъ этотъ еще слишкомъ много говорилъ уму и сердцу современныхъ ему поколѣній, чтобы приходилось отъ него отказываться. Въ концѣ 800 года онъ явился въ Римъ, быстро разобралъ ссоры и несогласія римскихъ партій (папской и антипапской), причемъ всецѣло принялъ сторону папы, — и въ первый день 801 года (или, по нашему счету, 25 Декабря 800 г.), — во время торжественной службы, по окончаніи чтенія Евангелія Карлъ, одѣтый въ древне-римскія сандаліи и патриціанскую тогу, сталъ

на колѣни среди церкви св. Петра, а Левъ III, подойдя къ нему, надѣлъ на него діадему и всѣ присутствующіе воскликнули: „Карлу Августу, Богомъ вѣнчанному, великому и мирному императору, жизнь и побѣда!"—Такъ какъ насъ интересуетъ здѣсь это событіе исключительно съ той точки зрѣнія, что новаго оно внесло въ эволюцію идеи папства, то, оставивъ пока въ сторонѣ созданную „Священную римскую имперію", мы обратимся къ нашей непосредственной задачѣ. Нужно замѣтить, что коронація Карла сыграла свою роль не столько при его жизни и при жизни его ближайшихъ преемниковъ, сколько черезъ нѣсколько столѣтій, въ эпоху борьбы папъ съ императорами. Приверженцы папъ говорили, что Левъ III даровалъ корону Карлу за его заслуги передъ папствомъ и христіанскою церковью, даровалъ по принадлежащему ему праву раздавать короны земнымъ владыкамъ; что имперія, въ лицѣ Карла, признала это право за папою, преклонившись предъ римскимъ первосвященникомъ; наконецъ, что право давать короны, естественно, предполагаетъ и право дающаго отнимать ихъ у провинившихся. Напротивъ, императорская партія видѣла въ участіи папы въ короновании лишь довольно неважную случайность. Карлъ Великій, говорили они, не потому короновался, что Льву III этого захотѣлось, но по той причинѣ, что христіанскій міръ долженъ имѣть одного свѣтскаго главу и защитника, что со временъ Ромула Августула такого защитника не было даже и номинально, а на самомъ дѣлѣ еще при Ѳеодосіи императоры уже не могли подать помощь своимъ подданнымъ, что Карлъ, принимая корону, дѣлалъ то, къ чему онъ былъ предназначенъ самимъ небомъ, т. е. возстановлялъ и воскрешалъ времена Константина Великаго. Но эта полемика возникла и развилась лишь двѣсти лѣтъ спустя.

Въ сущности, 800-й годъ былъ единственнымъ свѣтлымъ годомъ папства за весь періодъ отъ Карла В. до XI столѣтія. IX и X вѣка являются эпохою нескончаемыхъ римскихъ смутъ и междоусобій, паденія и приниженія папскаго авторитета. Даже и Карлъ В. никакого вниманія послѣ своей коронаціи на Римъ не обращалъ, и ниразу уже тамъ не удосужился побывать; при Людовикѣ Благочестивомъ папа (Григорій IV) съумѣлъ вмѣшаться въ

междоусобную борьбу императора со своими сыновьями, но большихъ выгодъ папскому авторитету это вмѣшательство не принесло. По Верденскому договору 843 года Италія была отдѣлена отъ Имперіи и отдана сыну Людовика Лотарю; при немъ Римъ нѣсколько отдохнулъ отъ безпокойныхъ набѣговъ сарацинъ, которые, завоевавши въ 831 году Сицилію, не переставали тревожить столицу папства, хотя, конечно, шайки арабовъ все-таки продолжали временами являться вблизи Рима. Преемникъ Лотаря I Лотарь II (вступившій на престолъ въ 855 году) первый изъ западныхъ властителей испыталъ на себѣ тѣ неукротимыя чувства властолюбія и самовозвеличенія римскаго папства, съ которыми пока боролись только византійскіе патріархи и императоры. Лотарь II разстался со своею женою Титбергою и, сойдясь съ своею любовницею Вальдрадою, требовалъ у римскаго престола благословенія этого новаго брака. Папа Николай I былъ человѣкомъ непреклоннаго нрава, изъ всѣхъ предшественниковъ Григорія VII наиболѣе походившимъ на него своимъ характеромъ. Онъ наотрѣзъ отказался благословить Лотаря и Вальдраду; Лотарь, жившій внѣ Италіи, прибѣгъ къ повторительнымъ просьбамъ, къ посылкѣ въ Римъ архіепископовъ кельнскаго и трирскаго, — но все было напрасно. Отношенія обострились такъ, что Николай I объявилъ не имѣющими никакого значенія всѣ результаты засѣданій синода франкскихъ епископовъ, съ которыми онъ не былъ согласенъ. Лотарь II, бывшій въ это время какъ-разъ въ Южной Италіи, двинулся на Римъ съ самыми враждебными намѣреніями противъ папы, Николай заперся въ Латеранскомъ дворцѣ; благодаря приближеннымъ императора начались переговоры, и Николай I, получивши торжественное охранное слово, принялъ императора въ базиликѣ св. Петра. Здѣсь опять, конечно, зашла рѣчь о Вальдрадѣ, и опять папа отказалъ на отрѣзъ въ своемъ благословеніи. Людовикъ ушелъ изъ Рима въ Равенну: папа остался побѣдителемъ. Этотъ эпизодъ глубоко знаменателенъ, онъ гораздо важнѣе съ исторической точки зрѣнія даже отношеній Николая I къ Византіи, потому что въ борьбѣ съ патріархомъ Фотіемъ (которой мы коснемся ниже) папа продолжалъ старую традицію, а въ дѣлѣ Вальдрады выступилъ на новый путь, на путь борьбы съ западною свѣтскою властью, право-

вѣрною защитницею папства отъ лангобардовъ и византійцевъ: двѣ силы впервые становились другъ противъ друга въ угрожающую позицію. „Врядъ ли можно назвать королемъ того, кто не обуздываетъ алчности своего тѣла, но подчиняется внушеніямъ плотской похоти и удовлетворяетъ своимъ постыднымъ страстямъ“, писалъ Николай I въ своемъ посланіи къ епископамъ. Отлучая отъ церкви любовницу короля Вальдраду, папа громилъ угодливыхъ слугъ короля изъ среды духовенства: „они боятся, чтобы не отняли у нихъ бенефицій, отказываются защищать справедливость, силятся покровительствовать прелюбодѣянію и по справедливому суду Божію, тѣмъ самымъ лишаются вѣчнаго блаженства“. Лотарь долженъ былъ опять сойтись съ Титбергою, и хотя ихъ отношенія далеко не были улажены въ моментъ смерти папы (въ 867 г.), но король Лотарь, умершій почти въ то же время, видѣлъ все свое безсиліе предъ римскимъ престоломъ: и низложеніе папою преданныхъ ему епископовъ, и невозможность привести къ покорности упрямаго первосвященника. Если приближенный Карла Великаго Алькуинъ называлъ папу (Льва III) „святѣйшимъ отцомъ, избраннымъ перстомъ Божіимъ, викаріемъ апостоловъ, княземъ церкви, стражемъ единственной непорочной голубицы“, то Николай I выдвигалъ уже претензію на званіе единственнаго безгрѣшнаго судіи царей, синодовъ, епископовъ,—всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Была въ процессѣ Титберги, Лотаря и Вальдрады одна сторона, которую необходимымъ оказалось въ самомъ скоромъ будущемъ выяснить, но которая выяснилась окончательно и вполнѣ реально лишь въ концѣ XI столѣтія: мы говоримъ о взаимныхъ отношеніяхъ папы и епископовъ, епископовъ и свѣтскихъ властителей. Кому епископы обязаны повиноваться – папѣ или королямъ тѣхъ странъ, гдѣ находятся ихъ епархіи? Въ IX вѣкѣ (не говоря уже о предшествовавшихъ столѣтіяхъ) епископы, какъ столичные, такъ и провинціальные всецѣло зависѣли отъ свѣтскихъ владыкъ, дававшихъ имъ на феодальныхъ правахъ земельныя помѣстья. Эта экономическая и соціальная зависимость епископовъ и приводила къ такимъ послѣдствіямъ, какъ рѣшительный разладъ между ними и папою въ дѣлѣ Вальдрады. Папство, владѣвшее церковною областью, избавленное отъ ежеднев-

наго трепета за свое существованіе, отъ лангобардскихъ и византійскихъ угрозъ, — словомъ, папство IX столѣтія было достаточно сильно, чтобы поставить на своемъ въ частномъ вопросѣ, но интересы будущаго требовали настойчиво полнаго уясненія, кому въ принципѣ должны повиноваться епископы. Отвѣтъ давало все поведеніе Николая I, отвѣтъ же былъ предложенъ и появившимися въ IX вѣкѣ (въ точности когда — неизвѣстно) такъ называемыя Лжеисидоровы декреталіи. Этотъ сборникъ безусловно подложныхъ документовъ, приписанныхъ клирику Исидору и другимъ лицамъ первыхъ вѣковъ папства, вышелъ, повидимому, изъ Испаніи или Южной Франціи, и съ большимъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ всѣми приверженцами римскаго престола. Впослѣдствіи посредствомъ логическихъ ухищреній самаго разнообразнаго достоинства полемисты папскаго лагеря пытались сдѣлать декреталіи арсеналомъ доказательствъ въ пользу верховенства папской власти надъ императорской, но на самомъ дѣлѣ декреталіи, составленныя въ IX вѣкѣ, когда главнымъ образомъ на виду стояла проблема о подчиненіи епископовъ, всецѣло касаются одного лишь, хотя и существенно важнаго обстоятельства: онѣ утверждаютъ необходимость полновластнаго господства римскаго первосвященника лишь надъ всею христіанскою церковью и ея служителями. По мнѣнію „декреталій“, епископы должны безусловно подчиниться папѣ и не признавать надъ собою никакого иного авторитета, никакой иной власти, какъ въ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ дѣлахъ „Папы“, говорилось тамъ, „суть единственные покровители епископовъ, единственные истинные защитники церкви“. — „Римъ есть основаніе и образецъ всѣхъ церквей; всѣ церкви въ немъ имѣютъ свое начало, ибо св. Петръ — князь апостоловъ. Римская церковь стоитъ во главѣ всѣхъ остальныхъ; а члены (тѣла) должны повиноваться тому, что рѣшила голова“. — „Папа есть епископъ вселенской церкви; онъ соединяетъ всѣ власти въ своей рукѣ, онъ даетъ законы церкви; ни одинъ соборъ не смѣетъ засѣдать безъ его соизволенія, ни одинъ епископъ не можетъ быть смѣщенъ безъ его согласія, всѣ важныя дѣла должны подвергаться его суду“. — Не слѣдуетъ думать, что епископы болѣе желали подчиняться свѣтской власти, нежели папѣ: напротивъ, самые неза-

висимые изъ нихъ всегда стремились лучше всецѣло подчиниться далекому Риму, чѣмъ близкому королю, духовной власти, по апостольскому преемству ихъ поставлявшей, а не свѣтской, дававшей имъ земли и стремившейся сдѣлать изъ нихъ покорныхъ слугъ. Если покорные слуги и находились, то находились и такіе истинные представители клерикальной аристократіи, какъ Гинкмаръ Франкскій, который всецѣло стоялъ за идеи декреталій. Значеніе декреталій было чисто публицистическимъ въ ту эпоху, когда онѣ появились: умамъ, встревоженнымъ ссорою епископскаго собранія и папы въ дѣлѣ Вальдрады, давался простой и ясный отвѣтъ на всѣ вопросы, отъ имени того могущественнаго въ средніе вѣка моральнаго авторитета, который назывался церковною традиціею. Отвѣтъ былъ поддѣланъ, но это не помѣшало глубоко ему вѣрить. Впрочемъ, совершенно правы тѣ историки, которые находятъ, что впослѣдствіи, въ XV—XVI вв. враги папства, гуманисты и протестанты, сильно преувеличили значеніе декреталій: сама жизнь приводила западную Европу къ тому, чтобы церковь собралась подъ эгидою Рима. Свѣтская власть была раздроблена, въ иныхъ мѣстахъ совершенно некультурна, въ другихъ вполнѣ еще дика; кромѣ грубо-своекорыстныхъ вожделѣній, она не выставляла никакихъ другихъ идеаловъ, ибо послѣ Карла В. императорскій титулъ сталъ еще въ большей мѣрѣ фикціей, нежели это было при немъ, такъ какъ имперія распалась. При такихъ условіяхъ епископы, духовно связанные съ папою, не могли *по совѣсти* отложиться отъ Рима и примкнуть къ тому или иному варвару, давшему имъ замокъ и землю. Иногда они это дѣлали, но стоило Николаю I и Лжисидоровымъ декреталіямъ поставить дѣло на почву рѣзкихъ объясненій, какъ тотчасъ оказалось, что епископы съ папою согласны въ принципѣ во всемъ относительно подчиненія ему. Послѣ Николая I начинается долгая и темная эпоха въ исторіи римскаго престола, когда не только епископы, но и папы становились весьма нерѣдко игрушкою свѣтскихъ властей, и всетаки дѣятельность Николая I даромъ не прошла, такъ-же, какъ даромъ не прошелъ для папства и весь IX вѣкъ съ его „декреталіями“: съ этихъ поръ не было въ церкви ни одного свѣжаго

теченія, ни одной реформаторской идеи, которыя не становились бы на сторону подчиненія всей церкви папѣ.

Подъ „всею церковью“ нужно разумѣть церковь западную. Еще не произошло великаго раскола, раздѣленія церквей, но и тутъ понтификатъ Николая I былъ „пророческимъ явленіямъ“, какъ любятъ выражаться итальянскіе лѣтописцы. Намъ уже не разъ приходилось говорить о вѣчномъ разладѣ между папами и императорами византійскими, но мы совершенно не говорили объ отношеніяхъ, установившихся между римскими первосвященниками и константинопольскими патріархами. Дѣло въ томъ, что при подчиненномъ положеніи патріарховъ сервилизмъ давалъ часто сильно себя чувствовать во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ: вспомнимъ, что бывали случаи, какъ только впадалъ въ ересь императоръ, тотчасъ же дѣлался еретикомъ и патріархъ (или ставился новый на его мѣсто). Папы до средины XI вѣка не заявляли активно претензій на управленіе дѣлами и византійской церкви; даже и всякія сношенія между двумя куріями совершенно прекратились.

Послѣдовательный и прямолинейный Николай I не хотѣлъ и этой области церковныхъ отношеній оставить невыясненною; случай помогъ ему: въ Византіи разыгралась одна изъ тѣхъ интригъ, которыхъ тамъ было такъ много и раньше, и позже. Императоръ Михаилъ III и достойный его любимецъ Варда до такой степени явно распутствовали и богохульствовали (хотя Варда все-таки гораздо меньше императора), что выведенный изъ терпѣнія патріархъ Игнатій, человѣкъ рѣдкой стойкости и неустрашимости, публично отказалъ Вардѣ въ св. причастіи. Разгнѣванный императоръ низложилъ Игнатія, котораго заковали въ цѣпи и бросили въ тюрьму, а созванный императоромъ соборъ избралъ въ патріархи ловкаго, умнаго и весьма начитаннаго Фотія. Но меньшинство соборное стояло на томъ, что Фотій избранъ незаконно, при живомъ и ни въ чемъ неповинномъ патріархѣ Игнатіи. Случилось это избраніе въ 857 году, но еще долго духовенство не могло успокоиться, и даже чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ болѣе яро возмущались недовольные. Фотій рѣшился на весьма тонкій дипломатическій ходъ: онъ, не смотря на давно прекратившіяся отношенія

между Римомъ и Византіей, послалъ къ папѣ торжественное посольство съ просьбою пожаловать на предполагаемый вселенскій соборъ и занять тамъ первое мѣсто. Завоевать папскую благосклонность и добиться отъ него своего признанія для Фотія значило выиграть чрезвычайно много въ столь недостававшемъ ему моральномъ авторитетѣ, потому что, несмотря ни на какую взаимную холодность, римскіе первосвященники въ глазахъ греческаго духовенства все еще занимали весьма почетное мѣсто. Патріархъ Фотій, лично предлагая папѣ предсѣдательство на вселенскомъ соборѣ, могъ расчитывать на очень благосклонное его къ себѣ отношеніе, такъ какъ дальновидные намѣстники престола св. Петра ничѣмъ такъ не дорожили, какъ нужными имъ прецедентами, а приглашеніе Фотія равнялось добровольному признанію патріарха въ меньшей важности своего сана сравнительно съ саномъ папы. Но Фотій, не сдѣлавши ошибки въ адресѣ, ошибся во времени: въ иную эпоху это ему и удалось бы, можетъ быть, но теперь на римскомъ престолѣ сидѣлъ Николай I, только что одержавшій рѣшительную побѣду въ дѣлѣ Титберги и Вальдрады, человѣкъ принципа и суровой честности, къ тому же упоенный крупнымъ успѣхомъ. Въ Константинополь были отправлены римскіе послы, которые подъ вліяніемъ подкупа, высказались отъ имени папы за Фотія и противъ Игнатія. Но Николай I, разслѣдовавши все дѣло, рѣзко отмѣнилъ приговоръ своихъ пословъ и объявилъ, что Фотій немедленно долженъ уступить свое мѣсто Игнатію, если не хочетъ подвергнуться проклятію. Фотій, видя свое дѣло здѣсь проиграннымъ, заявилъ, что онъ останется. Послѣ запальчивой переписки между Михаиломъ, Вардою и Фотіемъ съ одной стороны и папою съ другой, римскіе послы (другіе уже) „отрясли", какъ они выразились при этомъ случаѣ, „прахъ отъ ногъ своихъ", покинули Константинополь и вернулись въ Римъ. Фотій остался на патріаршествѣ до конца жизни папы; Михаилъ и папа Николай умерли въ одномъ и томъ же 867 году. Въ судьбѣ Фотія были еще перипетіи, но они насъ здѣсь не касаются. Важно отмѣтить, что хотя формальный разрывъ произошелъ лишь черезъ двѣсти лѣтъ, но уже при Николаѣ I невозможность

полнаго слiянiя церквей стала очевидною, по крайней мѣрѣ невозможность для римскаго престола устроить это слiянiе на желательныхъ для него основанiяхъ.

IV.

Въ слѣдующей главѣ настоящей книги мы будемъ говорить о папахъ, занимавшихъ престолъ св. Петра до Григорiя VII, о состоянiи Италiи въ ихъ время, о роли, которую сыграли „римскiе императоры" IX—XI вв. Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ эволюцiи идеи папской власти, для насъ за всѣ сто восемьдесять лѣтъ отъ смерти Николая I (867 г.) до того времени, какъ Гильдебрандъ сталъ принимать участiе въ римской политикѣ (т. е. до 1048 года), за все время вплоть до понтификата Льва XI, начавшаго пользоваться совѣтами будущаго Григорiя VII, есть всего два явленiя, заслуживающiя вниманiя: 1) клюнiйское движенiе и 2) возбужденiе аскетическаго духа въ Италiи. Оба эти явленiя имѣютъ важность потому, что они какъ бы вводятъ изучающаго исторiю — въ эпоху Григорiя VII и его борьбы съ Генрихомъ IV; оба они были протестомъ противъ глубокой испорченности церкви и церковныхъ служителей, наступившей въ IX и усилившейся въ X столѣтiи. Подчиненiе духовныхъ лицъ свѣтскимъ, полная феодализацiя ихъ взаимныхъ отношенiй, крайне низкiй образовательный уровень епископовъ, фактически выбиравшихся свѣтскими владѣтелями, — все это привело къ такимъ явленiямъ въ церковной жизни, которыя глубоко смущали наиболѣе чуткiя натуры всѣхъ классовъ европейскаго общества и, въ особенности, возбуждали религiозную ревность и желанiе поправить положенiе дѣлъ — среди монашества, остававшагося втеченiе всей первой половины среднихъ вѣковъ хранителемъ стародавнихъ христiанскихъ завѣтовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ среди бѣлаго духовенства. Клюнiйскiй монастырь во Францiи съ первыхъ десятилѣтiй X вѣка дѣятельно принялся за проведенiе реформаторскихъ идей, и въ короткое время его влiянiю подпали также монастыри Италiи. Клюнiйцы стояли за возстановленiе первоначальной строгости въ исполненiи монашескихъ обѣтовъ,

за полновластіе папы въ дѣлѣ управленія церковью, за исключительное право римскаго первосвященника назначать и смѣнять епископовъ. Коренное воззрѣніе, проводимое ими, заключалось въ томъ, что папа является единственнымъ хранителемъ чистыхъ завѣтовъ вѣры и что все духовное воинство—не болѣе, какъ зависимые отъ него помощники въ этомъ великомъ дѣлѣ. Позднѣйшія поколѣнія клюнійскихъ аббатовъ стояли уже за безбрачіе духовенства и высказывали воззрѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ папъ и императоровъ, близко подходившія къ идеямъ Григорія VII. Клюнійское, нравственно очищающее и дисциплинирующее вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что отъ аббатовъ Клюни въ X, а въ особенности въ XI вѣкѣ зависѣло много другихъ монастырей, и идеи ихъ начали весьма замѣтно вліять на моральную атмосферу какъ Германіи, такъ и Италіи. Въ Италіи помимо общаго поднятія нравственнаго уровня монастырей, клюнійское вліяніе дало себя чувствовать въ возрожденіи аскетизма.

Аскетизмъ возродился въ Италіи—въ лицѣ св. Ромуальда, въ средней Европѣ въ лицѣ св. Адальберта въ одно и тоже время къ концу X столѣтія. Св. Ромуальдъ явился однимъ изъ главныхъ практическихъ проводниковъ клюнійскихъ взглядовъ, хотя крайности аскетизма въ жизни были его особенностью. Жилъ онъ отъ 950 до 1027 г. и за свой долгій вѣкъ вліялъ на тысячи пилигримовъ, отовсюду стекавшихся, чтобы на него посмотрѣть, вліялъ и на императора Оттона III, и на папъ, своихъ современниковъ. Онъ спасался въ пещерахъ, въ подземельяхъ, въ заброшенныхъ каменоломняхъ, мѣняя свое мѣстопребываніе, какъ только оно становилось мало-мальски пригодно для житья. Принципъ самоистязанія былъ имъ поддерживаемъ безъ всякихъ уступокъ потребностямъ своего тѣла; мало того, основывая монастыри въ Италіи одинъ за другимъ, Ромуальдъ изо всѣхъ силъ старался, чтобы они были „святыми и нищими", чтобы безкорыстіе, нищета и поддержка своей жизни физическимъ трудомъ были общими явленіями монастырской жизни. На горѣ Камальдоли (близь Ареццо) онъ, между прочимъ, также основалъ большой монастырь, сдѣлавшійся итальянскимъ Клюни, разсадникомъ реформаторскихъ взглядовъ, воспитателемъ но-

ваго поколѣнія клириковъ, подготовлявшихъ почву реформъ Григорія VII. Въ первый разъ въ исторіи итальянскій аскетизмъ X вѣка выступаетъ въ роли общественной силы съ совершенно опредѣленными взглядами на задачи практической церковной политики, и это обстоятельство даетъ ему право на самое полное вниманіе. Григорій VII съ первыхъ же шаговъ своего поприща имѣлъ преданныхъ и понимавшихъ его помощниковъ, исполнителей и публицистовъ, т. е. такой культурный отрядъ воинствующихъ клириковъ, который, дѣйствительно, сослужилъ ему службу въ начатой имъ борьбѣ съ имперіею. Эти люди воспитаны были учениками Ромуальда и взросли въ клюнійскихъ воззрѣніяхъ.—Клюнійское движеніе и аскетизмъ указываютъ на общія тенденціи X и XI вв. въ области церковно-реформаторскихъ воззрѣній; самый бѣглый очеркъ отношеній между Римомъ и имперіей отъ временъ Каролинговъ до 1048 г. (понтификата Льва IX) можетъ уяснить какъ причину появленія этихъ тенденцій, такъ и всю дѣятельность Гильдебранда.

ЛИТЕРАТУРА.

Baxmann, Die Politik der Päpste von Gredor I bis Gregor VII (Elberfeld, 1868).

Friedberg, Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche.

Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter (Тт. 1—4. Русскій переводъ есть, но крайне плохой).

Wattenbach, Geschichte des römischen Papsthums (Berl. 1876).

Вязигинъ, Григорій VII („Біогр. библ." Павленкова). Въ этой маленькой, но чрезвычайно содержательной книжкѣ уясняется и первоначальная фаза церковной реформы.

Источники (важнѣйшіе).

1. Liber pontificalis, изданіе Duchesne'я. (Paris 1881).

2. Hinschius (Lpz. 1863), Decretales pseudoisidorianae.

3. Acta Sanctorum, изданіе іезуитскаго ордена (подъ 7 февраля—біографія св. Ромуальда).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Идея Священной Римской Имперіи и ея значеніе для Италіи.

I.

Учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ „Священной римской имперіи" возникло въ 800 году, въ моментъ коронаціи Карла Великаго папою Львомъ III. Даже при Карлѣ Великомъ, дѣйствительно соединившимъ подъ своею властью нѣкоторыя земли стараго римскаго государства, это учрежденіе являлось до извѣстной степени фикціей; когда же имперія распалась при его внукахъ, то императорскій титулъ, перешедшій къ одному изъ нихъ утратилъ почти всякое значеніе. Но хотя „священная римская имперія" въ концѣ IX и началѣ X вѣка перестала даже упоминаться, тѣмъ не менѣе идея ея оказалась необыкновенно живучею. Дѣло въ томъ, что фикція Священной римской имперіи удовлетворяла одной изъ весьма сильныхъ потребностей болѣе культурныхъ слоевъ средневѣкового человѣчества,—потребности въ единствѣ. Книга блаженнаго Августина „О царствіи Божіемъ" нарисовала идеалъ, который долженъ былъ найти себѣ осуществленіе въ имперіи. Единство вѣры и супрематія папы надъ всею церковью предполагали логическое соотвѣтствіе и въ единствѣ свѣтской власти, въ главенствѣ императора надъ всѣмъ западнымъ міромъ. Но недаромъ коронація Карла называлась его современниками *возстановленіемъ* (restauratio) имперіи: на самомъ дѣлѣ, не только теократическій идеалъ

бл. Августина, но и воспоминанія о древнемъ Римѣ, объединившемъ народы, способствовали тому, что титулъ, принятый Карломъ, не показался его современникамъ страннымъ, непонятнымъ или ненужнымъ. Свѣтскій глава міра императоръ, стоящій вблизи отъ духовнаго главы—папы и охраняющій его своимъ мечемъ,—вотъ въ какую форму вылились представленія о Священной римской имперіи въ первое же столѣтіе ея существованія. Мало того: душами всѣхъ христіанъ управляетъ церковь, тѣлами ихъ должна также управлять единая верховная власть,—параллелизмъ, столь свойственный первобытной мысли, требовалъ такого заключенія. Для римскихъ первосвященниковъ имперія являлась щитомъ и опорою, матеріальнымъ и нравственнымъ сокровищемъ, которое надлежало беречь изо всѣхъ силъ и до послѣдней крайности. Въ этомъ смыслѣ глубоко характерна одна изъ „папскихъ побасенокъ“ (по выраженію Деллингера), которая возникла, повидимому, во второй половинѣ IX вѣка и которая трактуетъ о „дарѣ Константина“, Constantini donatio. По этому преданію, императоръ Константинъ Великій выздоровѣлъ отъ проказы, благодаря молитвамъ папы Сильвестра I и по выздоровленіи крестился, а черезъ четыре дня послѣ крещенія подарилъ папѣ и престолу св. Петра городъ Римъ, всю Италію и всѣ западныя страны, а самъ удалился въ Константинополь. Возникло ли это фальсифицированное преданіе (подкрѣпленное составленнымъ кѣмъ-то документомъ) съ цѣлью освободить римскихъ первосвященниковъ отъ долга благодарности по отношенію къ свѣтской власти, давшей (въ лицѣ Пипина и Карла) римскому престолу итальянскія земли, или оно имѣло иной источникъ, иные мотивы,—мы не знаемъ. Характерна здѣсь между прочимъ та благодѣтельная роль, которая приписывается главѣ римскаго государства. Благодѣтель и защитникъ, а не врагъ и соперникъ—вотъ кто такой императоръ для Рима во времена Карла Великаго и даже позже. Текущая жизнь какъ бы спѣшила оправдать воззрѣнія папы и итальянцевъ на „Священную римскую имперію“: когда въ концѣ IX и въ первой половинѣ X столѣтій наступили смуты между французскими Каролингами, а германская вѣтвь ихъ угасла, когда исчезла надежда на продолженіе императорской традиціи,—ссоры и

раздоры въ самомъ Римѣ и въ Италіи, нападенія арабовъ, войны между сполетскимъ и беневентскимъ герцогами, показали, вѣрнѣе, внушили мысль, что безъ императора жизнь Италіи хуже, чѣмъ при немъ. Въ 962 году, когда Оттонъ В. былъ коронованъ, что событіе было съ радостью встрѣчено если не тѣмъ развратнымъ подросткомъ, который тогда носилъ папскую тіару подъ именемъ Іоанна XII, то людьми, измучившимися вѣчною безурядицею и желавшими покоя. Императоръ, охранитель церкви, возстановитель покоя, принялъ въ X вѣкѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ библейскихъ представленій, образъ израильскаго царя-пророка, главы теократическаго государства. Два меча стерегутъ и спасаютъ міръ отъ зла и діавола: духовный — находящійся въ рукахъ папы, и свѣтскій — данный императору. Кѣмъ данный? Богомъ или папою, короновавшимъ колѣнопреклоненнаго предъ нимъ Карла? На этотъ вопросъ ни IX, ни X вѣка отвѣта не дали, такъ же какъ и на болѣе общій: кто выше, кто кому долженъ повиноваться — папа императору или наоборотъ? Пока и для искренно преданныхъ интересамъ римскаго престола, и для дорожившихъ большею или меньшею степенью покоя жителей Италіи императоръ являлся желаннымъ другомъ. Какой онъ будетъ расы, гдѣ будетъ жить — все равно; но онъ долженъ быть могущественнымъ государемъ, это требовалось и реальными интересамы папы и Италіи, и сущностью господствовавшаго о немъ представленія. Императоръ превосходитъ саномъ всѣхъ земныхъ властителей, онъ можетъ (это, конечно, только въ теоріи) раздавать короны и отнимать ихъ; онъ вѣнецъ и глава всего соціальнаго строенія, которое потомъ было объединено въ понятіи феодализма. Между временемъ Карла Великаго и Оттона Великаго, т. е. отъ 814 до 962 г. или вовсе императора не было или были вполнѣ безсильные, и однако таково было могущество этого теоретическаго идеала, что его традиція не потерпѣла рѣшительно никакого ущерба. Концепція Священной римской имперіи имѣла замѣчательно счастливыя свойства, соединеніе которыхъ чрезвычайно рѣдко встрѣчается, но если ужь случится, всегда бываетъ долговѣчно: это была концепція, имѣвшая и стройность отвлеченнаго теоретическаго построенія, и плоть, и кровь реальнаго факта,

и величавую традицію за собою, и санкцію величайшаго изъ современныхъ ей моральныхъ авторитетовъ, и полную понятность для самыхъ некультурныхъ людей самаго темнаго и глухого періода среднихъ вѣковъ.

II.

Чрезвычайно тяжелыя времена наступили для Италіи тотчасъ же послѣ смерти Карла Великаго. Поэтическое сказаніе, говорящее, какъ великій императоръ плакалъ, глядя на море и прозрѣвая набѣги норманновъ, возникло весьма скоро послѣ его кончины. Но если вся Европа страдала отъ норманновъ, то Италія сверхъ того терпѣла горькую участь еще отъ сарациновъ. Сицилія была ими занята такъ прочно, что и думать нельзя было вырвать ее изъ ихъ рукъ; изъ Сициліи сарацины переселялись въ заброшенную и далекую Калабрію и Апулію, а оттуда совершали набѣги на Римъ; другая ихъ дорога была—прямо черезъ море.

Въ 846 году ихъ флотъ явился въ устьѣ Тибра и они напали на Римъ; стѣна спасла городъ, но Ватиканъ и церковь св. Петра жестоко отъ нихъ пострадали, такъ какъ находились внѣ стѣны. Герцогъ Сполетскій Гвидонъ, начальникъ этого уцѣлѣвшаго лангобардскаго владѣнія, явился на помощь Риму и отогналъ арабовъ отъ осажденнаго ими города. Подобные набѣги повторялись не разъ въ IX и X вв.: такъ, въ 876 году они страшно опустошили окрестности Рима и всю Кампанью. Особенно страдавшіе отъ нихъ мелкіе итальянскіе владѣтели, герцоги беневентскій, капуанскій, салернскій, всѣ эти самостоятельные царьки, сохранившіе и пріобрѣтшіе свою власть вслѣдствіе отдаленнаго положенія относительно имперіи, предпринимали многократно походы противъ сарациновъ и всегда безуспѣшно. Бѣдственное состояніе обитателей Апеннинскаго полуострова въ эти времена усугублялось еще и внутренними неурядицами, царившими какъ въ Римѣ, такъ и въ отношеніяхъ между массою мелкихъ владѣній, на которыя раздробилась Италія. Не только на югѣ, но и на сѣверѣ единенія никакого не было. Еще пока первые Каролинги держались въ Италіи, пока правили пер-

вый Лотарь, и Людовикъ II, тогда (не смотря даже на ссору Лотаря II съ папою изъ за Вальдрады) еще сохранялась извѣстная связь между всѣмъ сѣверомъ Италіи отъ Рима до Альпійскихъ горъ. Югъ Италіи былъ во власти герцоговъ беневентскаго, капуанскаго, салернскаго и еще болѣе эфемерныхъ маленькихъ царьковъ; Неаполь пользовался самоуправленіемъ подъ номинальною властью византійскихъ императоровъ, но все же императоръ Людовикъ II въ своихъ стремленіяхъ отогнать сарациновъ могъ расчитывать на всю сѣверную половину, принадлежавшую ему почти всецѣло (за исключеніемъ Венеціи) и на поддержку церковной области, главою которою былъ папа. Людовикъ II умеръ въ 875 году, оставивши послѣ себя память человѣка, „много разъ водившаго италійцевъ противъ арабовъ“ и побѣждавшаго ихъ. Послѣ него императорскою короною владѣли Карлъ Лысый (875—877) и Людовикъ Косноязычный; но тутъ же начинаются самыя сильныя смуты вслѣдствіе притязаній сполетскаго герцога Ламберта на императорскій санъ. За всѣми перипетіями этихъ междоусобій и войнъ мы слѣдить не будемъ; достаточно сказать, что втеченіи сорока лѣтъ слишкомъ Апеннинскій полуостровъ былъ ареною одной нескончаемой войны, когда боровшіеся не всегда могли бы даже въ точности сказать, что имъ нужно, кромѣ грабежа деревень и городовъ. Папство играло въ это время самую плачевную роль: папъ низвергали, сажали въ тюрьму, мучили, опять возводили на престолъ, изгоняли изъ Рима, — все это смотря потому, какая партія возьметъ верхъ въ городѣ, какое войско (врага или союзника) скорѣе подойдетъ къ Риму. Въ началѣ X-го столѣтія королемъ Италіи сдѣлался (по титулу) герцогъ фріульскій Беренгаръ; разумѣется, власть его въ территоріальномъ смыслѣ была совершенно ничтожна: мелкіе владѣтели и южно-итальянскіе разбойники продолжали сохранять полную самостоятельность. Въ Римѣ, гдѣ папы въ это время избирались духовенствомъ, царили вѣчныя междоусобія. Въ 914 году благодаря интригамъ своихъ трехъ любовницъ (изъ которыхъ одна была мать, а другія двѣ ея дочери), папою сдѣлался нѣкій Іоаннъ X, который почти тотчасъ послѣ своего избранія предложилъ Беренгару императорскій титулъ съ тѣмъ, чтобы онъ выгналъ изъ Италіи

сарациновъ. Походъ отчасти удался; по крайней мѣрѣ, сарацины на нѣсколько лѣтъ притихли. Въ 924 году Беренгаръ умеръ; послѣ его смерти и въ Римѣ, и въ остальной Италіи съ удвоенной силою продолжается дикая оргія страстей, постоянныя войны и междоусобія. „Въ Италіи того времени ученіе и заповѣди религіи лишились значенія, нравы—чистоты и порокъ—стыда: если бы добродѣтель и религія не лежали внѣ круга тѣхъ предметовъ, которые можетъ уничтожить человѣкъ, то онѣ совершенно исчезли бы тогда въ Италіи". Дѣйствительно, итальянскія хроники того времени передаютъ нѣчто трудно вообразимое: тутъ и неслыханный развратъ, героями котораго являются высшія свѣтскія и духовныя лица; тутъ и кровожадность, доходящая до поруганія надъ выкопаннымъ изъ земли трупомъ соперника-папы. Къ сожалѣнію, лѣтописцы этой эпохи много останавливаются на скандальной хроникѣ Рима и слишкомъ мало на общемъ положеніи населенія Апеннинскаго полуострова; впрочемъ, его легко можно себѣ представить. Въ X столѣтіи на ряду съ продолжавшимися нападеніями сарациновъ, усиливаются и хищническіе набѣги норманновъ. Эти внѣшнія бѣды въ соединеніи съ внутренними оставляли зачастую крестьянамъ и даже горожанамъ одинъ выходъ—идти въ разбойничьи шайки. Немудрено, что разбойничьи населенія принимаютъ въ это время размѣры цѣлыхъ государственныхъ союзовъ. Вскорѣ послѣ смерти Беренгара, приблизительно въ 926 году, королемъ итальянскимъ всякими правдами и неправдами сдѣлался Гугонъ, владѣтель южной Бургундіи; проведя весь свой вѣкъ въ борьбѣ съ претендентами и изгнавши самаго опаснаго изъ нихъ—внука Беренгара I, герцога иврейскаго Беренгара II, Гуго умеръ, оставивши итальянскій престолъ своему сыну Лотарю. Когда Лотарь умеръ (въ 950 г.), итальянскій престолъ захватилъ въ свои руки вернувшійся изъ изгнанія Беренгаръ II. Онъ очень желалъ породниться какъ-нибудь со вдовою Лотаря Адельгейдою, чтобы умиротворить наиболѣе опасную соперницу. Но когда проектъ женить на ней сына ему не удался, новый король захватилъ въ свои руки Адельгейду и заключилъ ее въ темницу, гдѣ, какъ передаютъ нѣкоторые лѣтописцы, ее истязали, пока она не убѣжала къ одному своему приверженцу въ его замокъ Каноссу

(прославившійся черезъ сто лѣтъ послѣ того покаяніемъ Генриха IV). Изъ Каноссы Адельгейда рѣшилась на смѣлый шагъ, приведшій къ весьма важнымъ политическимъ послѣдствіямъ: она обратилась черезъ своихъ друзей къ Оттону Великому съ просьбою, если онъ пожелаетъ, жениться на ней и наказать узурпатора Беренгара. Произошло это обращеніе къ Оттону въ 951 году.

III.

Отношенія Италіи и Германіи при Оттонахъ тѣмъ интереснѣе, что съ того самаго времени, какъ Оттонъ I короновался императорскою короною, санъ главы Священной римской имперіи вплоть до позднѣйшихъ временъ за рѣдкими и незначительными исключеніями не выходилъ изъ предѣловъ германскихъ странъ. Втеченіе всего конца, вѣрнѣе всей второй половины среднихъ вѣковъ между имперіею и папствомъ, двумя объединяющими властями западнаго христіанства велась жестокая борьба—и только первое столѣтіе ихъ сношеній является временемъ мирнаго сожительства, эпохою настолько сильнаго преобладанія имперіи надъ папствомъ, что послѣднее еще не осмѣливается предъявить свои притязанія.

По приглашенію Адельгейды Оттонъ Великій вторгся въ Италію, обвѣнчался съ Адельгейдою въ Павіи и, оставивши для борьбы съ Беренгаромъ войско своего вассала, вскорѣ принудилъ герцога иврейскаго уступить часть захваченныхъ имъ земель. Впрочемъ, лично онъ не могъ оставаться долго въ Италіи: венгры, славяне, датчане немилосердно тѣснили Германію со всѣхъ сторонъ, и король долженъ былъ думать о непосредственной безопасности своихъ владѣній. Пятидесятые годы прошли въ борьбѣ съ этими варварами, но итальянка Адельгейда не переставала побуждать своего мужа къ болѣе аггрессивной политикѣ на Апеннинскомъ полуостровѣ и къ захвату вакантной императорской короны. Воспользовавшись тѣмъ, что интриги Беренгара снова привели къ ряду осложненій и къ упадку нѣмецкаго вліянія въ пріобрѣтенныхъ Оттономъ земляхъ, король германскій въ 961 году отправился за Альпы, занявъ Миланъ, короновался тамъ лангобардскою короною,

а въ началѣ 962 года прибылъ въ Римъ. Извѣстная любовь къ приключеніямъ, честолюбивые планы, политическая мечтательность— все это вообще было свойственно Саксонскому дому (кромѣ развѣ Генриха Птицелова). Поэтому неудивительно, что Оттонъ Великій рѣшился оставить въ весьма тревожныя времена свои наслѣдственныя владѣнія, границы которыхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ были открыты нападеніямъ,—и потерять столько времени и энергіи за послѣдніе годы своего царствованія въ погонѣ за фикціей, за императорскою короною, не дававшею ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Если еще коронація 800 года могла дать поводъ къ позднѣйшимъ пререканіямъ клерикаловъ и цезаристовъ относительно того, кто игралъ подчиненную роль—папа или императоръ, то въ эпизодѣ 962 года, при коронованіи Оттона, такого спора возникнуть не могло,—и немудрено, что эта коронація германскаго короля тщательно замалчивалась позднѣйшими полемистами клерикальнаго направленія. Въ самомъ дѣлѣ, вплоть до временъ Александра Борджіи на папскомъ престолѣ не было такой позорной фигуры, какъ девятнадцатилѣтній Іоаннъ XII. На его репутаціи тяготѣли чуть ли не всѣ преступленія, каравшіяся даже тогдашнимъ далеко не щепетильнымъ нравственнымъ (и уголовнымъ) кодексомъ и чуть-ли не всѣ эксцессы самаго необузданнаго разврата. Сдѣлался онъ папою вслѣдствіе случайной игры партійныхъ расчетовъ нѣсколькихъ вліятельныхъ фамиліи города Рима и пользовался своимъ положеніемъ для болѣе удобнаго устройства своихъ интимныхъ дѣлъ, не мечтая разумѣется ни о какихъ отвлеченностяхъ, ни даже о приращеніи своего матеріальнаго благосостоянія. Изъ рукъ этого-то первосвященника долженъ былъ получить императорскую корону германскій король, могущественный государь своего времени. Оттонъ сразу и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ приказалъ Іоанну XII короновать себя, что папа безъ всякихъ затрудненій и исполнилъ. Но когда Оттонъ удалился изъ Рима, тамъ начались смуты, въ результатѣ которыхъ императоръ низложилъ Іоанна XII за его безнравственную жизнь (впрочемъ, мало смущавшую Оттона при коронаціи) и заставилъ выбрать Льва VIII. Смуты продолжались, пока Іоаннъ XII не умеръ, а новый претендентъ не былъ сосланъ

императоромъ на сѣверъ Германіи; тогда Левъ VIII окончательно водворился на римскомъ престолѣ. Одновременно съ этимъ былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Германію и Беренгаръ. Италія была умиротворена на сѣверѣ, но Оттону уже было этого мало и онъ желалъ завоевать ее всю до южныхъ оконечностей Калабріи и Апуліи; у него были обширные проекты породниться посредствомъ брака сына его Оттона съ византійскими императорами и завести торговыя сношенія съ греками. Женить Оттона на Ѳеоѳаніи императору удалось, но вмѣсто торговли, онъ втянулся въ безплодныя и нескончаемыя войны съ греками изъ-за нѣсколькихъ пунктовъ на югѣ Италіи, которые они продолжали сохранять за собою. Въ 973 году Оттонъ В. умеръ. Его сынъ еще при жизни отца, какъ это тогда дѣлалось, былъ коронованъ римскимъ императоромъ. Оттонъ II совершенно спокоенъ былъ за всю сѣверную половину Италіи, оставленную ему отцомъ, а римскія смуты не особенно его безпокоили и интересовали: проекты отца относительно изгнанія грековъ съ юга гораздо ближе были его сердцу. Часть Апуліи и Калабріи съ городомъ Тарентомъ принадлежали Византіи и надолго заняли Оттона: такъ онъ и умеръ, ничего тамъ не добившись и потерявши на безплодную борьбу десять лѣтъ своего царствованія. Но насколько безцвѣтно было его царствованіе для Рима и Италіи, настолько времена его сына Оттона III представляютъ, дѣйствительно, любопытный моментъ въ исторіи X-го столѣтія. „Безпокойный духъ, больное дитя, погибшее въ своей безсонной гордости", такъ охарактеризовалъ англійскаго поэта Чаттертона одинъ его критикъ, и такими же словами можно охарактеризовать Оттона III. Онъ умеръ 22 лѣтъ отъ роду, изъ этого времени процарствовавши 19 лѣтъ. Съ трехлѣтняго возраста онъ могъ помнить себя королемъ, и смуты, наполнявшія его раннее дѣтство, лишь способствовали укрѣпленію въ немъ самомнѣнія и увѣренности въ высокомъ значеніи своего сана. Наслѣдственная мечтательность преобразилась у него въ безпредѣльное политическое фантазерство; обстоятельства и жизненныя встрѣчи только способствовали развитію этого умственнаго предрасположенія. Его мать была гречанка Ѳеоѳанія, которая все таки знакомила сына своего

съ начатками византійской образованности, совершенно неизвѣстной этому обществу саксонскихъ варваровъ. Воспитатель его, орильякскій французъ, монахъ Гербертъ, учившійся философской премудрости у барселонскихъ профессоровъ-арабовъ,—также знакомилъ своего питомца съ совершенно новыми для него понятіями. Гербертъ, одинъ изъ ученѣйшихъ и талантливѣйшихъ людей среднихъ вѣковъ, до такой степени превосходилъ современниковъ своими умственными качествами, такъ изумлялъ ихъ своими познаніями въ математикѣ, что его нѣсколько поколѣній считало чародѣемъ, и если можно найти среди реальныхъ существованій какое-нибудь, наиболѣе подходящее къ легендѣ о Фаустѣ, —наиболѣе могшее способствовать созданію этой легенды, то, конечно, это было существованіе названнаго человѣка. Мать и Гербертъ научили Оттона говорить на латинскомъ и греческомъ языкахъ (не считая уже нѣмецкаго), отъ нихъ узналъ онъ многое изъ исторіи и другихъ наукъ. Нѣмцевъ онъ считалъ народомъ варварскимъ, и, ставя итальянцевъ и византійцевъ неизмѣримо выше, онъ рано научился цѣнить ожидавшій его императорскій титулъ больше званія германскаго короля. Италія во времена его малолѣтства переживала времена смуты и безурядицы такъ же, впрочемъ, какъ и Германія. Но съ появленіемъ императора въ 996 году на время все успокоилось: слишкомъ великъ былъ авторитетъ Саксонскаго дома. Еще до путешествія въ Италію, молодой государь, человѣкъ натуры порывистой и неуравновѣшенной, подпалъ подъ вліяніе св. Войцѣха, знатнаго чеха, архіепископа пражскаго. Этотъ подвижникъ глубоко укрѣпилъ въ Оттонѣ III, восторженно къ нему относившемуся, мистическія тенденціи, къ которымъ такъ сильно было вообще европейское человѣчество предъ 1000-мъ годомъ, когда съ трепетомъ ожидали конца міра. Вліяніе Войцѣха (Адальберта) на императора было усилено мученическою смертью архіепископа въ странѣ язычниковъ-пруссовъ: воспоминаніе объ этомъ другѣ стало свято для Оттона. Впрочемъ, не только Войцѣхъ вліялъ на императора: въ предыдущей главѣ мы говорили о возрожденіи мистицизма въ Италіи подъ вліяніемъ св. Ромуальда. Такіе подвижники, какъ св. Ромуальдъ и Нилъ, славились далеко за предѣлами Италіи, и Оттонъ не преминулъ побывать у нихъ. Оба

они давали ему совѣты и указанія, клонившіяся къ упроченію въ его умѣ мнѣнія о себѣ, какъ о призванномъ охранителѣ христіанства, и о поддержкѣ церкви. Эти люди высказывали, что думали: изъ двухъ вождей христіанскаго міра, дѣйствительно, имъ могъ казаться болѣе надежнымъ въ эту эпоху могущественный германскій государь, нежели безпрерывно смѣнявшіеся на престолѣ св. Петра папы, попадавшіе на свое мѣсто, благодаря интригамъ римскихъ городскихъ партій. Отъ императора такіе люди, какъ Нилъ или Ромуальдъ, могли ожидать и внѣшней защиты христіанской Европы отъ язычниковъ и магометанъ, и попытокъ исцѣленія внутреннихъ язвъ церкви. Но къ вліянію этихъ людей примѣшивалось все болѣе и болѣе возраставшее вліяніе Герберта: этотъ ученый царедворецъ осыпалъ императора такими—по тогдашнему изощренными, а съ нынѣшней точки зрѣнія—аляповатыми комплиментами, которые не могли не нравиться даже избалованному юношѣ: Гербертъ не стѣснялся приравнивать своего семнадцатилѣтняго ученика къ Аристотелю. Что-же касается до другихъ, до окружающихъ его, стоявшихъ головою ниже Герберта въ умственномъ отношеніи, то они уже, дѣйствительно, вполнѣ чистосердечно могли называть его, какъ передаютъ лѣтописцы, „чудомъ міра". Эта атмосфера всеобщаго поклоненія и удивленія сдѣлала то, что впечатлительный и самолюбивый юноша, фантазеръ и теоретикъ, счелъ себя призваннымъ совершить нѣчто великое. Онъ съ жаднымъ интересомъ, интересомъ подражателя къ образцу, относился къ памяти Карла Великаго, и во время одного изъ своихъ безпокойныхъ метаній по Европѣ велѣлъ даже извлечь на свѣтъ трупъ Карла, чтобы посмотрѣть на франкскаго героя. Неизвѣстно, въ какія реальныя формы облеклось-бы это желаніе совершать подвиги, еслибы императору суждено было прожить дольше: исторія знаетъ только его упорныя и капризныя стремленія возстановить до мелочей, до послѣднихъ подробностей старый бытъ римскихъ императоровъ временъ Константина. Забросивши совершенно всѣ дѣла по управленію Германіей, стыдясь своего отчасти нѣмецкаго происхожденія, гордясь итальянкою-бабкою и гречанкою матерью, Оттонъ всѣ немногіе годы своего царствованія посвящалъ исключительно итальянскимъ, вѣрнѣе, римскимъ дѣламъ. Не смотря на свой мистицизмъ, онъ смо-

трѣлъ на папское званіе, какъ на санъ, который онъ воленъ давать и отнимать по своему произволу. Могущественная римская фамилія Кресченціевъ возвела на престолъ св. Петра папу Іоанна XVI, изгнавши предварительно Григорія V, къ которому Оттонъ III благоволилъ. Императоръ явился въ Римъ, возстановилъ Григорія, папѣ Іоанну XVI выкололи глаза, отрѣзали носъ и языкъ и въ такомъ видѣ водили по улицамъ, а Кресченція—главу семьи казнили. Григорій, ставленникъ Оттона, былъ такъ ненавистенъ римлянамъ, что они снова его прогнали, и старикъ умеръ, не успѣвши воспользоваться опять услугами своего покровителя. Тогда (въ 999 г.) Оттонъ назначилъ папою своего друга Герберта, который въ новомъ санѣ принялъ наименованіе Сильвестра II. Лѣтомъ 1000-го года императоръ рѣшилъ окончательно переѣхать въ Римъ, устроить себѣ здѣсь резиденцію и править отсюда подобно Константину до его переселенія на Босфоръ. Здѣсь обнаружилась вся шаткость политики Оттона III: нѣмцевъ онъ оттолкнулъ своимъ презрѣніемъ и нелюбовью, а итальянцы все-таки смотрѣли на него, какъ на чужого. Даже больше: они къ императорамъ относились въ эту эпоху довольно хорошо, какъ къ нѣкоторой гарантіи противъ общей безурядицы и смуты, но именно Оттона III и не любили, а нѣкоторые, особенно римляне, прямо ненавидѣли за его властолюбіе и навязываніе своихъ друзей въ папы и въ главные сановники. За неполныхъ два года, проведенныхъ имъ въ Римѣ, нерѣдко случались вспышки бунта противъ императора, котораго мало-по малу оставили охладѣвшіе къ нему нѣмецкіе отряды. Онъ долженъ былъ даже покинуть Римъ, чтобы созвать снова свои войска и наказать римлянъ, но еще до осуществленія этого плана онъ умеръ въ 1002 году, недалеко отъ Рима, который онъ такъ любилъ. 22-хъ лѣтъ отъ роду этотъ странный человѣкъ сошелъ въ могилу, оставивши въ сильномъ разстройствѣ всѣ германскія и итальянскія дѣла имперіи. Его эпоха, эпоха услужливаго содѣйствія римскаго престола самымъ необъятнымъ мечтаніямъ императорскаго честолюбія, эпоха полнаго обезличенія папъ, и рѣшительнаго преобладанія императора, является прямымъ антитезомъ тому времени, которое настало въ Европѣ какихъ-нибудь семьдесять лѣтъ спустя, времени ожесточенной борьбы

папства съ имперіею уже даже не изъ за суприматіи надъ церковью, но изъ за всемірнаго верховенства. Но между этими двумя радикально различными эпохами лежатъ нѣсколько десятилѣтій приблизительно отъ смерти Оттона III до понтификата Льва IX (1002—1048 гг.); въ эти десятилѣтія совершался медленный и глубокій процессъ подготовки папства къ воинствующей роли; въ эти десятилѣтія идеи клюнійской реформы распространялись все шире и глубже, и папство, по прежнему покорное силѣ, уже начинало проявлять глухую оппозицію противъ самоуправства императоровъ.

IV.

Въ XI вѣкѣ Италію со всего ея длиннаго южнаго побережья стали съ особенной силой тревожить норманны. Особенно жителямъ юга приходилось отъ нихъ плохо; ни лангобардскіе пережитки—герцогства Беневентское и Капуанское, ни другія, болѣе мелкія лангобардскія княжества горной Италіи, ни оставшіяся во власти Византіи южные города—не могли отразить этихъ хищниковъ. Арабы уже селились на югѣ густыми массами, объ ихъ изгнаніи уже и рѣчи не было, но норманскіе разбойники казались теперь зломъ совершенно невыносимымъ. Здѣсь итальянцы столкнулись съ цѣлымъ народомъ дикихъ пиратовъ, не подвергшихся рѣшительно никакому воздѣйствію культуры. Тяжелы были и притѣсненія греческихъ намѣстниковъ, и вѣчныя драки лангобардскихъ князьковъ, но только норманны казались нижней Италіи истиннымъ бичемъ Божіимъ. Съ третьяго десятилѣтія XI-го вѣка норманны стали селиться (на подобіе арабовъ) по южному побережью Калабріи и Апуліи, и по неаполитанскому берегу: новый элементъ входитъ въ формирующійся итальянскій національный организмъ, но смѣшивается и исчезаетъ въ немъ далеко не сразу.

Сѣверная Италія и Римъ переживали послѣ Оттона III также неспокойныя времена. Тотчасъ послѣ кончины императора епископы сѣверныхъ городовъ избрали итальянскимъ королемъ Ардуина Иврейскаго. Тогда новый германскій король, Генрихъ II, вторгся въ Ломбардію, опустошилъ и разорилъ ее и заставилъ признать свои

права, впрочемъ, весьма сомнительныя, такъ какъ всѣ они основывались на бракѣ Оттона I и Адельгейды, а Генрихъ не былъ родственникомъ ни тому, ни другой: формальной-же политической уніи между итальянскими владѣніями Адельгейды (и завоеваніями Оттона) и Германіей заключено не было. Послѣ перваго похода (1004 г.) онъ долженъ былъ еще разъ (въ 1013 г.) выступить противъ притязаній Ардуина, и на этотъ разъ Генрихъ прошелъ къ Риму, гдѣ папа (Бенедиктъ VIII) короновалъ его императорскою короною (1014 г.). Знаменательный фактъ наблюдаемъ мы при этой коронаціи, фактъ, котораго небыло ни при таковой-же церемоніи въ 800 году, ни въ 962 г., ни въ промежуткахъ между этими датами, ни, наконецъ, съ 962 до 1014 года: никогда, папа вѣнчая короною императора, не предлагалъ ему такихъ вопросовъ, какіе предложилъ Бенедиктъ VIII Генриху II. Именно онъ потребовалъ у императора обѣщанія, которое требовали въ эти феодальныя времена сюзерены у вассаловъ, т. е. обѣщанія не только охранять церковь, но и быть вѣрнымъ ему, Бенедикту VIII, и его преемникамъ по апостольскому престолу. Въ этомъ фактѣ прекрасно отразилось общее положеніе дѣлъ: императоръ слишкомъ силенъ, чтобы внимательно слѣдить за искусными ходами ростущаго противника имперіи, и, не вкладывая, конечно, особой важности и особаго смысла въ свои слова, даетъ обѣты, кажущіеся ему простою формальностью; съ своей стороны папа, также не могшій не считать ихъ для текущаго момента пустою формальностью, тѣмъ не менѣе дальновидно создаетъ весьма важный прецедентъ въ предстоящей борьбѣ. До сихъ поръ у папства были заднія мысли по отношенію къ имперіи, но эти заднія мысли являлись результатомъ какой-нибудь мелкой, чисто мѣстной интриги, связанной съ борьбою городскихъ партій въ Римѣ, партій строго личныхъ, безъ всякой идейной подкладки. Теперь, устами Бенедикта VIII, умнаго, полнаго силъ и энергіи человѣка, впервые заговорило папство, какъ учрежденіе, противопоставляющее себя Священной римской имперіи и ея главѣ.

У Генриха II были весьма рѣшительные замыслы относительно Италіи: онъ хотѣлъ повторить попытку Оттона II завоевать южную часть полуострова. Ему удалось на время оттѣснить сѣверную гра-

ницу лангобардскихъ поселеній, но результаты этого похода были весьма эфемерны. Къ 1024 году Генрихъ, въ послѣдніе годы жизни подпавшій подъ вліяніе престарѣлаго Ромуальда и много заботившійся о благоденствіи итальянскихъ монастырей, умеръ; престолъ перешелъ къ франконской династіи, которой суждено было вынести на своихъ плечахъ первую, и едва ли не самую страшную борьбу съ папствомъ.—При вступленіи Конрада II франконскаго на германскій престолъ повторилось рѣшительно то же самое, что и при воцареніи Генриха II: опять Италія отказалась повиноваться нѣмцу. Національная рознь слишкомъ сильно начинала давать себя чувствовать; здѣсь еще не было, конечно, настоящаго національнаго самосознанія, въ эти совершенно варварскія времена его еще и не могло образоваться, тѣмъ болѣе, что и самъ итальянскій народъ не сложился окончательно, еще не спаялись различные этническіе элементы, осѣвшіе на итальянской почвѣ, но въ постоянномъ стремленіи низвергнуть нѣмецкое господство сказывается уже раздраженіе расоваго темперамента, имѣющее достаточно силы, чтобы прорваться въ критическій моментъ перехода престолонаслѣдія изъ однихъ рукъ въ другія, притомъ недовольно могущественное, чтобы избавиться отъ чужеземцевъ. Король Конрадъ (какъ раньше его предшественникъ Генрихъ II) явился въ Италію, опустошилъ окрестности Павіи и самый городъ—и былъ въ Римѣ коронованъ императорской короной, но тутъ и окончилось сходство между его походомъ и походомъ Генриха II: итальянцы на этотъ разъ не смирились такъ скоро; напротивъ, они убивали нѣмцевъ и въ Римѣ, и въ Равеннѣ, и на большихъ дорогахъ. Король пошелъ изъ Рима на югъ, оставляя въ тылу непріязненныя шайки. На югѣ ему пришлось формально примириться съ поселеніемъ въ Италіи норманновъ: онъ ихъ призналъ вассалами Священной римской имперіи. Конрадъ II былъ болѣе заботливымъ государемъ-хозяиномъ Германіи, нежели Оттоны и Генрихъ II. Онъ вернулся изъ Италіи въ Германію, гдѣ и прожилъ до 1035 года, когда новыя осложненія вызвали его снова въ Италію. Дѣло въ томъ, что во всей сѣверной части Италіи крупные помѣщики уже давно занимались послѣдовательной узурпаціей земель, принадлежавшихъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Доведенные до от-

чаянія мелкіе землевладѣльцы возстали, и тогда узурпаторы очутились въ весьма затруднительномъ положеніи: они принуждены были обратиться за помощью къ Конраду, тому самому императору, противъ котораго они интриговали при его вступленіи на престолъ. Конрадъ явился въ Италію, и здѣсь скоро соціальное осложненіе перешло въ чисто политическое. Императоръ обнаружилъ, что крупные сѣверо-итальянскіе феодалы, какъ свѣтскіе, такъ въ особенности и духовные, присвоили себѣ не только земли мелкихъ владѣтелей такихъ же равноправныхъ императорскихъ вассаловъ, какъ они сами, но что узурпаціи этой не избѣжали и владѣнія, принадлежавшія непосредственно имперіи, причемъ узурпаторами являлись и свѣтскіе, и духовные феодалы. Одного изъ нихъ (епископа Гериберта) императоръ велѣлъ даже посадить въ тюрьму за яростное сопротивленіе, оказанное имъ Конраду. На сторону Гериберта стали его товарищи, и началась жестокая война между нѣмецкими солдатами и населеніемъ: даже только-что указанное междоусобіе не помѣшало дружнымъ дѣйствіямъ противъ нѣмцевъ. Усмиривши не безъ труда этотъ бунтъ, Конрадъ явился въ Римъ и здѣсь возстановилъ на папскомъ престолѣ (въ 1038 году) пятнадцатилѣтняго мальчика Бенедикта IX, который успѣлъ уже десяти лѣтъ отъ роду (въ 1033 г.) побывать на престолѣ св. Петра, но былъ изгнанъ противной партіей за слишкомъ рано обнаружившуюся испорченность. Возстановилъ его Конрадъ за покорность своей волѣ. Оттуда императоръ пошелъ на югъ, но выдержавши нѣсколько неудачныхъ стычекъ съ норманнами, торжественно съ ними заключилъ миръ и союзъ. Затѣмъ ему пришлось поспѣшить на сѣверъ, гдѣ опять вспыхнуло противъ него возстаніе; не успѣвши справиться съ нимъ, императоръ вернулся въ Германію. Это вторичное возстаніе, кое-какъ улаженное преемникомъ Конрада, показало всю тщету попытокъ императора какъ-нибудь упорядочить соціальныя отношенія въ Верхней Италіи: собственно, еще съ 1037 года на бумагѣ существовалъ законъ, по которому всѣ мелкіе вассалы были утверждены во владѣніи своими землями, въ видѣ наслѣдственной аренды; на прокормленіе имперскаго войска они должны были вносить припасы въ опредѣленной нормѣ; наконецъ, судить ихъ имѣли право лишь судьи, назначенные

императоромъ, особенно въ тяжбахъ, гдѣ были замѣшаны интересы ихъ и феодаловъ. Но въ жизнь, повидимому, этотъ феодальный кодексъ проникалъ не безъ труда: національное броженіе сильно спутывало и затрудняло всѣ соображенія имперской власти.

Въ 1039 году, уступая престолъ германскаго и итальянскаго короля и римскаго императора сыну своему Генриху III, Конрадъ оставлялъ Италію все въ томъ же положеніи, которое не мѣнялось сколько-нибудь значительно уже много десятилѣтій: неспокойствіе на сѣверѣ, шаткій, зависимый и отъ римскихъ партій, и отъ имперіи римскій престолъ, югъ, разоряемый разбойничьими набѣгами норманновъ. Только яснѣе стала звучать та струна, которая уже послышалась въ требованіи папы отъ императора Генриха II дополнительнаго обѣта покорности (столь ничтожнаго для непосредственнаго настоящаго, и столь замѣчательнаго для будущаго). Подъ прямымъ воздѣйствіемъ Клюнійскаго монастыря, управлявшагося ученымъ и авторитетнымъ аббатомъ Одилономъ, Генрихъ III издалъ одобренный уже Конрадомъ знаменитый эдиктъ о Божіемъ мирѣ для Германіи (Конрадъ пробовалъ ввести его въ Италіи еще предъ своею смертью). По этому Божіему миру съ вечера среды до утра понедѣльника всякія военныя дѣйствія между враждующими сторонами должны были прекращаться. Это благодѣяніе, исходившее отъ церкви и принятое свѣтской властью, благодѣяніе, слишкомъ живо понятое всею Европою, было первымъ и яркимъ проявленіемъ иниціативы духовной власти въ области свѣтскихъ дѣлъ.

Умиротворивши (хотя только въ шесть лѣтъ) сѣверную Италію, Генрихъ III въ 1045 году отправился въ Римъ, чтобы разобрать споры партій изъ за папскаго престола. Послѣ нѣсколькихъ, неимѣющихъ никакого значенія перемѣнъ, произведенныхъ императоромъ въ личномъ составѣ претендентовъ на престолъ, онъ назначилъ папою сначала одного нѣмецкаго епископа (подъ именемъ Климента VII), а когда тотъ умеръ, римляне избрали себѣ другого, но также присланнаго императоромъ, Льва IX. Случилось это въ концѣ 1048 года, и этотъ годъ составляетъ демаркаціонную линію въ исторіи папства: папою сдѣлался человѣкъ, находившійся подъ прямымъ вліяніемъ Гильдебранда.

V.

Отъ 1048 до 1054 года на папскомъ престолѣ находился Левъ IX, отъ 1054 до 1057 Викторъ II, отъ 1057 до 1058 Стефанъ IX, отъ 58 до 59 Бенедиктъ X, отъ 59 до 61 Николай II, отъ 61 до 73 Александръ II,—и только съ 1073 года понтификатъ достался Гильдебранду, и однако, мы можемъ, игнорируя всѣхъ этихъ папъ даже Николая II - говорить только и исключительно о политикѣ, тенденціяхъ и волѣ одного Гильдебранда. Онъ былъ сначала тайною, потомъ явною могущественною пружиною, двигавшею всю политику Рима за двадцать пять лѣтъ, предшествующія его понтификату, эпохѣ высшаго напряженія исторической драмы, въ которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. У Гильдебранда мы видимъ двѣ основныя цѣли, одну—первичную, другую играющую болѣе или менѣе вспомогательную роль. Первая цѣль была необъятно широка, и хотя не въ мозгу Гильдебранда возникла, но имъ была выражена, облечена въ конкретныя формы. Мысль о царствѣ Божіемъ на землѣ, о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, о соединеніи всего христіанства въ одно стадо пасомыхъ и управляемыхъ рукою царя-первосвященника, идея теократической всемірной монархіи принадлежитъ къ числу тѣхъ политическихъ химеръ, которымъ нельзя отказать ни въ широтѣ размаха фантазіи, ни въ своеобразной поэзіи. Этотъ идеалъ для среднихъ вѣковъ былъ подчеркнутъ и развитъ въ книгѣ блаженнаго Августина *), которой, какъ извѣстно, зачитывался Карлъ Великій. Дѣйствительно, была уже давно непримиримая логическая двойственность въ отношеніяхъ папства и имперіи: папство создало имперію, т. е. воскресило титулъ и дало его могущественному Карлу. Это было сдѣлано подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и потому, что взять на себя колоссальную миссію главы объединеннаго христіанства, т. е. главы-теократа, царя - первосвященника, папа не могъ. Слѣдовало для этого имѣть больше мірского могущества, чѣмъ какое было въ рукахъ государя римской Кампаньи. Шли вѣка, папство попало

*) De civitate Dei.

въ полную зависимость отъ имперіи, но эти мечты, періодически воскрешаемыя обрядомъ коронованія германскихъ королей римскою короною, не погибали, онѣ только надолго забывались. Вотъ этотъ теократическій идеалъ и составилъ первую цѣль, выросшую предъ Гильдебрандомъ. Вторая цѣль отчасти являлась условіемъ для достиженія первой, отчасти составляла необходимость, черезъ которую надо было папству перешагнуть, чтобы смѣть мечтать о настоящей побѣдѣ: эта вторая цѣль заключалась въ полной моральной и юридической реформѣ церкви, въ подготовкѣ воинства, нужнаго папѣ для его дальнѣйшихъ плановъ. Клюнійское движеніе весьма много сдѣлало съ начала X вѣка до средины XI для осуществленія такой реформы: оно намѣтило и подчернуло всѣ главнѣйшія больныя мѣста въ организаціи и жизни клира. Замѣчательный публицистъ, современникъ Гильдебранда, Петръ Даміани и другіе менѣе выдающіеся его соратники окончательно выяснили намѣченные клюнійцами пункты, тѣ Ахиллесовы пяты, которыя папа долженъ былъ какъ-нибудь обезопасить и прикрыть, если онъ желалъ дальнѣйшаго движенія къ своей первой, завѣтной цѣли. Инвеститура, симонія и бракъ священниковъ,—вотъ три объекта нападеній Гильдебранда, Петра Даміани и другихъ реформаторовъ XI вѣка. Еще Даміани къ инвеститурѣ относится не особенно рѣшительно, но другіе считали ее страшною бѣдою для церкви. Инвеститура состояла въ правѣ свѣтскихъ властителей давать по произволу епископскія и иныя духовныя должности. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ изъ противниковъ инвеституры *) характеризуетъ ее: „инвеститура въ христіанскомъ обществѣ является началомъ разложенія и разрушенія. Въ надеждѣ дослужиться до епископскаго сана, духовныя лица, покинувъ свои церкви, поступаютъ на службу къ свѣтскимъ князьямъ, смѣшиваясь съ толпою чиновниковъ и царедворцевъ. Иные даютъ крупныя взятки не только царямъ, но и ихъ придворнымъ, чтобы съ помощью послѣднихъ добиться выгоднаго назначенія; другіе мечтаютъ о смерти того или другого епископа, на мѣсто коего они сами мѣтятъ. А

*) Цитир. въ книгѣ кн. Трубецкого «Религіозно-общественный идеалъ».

по полученіи желаемаго такіе епископы становятся угодливыми пастырями и не смѣютъ изобличать пороковъ сильныхъ міра сего, коимъ они обязаны своимъ назначеніемъ: они съ тѣмъ и назначены, чтобы льстить и потворствовать этимъ грѣхамъ своихъ свѣтскихъ покровителей. Не думая о спасеніи пасомыхъ, эти свѣтскіе прелаты предаются роскоши мірской и заботятся о соколиной и псовой охотѣ больше, нежели о канонахъ церковныхъ. Вопреки правиламъ церкви, которыя воспрещаютъ епископамъ отлучаться далѣе трехъ недѣль изъ ихъ каѳедральныхъ церквей, многіе изъ нихъ посѣщаютъ свои діоцезы не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ годъ, а нѣкоторые и вовсе отсутствуютъ. Примѣромъ епископовъ заражается и низшее духовенство... Чтобы заслужить милость князей, низшіе чины клира также по порученію своихъ мірскихъ начальниковъ занимаются всякими мірскими дѣлами, несовмѣстимыми съ духовнымъ званіемъ, и превращаются въ придворныхъ интригановъ. Такъ падаетъ стѣна, раздѣляющая клиръ отъ міра, и изъ инвеституры выростаетъ симонія".

Симоніей называлась покупка духовными лицами у свѣтскихъ властей, зависѣвшихъ отъ этихъ властей — назначеній на епископскія каѳедры. „Инвеститура", т. е, „облаченіе" съ внѣшней стороны выражалась въ томъ, что пастырскій посохъ и кольцо вручались государемъ назначаемому епископу, и уже одно это возмущало реформаторовъ: выходило, что духовной власти предоставляется только совершить помазаніе *уже назначеннаго* епископа. Но и симонія приводила ихъ въ неменьшее негодованіе.

Въ сущности, симонія вовсе не связывалась необходимо съ инвеститурой: купля и продажа духовныхъ должностей за деньги энергично отвергалась такими приверженцами инвеституры, какъ, напримѣръ, императоръ Генрихъ III. Продаются за деньги должности епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, экономовъ и церковныхъ привратниковъ; продаются церкви и монастыри; продаются и церковныя требы, — такъ что во всемъ христіанскомъ мірѣ ничто не остается непроданнымъ. И некому заступиться за невѣсту Христову: ибо отъ высшихъ и до низшихъ ступеней іерархіи всѣ ею торгуютъ, всѣ продаютъ и покупаютъ; продавцами являются — императоръ, короли, князья и судьи мірскіе... Эти сѣтованія публицис-

товъ-реформаторовъ не только всецѣло раздѣлялись Гильдебрандомъ, но и нашли въ немъ наиболѣе энергичнаго своего глашатая. И этого было еще мало: кромѣ симоніи и инвеституры, и третья „язва церкви" привлекала къ себѣ негодующее вниманіе реформаторовъ. Уже на Латеранскомъ соборѣ 1050 года папа Левъ IX приглашаетъ (конечно, подъ прямымъ вліяніемъ Гильдебранда), чтобы всѣ христіане избѣгали всякого общенія съ клириками „прелюбодѣями", другими словами съ женатыми священниками. Публицистическій походъ противъ брака духовныхъ лицъ, съ такой силою развитый Петромъ Даміани, привелъ такимъ образомъ къ энергичной кампаніи въ пользу безбрачія духовенства. Несомнѣнно, на безбрачіе Гильдебрандъ смотрѣлъ какъ на одно изъ весьма важныхъ условій внутренней крѣпости и внѣшняго богатства той огромной арміи клириковъ, которая ему была такъ нужна для осуществленія дальнѣйшихъ цѣлей его политики. Церковныя деньги и земли, кормившія безполезную для папы родню священнослужителей, должны были приносить послѣ уничтоженія конкубината огромные доходы римскому престолу; наконецъ, холостые священники, несравненно менѣе женатыхъ связанные со своимъ мѣстомъ жительства и потому менѣе зависимые отъ территоріальныхъ властей, являлись вполнѣ пригоднымъ орудіемъ начинавшейся боевой папской политики. Если клирики освободятся отъ женъ, они освободятся и отъ рабскаго подчиненія мірянамъ,— въ такую формулу сложилось убѣжденіе Гильдебранда. Такой—при всей химеричности своихъ общихъ цѣлей трезвый, практическій политикъ, какъ Гильдебрандъ разумѣется, видѣлъ вполнѣ ясно, что насильственное расторженіе браковъ, грозное преслѣдованіе конкубината, нежданный-негаданный запретъ молодымъ клирикамъ вступать въ бракъ, что всѣ эти мѣры поведутъ къ такому броженію внутри церковнаго организма, которое ничего ему, кромѣ вреда, не принесетъ.

Поэтому онъ рѣшилъ призвать на помощь лицъ, если не морально, то матеріально заинтересованныхъ въ проведеніи реформы. Дѣло въ томъ, что въ Ломбардіи, съ самаго начала пятидесятыхъ годовъ XI в., т. е. со времени перваго призыва папы Льва IX къ борьбѣ съ женатыми священниками не прекращались смуты и

безпокойства. Значительная часть духовенства была рѣшительно противъ новыхъ реформаторскихъ теченій какъ относительно брака, такъ и относительно симоніи: феодальное дворянство, связанное съ клиромъ выгодами, проистекавшими отъ симоніи, стояло на его сторонѣ. Простой же народъ, т. е. крѣпостная и полусвободная масса, ожидая для себя большихъ выгодъ отъ проектируемаго безбрачія духовенства, предполагая, что благотворительность клира возрастетъ при новыхъ порядкахъ, всецѣло находился подъ вліяніемъ партіи патаровъ, аскетической группы, представлявшей въ Ломбардіи новыя реформаторскія идеи. Гильдебрандъ весьма быстро вошелъ въ прямыя сношенія съ патарами: сначала въ Ломбардію былъ посланъ Петръ Даміани, а вслѣдъ за тѣмъ — это было въ концѣ понтификата Стефана IX — въ Миланъ, въ качествѣ легата папы отправился самъ Гильдебрандъ. Здѣсь онъ прямо проповѣдовалъ народнымъ массамъ о необходимости насильственныхъ мѣръ противъ симоніаковъ и женатыхъ священниковъ, а всѣ прежнія насилія патаровъ получили отъ него полную санкцію. Борьба въ Ломбардіи самымъ явнымъ образомъ клонилась въ пользу реформаторовъ, и, помимо своего мѣстнаго вліянія для Италіи, этотъ союзъ римскаго престола съ народной массой получилъ существенное моральное значеніе и для остальной Европы, въ частности для Германіи. Становилось уже ясно, къ какому ближайшему этапу направляется политика Гильдебранда: за двадцать пять лѣтъ своей дѣятельности въ качествѣ перваго папскаго совѣтника Гильдебрандъ успѣлъ совершенно изолировать римскій престолъ отъ имперіи, тогда какъ, въ сущности, еще при императорѣ Генрихѣ III церковно-реформаторскія тенденціи (особенно относительно симоніи) всецѣло раздѣлялись главою имперіи. У Гильдебранда была та общая черта съ Наполеономъ I, что, создавая безбрежно фантастическіе проекты, онъ трезво, упорно и дальновидно приступалъ къ первымъ стадіямъ ихъ осуществленія; въ психикѣ обоихъ этихъ людей какъ будто дѣйствовало два ума: одинъ химеричный, создававшій утопіи будущаго, другой—трезвый, холодный, хитрый, практическій, зрѣло и дальновидно распоряжавшійся настоящимъ. Гильдебрандъ не упускалъ изъ виду, что въ дѣлѣ объединенія запад-

наго христіанства ему придется конечно, встрѣтить на своемъ пути созданную его предшественниками Священную римскую имперію. Наступало время, когда необходимо было покончить съ этой двойственностью, показать Европѣ, кто центръ христіанства, глава и повелитель его,—императоръ или папа; вотъ почему Гильдебрандъ призвалъ на помощь папству въ его борьбѣ съ симоніей и бракомъ духовенства не императора, а постороннюю силу, темную народную массу. Нелѣпымъ и непослѣдовательнымъ было бы подкрѣплять въ Италіи императорскій авторитетъ, создавая изъ него защитника популярныхъ въ народѣ церковныхъ преобразованій; Гильдебрандъ не хотѣлъ, создавая послушную армію клириковъ, призывать на помощь въ этомъ дѣлѣ того самаго врага, для сокрушенія котораго эта армія предназначалась. Итакъ, реформаторскія тенденціи имперіи заглохли и умышленно не были пущены въ дѣло. Но если къ такому результату, съ одной стороны, привела искусная политика Гильдебранда, то, съ другой стороны, и случайное стеченіе обстоятельствъ не мало ему содѣйствовало.

VI.

Въ 1059 году, по совѣту и замыслу Гильдебранда, папа Николай II издалъ декретъ, которымъ упорядочивалъ дѣло папскихъ выборовъ. По новому порядку право выбора папы предоставлялось только римскимъ кардиналамъ, безъ всякаго участія остального (даже римскаго) духовенства и римскаго народа, а также безъ какой бы то ни было санкціи императора. Впрочемъ, послѣдній пунктъ былъ выраженъ необыкновенно политично и тонко. Тогда же Николай II, также по желанію Гильдебранда, завелъ чрезвычайно дружелюбныя сношенія съ герцогомъ южно-итальянскихъ норманновъ Робертомъ Гискаромъ. Всѣ эти дѣйствія съ достаточною для современниковъ ясностью показывали, куда Гильдебрандъ направляетъ „корабликъ св. Петра“, naviculum Sancti Petri, по живописному выраженію тогдашнихъ лѣтописей. Обезпечивая себя союзами съ ближайшими территоріальными властителями, освобождаясь совершенно своевольно отъ всякой имперской

опеки, Гильдебрандъ обнаруживалъ и явное намѣреніе предпринять ожесточенную борьбу съ имперіей, и нѣкоторую увѣренность, что имперія не сможетъ во́-время парализовать его подготовительныхъ усилій. Такая самонадѣянность папы не мало объясняется характеромъ лица, занимавшаго въ тѣ времена императорскій престолъ. Подробности, касающіяся жизни и воспитанія Генриха IV, конечно, не могутъ входить въ рамки общей работы, посвященной исторіи Италіи; намъ достаточно будетъ вспомнить, что условія воспитанія и весь строй дѣтской и отроческой жизни Генриха IV сдѣлали императора человѣкомъ избалованнымъ, легкомысленнымъ и раздражительнымъ и даже для того времени безнравственнымъ. Цѣлый рядъ политическихъ безтактностей и дерзкихъ выходокъ по отношенію къ герцогамъ сдѣлалъ то, что и тюрингенцы, и баварцы, и швабы, и въ особенности саксонцы возненавидѣли императора. Втеченіе всѣхъ шестидесятыхъ годовъ XI в. въ Германіи не прекращались смуты и вооруженныя возстанія. Гильдебрандъ, обезпечивая Римъ съ юга (норманнскимъ союзомъ) и съ сѣвера (столь нужной ему дружбою патаровъ) внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Альповъ. Онъ видѣлъ, что единственная сила, которой еще можно было опасаться въ имперіи—національное нѣмецкое единеніе — таетъ не по днямъ, а по часамъ, и чѣмъ больше запутывались дѣла Генриха, тѣмъ болѣе быстрымъ темпомъ шли дѣйствія Гильдебранда. Въ 1703 г. умеръ папа Александръ II, и Гильдебрандъ сдѣлался Григоріемъ VII. Генрихъ IV былъ слишкомъ занятъ внутренними неустройствами, чтобы отнестись съ надлежащимъ вниманіемъ къ выбору Григорія безъ всякаго предувѣдомленія императора. Онъ, правда, послалъ въ Римъ довѣренное лицо, но Гильдебрандъ со свойственными ему находчивостью и осторожностью, какъ всегда, желая, чтобы время начала борьбы зависѣло не отъ врага, а отъ него, заявилъ, что онъ только „по принужденію“ предварительно не увѣдомилъ императора и поспѣшилъ принять папское достоинство помимо своей воли. Не до папскихъ отговорокъ было Генриху: война съ саксонцами вступила въ довольно критическій фазисъ; 1074 и 1075 годы были временемъ жесточайшихъ схватокъ Генриха съ саксонцами; подобно

многимъ малодушнымъ и легкомысленнымъ людямъ императоръ то прощалъ своихъ враговъ, то бралъ свое прощеніе назадъ и предательски нападалъ на нихъ; то обнаруживалъ чрезмѣрную боязнь, то гордое упованіе на свои силы. Онъ наконецъ прибѣгнулъ къ опросу всѣхъ сословій на покорной ему имперской территоріи, желаютъ ли они отомстить за поруганную будто бы саксонцами императорскую честь, и, получивши утвердительный отвѣтъ, предпринялъ опустошительный походъ въ Саксонію. Такой опросъ являлся и ненужной и опасной мѣрой предъ тѣмъ временемъ, когда дѣйствительно императоръ съ гораздо бо́льшимъ правомъ могъ потребовать дѣятельной поддержки всей націи, предъ эпохою борьбы съ Григоріемъ. А въ эти годы уже выяснилось, что безъ борьбы не обойдется. Началось дѣло съ того, что Григорій сталъ активно преслѣдовать симонію въ Германіи: онъ смѣстилъ нѣсколькихъ епископовъ, получившихъ свои должности за деньги. Случайно или изъ тонкой дипломатіи папа сперва смѣнилъ лицъ, непріятныхъ императору, и конечно ужъ Генрихъ IV не оказался способнымъ на принципіальный протестъ. Далѣе, онъ приказалъ всѣмъ германскимъ священникамъ прогнать отъ себя своихъ женъ и дѣтей, а несогласныхъ и противящихся декрету о безбрачіи, Григорій объявилъ недостойными священнослужительскаго сана. Роль миланскихъ патаровъ, папскихъ приверженцевъ и агитаторовъ въ пользу безбрачія — въ Германіи съиграли главнымъ образомъ монахи: благодаря ихъ подстрекательствамъ и въ Германіи не обошлось безъ насилій и надругательствъ надъ тою частью духовенства, которая противилась вводимой реформѣ. Наконецъ, въ 1075 г. Григорій открыто возсталъ противъ инвеституры, безраздѣльно царившей въ Германіи, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ уничтожить зависимость епископскихъ мѣстъ отъ воли свѣтскихъ лицъ, онъ послалъ къ Генриху легатовъ, которые развѣдавши уже въ деталяхъ о тяжеломъ и неустойчивомъ положеніи императора, предстали предъ Генрихомъ съ рѣшительнымъ требованіемъ отказаться отъ инвеституры и еще болѣе рѣшительнымъ предложеніемъ явиться въ Римъ для оправданія предъ папою въ своемъ поведеніи. Это послѣднее требованіе являлось чѣмъ-то уже совершенно новымъ и противузаконнымъ,

какимъ-то вполнѣ революціоннымъ шагомъ; Григорій обнаружилъ вполнѣ ясно, какая цѣль лежала предъ нимъ за симоніей, инвеститурою и безбрачіемъ духовенства. На Генриха IV поступокъ папы произвелъ самое раздражающее дѣйствіе и онъ тотчасъ же собралъ Вормскій епископскій соборъ, гдѣ было подобрано очень много враговъ папы. Соборъ, дѣйствуя съ своей стороны такъ же незаконно, какъ и самъ папа, низложилъ Григорія VII, который, конечно, проклялъ тотчасъ же своихъ обвинителей и отлучилъ отъ церкви императора. Послѣ нѣсколькихъ запальчивыхъ обмѣновъ посланіями Григорій отлучилъ отъ церкви всѣхъ своихъ враговъ и объявилъ, что присяга, принесенная нынѣ проклятому императору, недѣйствительна. Весьма любопытно, что папа обѣщаетъ свою милость и прощеніе всѣмъ симонистамъ и непокорнымъ женатымъ священникамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они оставили императора. Ударъ былъ нанесенъ необыкновенно удачно; возмущеніе противъ императора, всегда тлѣвщее и часто разгоравшееся въ Германіи, сразу обнаружило необыкновенный приливъ силъ.

Германскіе князья, которымъ папа грозилъ проклятіемъ, если они будутъ поддерживать императора, а также тѣ изъ нихъ, уже отлученные, которымъ Григорій обѣщалъ прощеніе, если они оставятъ императора, объявили Генриху, что если онъ въ годовой срокъ не примирится съ папой, то будетъ низверженъ съ престола. Слишкомъ извѣстно, что за симъ послѣдовало. Генрихъ съ женою и маленькимъ сыномъ долженъ былъ совершить трудное паломничество черезъ Альпы, явиться въ Каноссу, и послѣ трехдневнаго покаянія, обставленнаго съ умысломъ самыми унизительными деталями, онъ получилъ наконецъ (25 января 1077 г.) папское прощеніе, хотя и весьма условное. Для насъ важно отмѣтить, что именно въ Италіи и въ частности въ Ломбардіи Генрихъ нашелъ гораздо больше поддержки, чѣмъ въ Германіи. Объясняется это тѣмъ, что поколѣніе 70-хъ годовъ XI в. уже не помнило временъ сильныхъ императоровъ, ибо послѣднее вмѣшательство имперіи въ итальянскія дѣла относится еще къ сороковымъ годамъ—временамъ Генриха III. Имѣть дѣло съ заальпійскимъ, далекимъ и занятымъ внутренними смутами императоромъ казалось Ломбардскимъ феода-

[illegible] предпочтительнѣе, чѣмъ повиноваться властолюбивому папѣ, который вполнѣ недвусмысленно обнаруживалъ, что одною изъ [illegible] прерогативъ онъ считаетъ главенство надъ свѣтскими [illegible]. Поэтому примиреніе Генриха съ папою они встрѣтили весьма несочувственно. Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ Генриха съ выставленнымъ противъ него претендентомъ Рудольфомъ швабскимъ, Григорій VII, не смотря на свое яко бы примиреніе съ императоромъ, долго не зналъ, чью взять сторону: и не надѣялся онъ на Генриха, и хотѣлось ему своею могущественной въ данный моментъ поддержкою обязать будущаго императора Рудольфа, и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было высчитать шансы побѣды одного и другого претендента. Въ концѣ концовъ папа сталъ на сторону Рудольфа и послалъ ему корону съ надписью, говорившею, что папа даетъ ее Рудольфу, какъ намѣстникъ Петра (...Petrus diadema Rudolpho). Генрихъ съ удвоенною силою, побуждаемый чувствомъ мщенія за униженіе, возобновилъ борьбу. Въ 1080 году онъ снова низложилъ Григорія VII и заставилъ выбрать новаго папу, вскорѣ затѣмъ напалъ на Рудольфа, и претендентъ погибъ отъ смертельной раны, полученной въ сраженіи. Папа и императоръ остались лицомъ къ лицу; теперь уже обстоятельства складывались въ пользу Генриха. Папа, ничуть не смиряясь на словахъ, ничуть не смягчая своихъ притязаній, неустанно проклиная императора, долженъ былъ все-таки думать уже не о нападеніи, но о защитѣ. Сѣверная Италія (въ лицѣ главныхъ феодаловъ) надежной защиты не представляла. Генрихъ, помирившись со своими нѣмецкими врагами и запасшись въ Ломбардіи союзниками, двинулся въ Италію, чтобы захватить наконецъ своего смертельнаго врага. Тогда папа обратился къ главному государю южной Италіи, герцогу норманнскому Роберту Гискару, съ которымъ у него и раньше были (на всякій случай) дружескія отношенія. Послѣдніе годы жизни Григорія [illegible]ли не веселы. Генрихъ тѣснилъ его; норманны, единственная его [illegible]а, старались сдѣлать его своимъ орудіемъ, заставляли гордаго [illegible]освященника съ ласкою и почетомъ относиться къ еретику, [illegible]зматику и самозванцу, претенденту на византійскій престолъ. [illegible]ончательное раздѣленіе церквей, происшедшее за тридцать лѣтъ

(1054 г.) вырыло пропасть между Римомъ и Константинополемъ, и все же вслѣдствіе своего зависимаго положенія папа долженъ былъ мѣшаться въ интриги норманнскаго герцога, касавшіяся Византіи, да еще поддерживать явный обманъ. Въ 1082—4 году Генрихъ осадилъ и занялъ Римъ, а папа, не мирясь съ нимъ, осыпая его проклятіями, бѣжалъ въ замокъ св. Ангела. Римское населеніе, весьма холодно относившееся къ Григорію VII, оставалось вполнѣ спокойно. Когда же Генрихъ, не дождавшись сдачи Григорія, ушелъ въ Германію, Робертъ Гискаръ освободилъ папу, сжегъ и разорилъ Римъ, а жителей (особенно много женщинъ) обратилъ въ рабство. Послѣ этого разбойничьяго набѣга норманновъ городъ долго не могъ оправиться. Вскорѣ затѣмъ, подтвердивши предъ смертью проклятіе противъ императора, папа Григорій VII умеръ въ Салерно (въ 1085 году). Извѣстны его предсмертныя слова: „я любилъ правду, ненавидѣлъ несправедливость—и за то умираю въ изгнаніи“. Человѣкъ желѣзной воли, обширныхъ замысловъ, дальновидной политической сообразительности, Григорій не былъ близорукимъ фанатикомъ. Когда онъ видѣлъ, что французскій король Филиппъ I и Вильгельмъ Завоеватель его не боятся, онъ имъ уступалъ; когда онъ сознавалъ, что норманнскій варваръ требуетъ у него поддержки своимъ интригамъ, онъ эти интриги поддерживалъ, потому что варваръ ему былъ нуженъ. Политикъ въ немъ преобладалъ. Петръ Даміани назвалъ его „святымъ сатаною“; дѣйствительно, при всей своей твердости характера, честолюбіи, безпощадности, черствости, Гильдебрандъ никогда не думалъ о своихъ личныхъ интересахъ, но всегда только объ интересахъ церкви.

Италія при немъ страдала отъ тѣхъ же золъ, какъ и при его предшественникахъ; споръ объ инвеститурѣ, на время отодвинутый борьбою Генриха за корону, а Григорія за тіару,—этотъ споръ, такъ сильно волновавшій умы ихъ современниковъ, рѣшенъ пока не былъ. Борьба, впрочемъ, должна была затянуться далеко за предѣлы той эпохи, когда она возникла, и къ ненормальнымъ условіямъ исторической жизни Италіи (ненормальнымъ въ томъ смыслѣ, что Италія была лишена самыхъ примитивныхъ условій

территоріальной безопасности) прибавилось еще одно: непрерывная почти, иногда глухая, чаще открытая борьба папства съ имперіей, состязаніе, ареною котораго всегда съ тѣхъ поръ была не Германія, но Италія.

ИСТОЧНИКИ.

А. Для исторіи имперіи: наиболѣе доступное изданіе *Видукинда*, *Титмара*, *Росвиты*, *Гильдесгеймскихъ* и *Кведлинбургскихъ анналъ*, *Германа Калѣки*, *Бертольда Констанцкаго*, *Ламберта фонъ-Ашаффенбурги*, *Вальтрама* и *Адама Бременскаго* въ Geschichtsschreiber der Deutschen Vorzeit (Berl. 2-е изд. 1890—1892). Превосходный нѣмецкій переводъ изъ Monumenta germ. historica. Маленькіе и очень дешевые отдѣльные томики.

Б. Для исторіи Италіи и папства: 1. Liutprandus, Antapodosis. Латинское изданіе (1840) Пертца, нѣмец. перев. Ваттенбаха въ указанной коллекціи Geschichtsschreiber etc.

2. Chronicon Salernitanum (коллекц. Muratori, часть 2-я, томъ I, стр. 287—303).

3. Gulielmus Apuliensis (изд. въ Mon. germ., scriptores, т. IX, стр. 240).

4. Annales Barenses (изд. въ Monum. germ. hist., script., т. V, стр. 51).

Важнѣйшія пособія.

1. Кн. Трубецкой. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. (Кіевъ, 1897). Полезно уже *послѣ* ознакомленія съ книгою Вязигина.

2. Вязигинъ. „Папа Григорій VII (въ Біограф. библ. Павленкова), популярный очеркъ спеціалиста по исторіи папства въ XI столѣтіи.

3. Соотвѣтствующія главы у Брайса, „Священная римская имперія“.

4. Giesebrecht. „Geschichte der deutschen Kaiserzeit (2-te Aufl.), подробный анализъ отношеній между имперіей и Германіей.

5. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom, тт. 3 и 4 (для IX и X вв. въ исторіи папства).

6. Кудрявцевъ, Каролинги въ Италіи (Собр. соч., т. 1).

7. Бубновъ (Біографія папы Сильвестра II и характеристика временъ Оттона III) „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историч. источникъ", т. 3-ій (Спб. 1889).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ломбардскія городскія общины и борьба имперіи съ папствомъ въ XII вѣкѣ.

I.

Нѣтъ никакой возможности продолжать изложеніе дальнѣйшей борьбы между имперіей и папствомъ, не разсказавши раньше о томъ, какъ возникла третья посторонняя сила, существенно вліявшая на перипетіи борьбы. Этою силою были ломбардскіе торговые города, которые и независимо отъ своего участія въ пререканіяхъ и войнахъ папъ съ императорами, являются любопытнымъ порожденіемъ историческаго развитія Италіи. Недаромъ Костомаровъ къ концу жизни такъ сильно заинтересовался ломбардскимъ средневѣковьемъ: онъ могъ надѣяться почерпнуть здѣсь кое-какія указанія, которыя историку Новгорода и „Сѣверно-русскихъ народоправствъ" казались нелишенными интереса аналогіи.

Въ послѣднія времена имперіи, въ V вѣкѣ положеніе сѣверо-италійскихъ муниципій было чрезвычайно тяжко, такъ какъ гнетъ императорскаго фиска особенно тяжело на нихъ отражался. При остготахъ жизнь этихъ муниципій почти совсѣмъ замерла, а когда пришли лангобарды (давшіе свое имя сѣверу Италіи), то ломбардскіе города первые и больше всѣхъ почувствовали на себѣ руку завоевателей. Въ моментъ прихода лангобардовъ общая масса всего

городского населенія сѣверной Италіи дѣлилась на слѣдующія группы. 1) Первое мѣсто на соціальной лѣстницѣ занимали важные чиновники (византійскаго правительства, такъ какъ вѣдь приходъ лангобардовъ состоялся въ 568 г., послѣ тринадцатилѣтняго владычества восточной имперіи, смѣнившей въ свою очередь остготовъ, см. 1-ю гл.). 2) За ними слѣдовали духовенство, 3) куріалы (или municipes), свободные землевладѣльцы, обладавшіе земельною собственностью въ 25 югеровъ земли, 4) купцы и ремесленники (хотя, разумѣется, въ эти времена натуральнаго хозяйства и купцы, и ремесленники не могли составлять особенно замѣтной количественно группы населенія, и, 5) наконецъ, рабы. (Колоны, о которыхъ уже говорилось въ предшествующемъ изложеніи, жили внѣ городовъ, на обрабатываемой землѣ). Придя, лангобарды издали законы (эдикты Ротариса, Гримоальда, Ліутпранда) носившіе чисто территоріальный характеръ, т. е. обязательный для всѣхъ, живущихъ на занятой варварами территоріи, — какъ для римлянъ, такъ и для другихъ народовъ. Мы видѣли уже, что постепенно въ лангобардскомъ государствѣ началъ развиваться обычай отдаваться подъ покровительство, начали появляться феодальныя отношенія, укрѣпившіяся въ IX и X-мъ вв. Что касается до городовъ (а Ломбардія всегда, съ римскихъ временъ еще, была страною городовъ), то они считались находящимися подъ особымъ покровительствомъ лангобардскихъ королей. Каждый городъ съ окружающей его (неопредѣленныхъ размѣровъ) территоріею составлялъ особую единицу (civitas), управлявшуюся особымъ лангобардскимъ сановникомъ — дукомъ, судьею или гастальдомъ: эти три названія обозначали одно и то же главное административное лицо, обладавшее и судебною властью. Компетенція епископа такъ же, какъ и этого дука, распространялась и на городъ, и на его территорію. Король жилъ въ Павіи, чиновники его управляли Вероною, Брешіей, Пармою, Бергамо и другими городами, изъ которыхъ главными оставались — Туринъ, Миланъ, Лукка. Въ сущности главная судебная власть принадлежала, какъ сказано, дуку, но нѣкоторые историки (во главѣ ихъ Савиньи) утверждаютъ, что въ судопроизводствѣ участвовали и шеффены (scabini), представители населенія. Конечно, всякіе слѣды муниципальнаго старо-римскаго

строя были начисто уничтожены и забыты за двѣсти лѣтъ лангобардскаго владычества. Когда Карлъ Великій уничтожилъ лангобардское государство, судьбы тамошнихъ городовъ измѣнились весьма мало: по прежнему король (только уже не просто лангобардскій, но „франкскій и лангобардскій“) стоялъ во главѣ страны, попрежнему его чиновники (уже не дуки, а графы) управляли городами; измѣнились только названія и титулы. Въ одномъ лишь отношеніи франкское владычество сразу же дало себя чувствовать: судъ шеффеновъ уже безспорно и повсемѣстно распространился въ странѣ. Шеффены (т. е. извѣстное количество ассистентовъ съ правомъ голоса) обыкновенно въ числѣ семи человѣкъ присутствовали при судебномъ разбирательствѣ, на которомъ роль предсѣдателя принадлежала правительственному чиновнику; иногда этихъ лицъ было 12. Шеффены собственно назначались правительственною властью, но при участіи всей свободной части народа, дававшей свое одобреніе этому назначенію. Вообще свободное населеніе Ломбардіи при Каролингахъ обладало (кромѣ участія въ назначеніи шеффеновъ) еще правомъ или обязанностью участвовать въ войнѣ и правомъ личной свободы; на нихъ были возложены довольно тяжелыя подати, которыя дѣлались еще тяжелѣе отъ пріемовъ, практиковавшихся чиновниками при взысканіи. Такое положеніе вещей мало по малу заставляло свободныхъ людей либо дѣлаться бродягами и нищими (и, дѣйствительно, памятники много говорятъ объ этихъ явленіяхъ въ IX—X—XI вв.), либо, по примѣру свободныхъ колоновъ, жертвовать своею свободою и отдаваться подъ покровительство крупнаго феодала, монастыря или церкви. Избавиться отъ необезпеченнаго безпріютнаго положенія, отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ государству,—вотъ что заставляло и при Каролингахъ, и въ смутныя времена конца IX-го и начала X-го вв., и позже—свободныхъ горожанъ Ломбардіи дѣлаться вассалами. Но все же не весь свободный классъ исчезъ въ городахъ; наиболѣе устойчивые его элементы выдержали эти тяжелыя времена. Пока происходили эти соціальныя измѣненія, рядомъ съ ними возникало своеобразное политическое установленіе, сыгравшее большую роль въ подготовкѣ городскихъ коммунъ въ Ломбардіи и извѣстное подъ именемъ церковныхъ иммунитетовъ.

II.

При завоеваніи Ломбардіи Карлъ Великій не переставалъ заботиться, чтобы въ этой странѣ (какъ и въ другихъ его владѣніяхъ) власти свѣтская и духовная шли рука объ руку, помогая одна другой въ сохраненіи мира и порядка. Церковь стала при немъ одною изъ наиболѣе благопріятствуемыхъ государственныхъ силъ; не довольствуясь тѣмъ, что епископамъ было предоставлено Карломъ Великимъ вмѣшиваться въ управленіе и въ административныя дѣла графовъ, Каролинги щедрою рукою раздавали церкви иммунитеты. Право иммунитета, даваемое особымъ патентомъ, заключалось въ слѣдующемъ: всѣ церковныя земли, пользующіяся правомъ „иммунитета", совершенно были изъяты отъ какой бы то ни было свѣтской власти, ихъ населеніе управлялось и судилось исключительно властями духовными — аббатомъ монастыря, епископомъ. Два ограниченія, не особенно существенныя, сопровождали дарованіе иммунитета: 1) если свободный человѣкъ, проживавшій на общегосударственной территоріи велъ тяжбу съ кѣмъ-либо изъ жившихъ на иммунитетной землѣ, такой процессъ переносился на судъ графа и его ассистентовъ — шеффеновъ, иначе говоря, на судъ общій для всей страны. 2) Если на иммунитетной землѣ укрывался бѣжавшій преступникъ, церковныя власти обязаны были его выдать графу; иначе графъ могъ нарушить иммунитетъ, т. е. границы неприкосновенныя для него по закону и вторгнуться въ церковную территорію и силою овладѣть преступникомъ. Рядомъ съ церковными широко распространенными иммунитетами, при Каролингахъ стали развиваться иммунитеты свѣтскіе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Процвѣтанію церковныхъ иммунитетовъ не мало способствовало то обстоятельство, что духовенство было большею частію происхожденія лангобардскаго, и лангобардское населеніе, рѣшаясь отдаться подъ покровительство, выбирало для этого духовныхъ феодаловъ, своихъ соотечественниковъ, а не свѣтскихъ, — сподвижниковъ франкскаго завоевателя. Число ...ловъ въ церковныхъ и монастырскихъ иммунитетахъ росло

такимъ образомъ весьма быстро. Къ срединѣ IX столѣтія можно считать приблизительно третью часть ломбардской территоріи, пользовавшеюся правомъ иммунитета и составлявшею такимъ образомъ государство въ государствѣ. Мало того, при послѣднихъ итальянскихъ Каролингахъ и ихъ преемникахъ, во время постоянныхъ смутъ и отсутствія прочной власти, т. е. въ концѣ IX и первой половинѣ X вѣковъ, епископы успѣли получить въ иммунитетное владѣніе цѣлые города. Въ 892 году Модена, въ 903 году Бергамо, въ 942 году (и вторично, въ видѣ подтвержденія въ 983) Кремона были отданы въ иммунитетное владѣніе епископамъ этихъ городовъ. При Оттонахъ этотъ процессъ развитія иммунитетовъ и умаленія территоріальной власти нѣсколько замедлился, но не остановился: далекая Ломбардія была такимъ мѣстомъ, гдѣ императорамъ германскимъ неудобно было возбуждать противъ себя все духовенство. Въ 962 году (въ самый годъ своего императорскаго коронованія) Оттонъ I даровалъ иммунитетъ епископу города Асти; въ 973 году Оттонъ II расширилъ (территоріально) иммунитетныя права епископа Бергамо; въ 1037 году иммунитетнымъ владѣніемъ стала Брешія, въ 997—(при Оттонѣ III) Пьяченца, еще раньше (въ 924) Парма и Реджіо. Въ XI столѣтіи императоры франконскаго дома часто давали епископамъ (помимо иммунитета) всѣ права намѣстника и судьи надъ нѣсколькими сосѣдними графствами; это также, конечно, способствовало усиленію церковнаго могущества въ сѣверной Италіи. Впрочемъ, нужно замѣтить, что такое чрезмѣрное усиленіе и территоріальное расширеніе епископской власти совсѣмъ не имѣло мѣста въ Падуѣ, Мантуѣ, Веронѣ и Тревизо, въ мѣстахъ всетаки находившихся подъ властью епископовъ на правахъ иммунитетовъ. По мѣрѣ того, какъ распространялись церковные иммунитеты, имъ сопутствовало паденіе государственной власти: графы, при Карлѣ и первыхъ Каролингахъ простые намѣстники государя, смѣняемые чиновники, — когда территорія, подвѣдомственная имъ, дѣлалась церковнымъ иммунитетомъ,— становились, конечно, лишними, ибо всѣ ихъ функціи переходили къ епископу,—и удалялись въ собственныя помѣстья, въ которыхъ въ свою очередь мало-по-малу становились иммунитетными владѣль-

цами. Такимъ то образомъ свѣтскіе иммунитеты слѣдовали за церковными, и вся Ломбардія понемногу превращалась въ мозаику маленькихъ феодальныхъ царствъ,—какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Это установленіе иммунитетовъ и повліяло весьма значительно на выработку коммунальнаго строя ломбардскихъ городовъ. Прежде всего, благодаря иммунитетамъ ломбардскіе города были какъ бы выдѣлены изъ состава имперскихъ владѣній, сдѣлались особыми административными центрами съ судьею-администраторомъ, т. е. епископомъ во главѣ. Въ тѣ времена слабаго, едва только начинавшагося развитія національнаго чувства, въ эпоху быстро развивавшагося феодализма, подѣлившаго все западно-европейское человѣчество на рядъ возвышающихся одинъ надъ другимъ слоевъ, ломбардскіе города очутились въ положеніи замкнутыхъ ассоціацій, объединенныхъ жизнью въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ и подчиненныхъ одной и той же власти. Верховная власть императора надъ Ломбардіей продолжала существовать, но о ней рѣчь шла, такъ сказать, въ чрезвычайныхъ, экстренныхъ случаяхъ, а повседневныя, будничныя отношенія были таковы, что объ императорѣ ломбардскій горожанинъ могъ и не вспоминать совсѣмъ. Епископъ и окружающее его духовенство были центромъ всѣхъ административныхъ, политическихъ и судебныхъ отправленій городской жизни; мало того, епископъ выбирался городскимъ населеніемъ, и клирикъ, попадавшій на епископское мѣсто, выходилъ изъ рядовъ горожанъ, зналъ ихъ потребности, тѣсно былъ съ ними связанъ. Такимъ путемъ позволительно утверждать, что уже въ X—XI вв. въ ломбардскихъ городахъ текла общинная жизнь, подготовлявшая почву къ возникновенію самоуправляющихся коммунъ. Эта общинная жизнь уже стала получать свое юридическое признаніе: Мантуя получила въ 1014 г. отъ императора Генриха II хартію, данную *всему свободному ея населенію*, съ торжественнымъ обѣщаніемъ покровительства, защиты отъ обидъ, изъятія отъ нѣкоторыхъ общегосударственныхъ повинностей и податей. Въ 1055 г. такую же хартію получила Феррара, въ 1081 г.—Пиза, въ 1114 г.—Кремона, въ 1116 г.—Болонья. Эти хартіи, между прочимъ, избавляли города отъ обязанности содер-

жать на постоѣ имперскія войска; пожалуй, только эта привилегія и была важною и крупною новостью, въ остальномъ же хартіи лишь подтверждали ту степень самостоятельности, которой горожане со своимъ выборнымъ епископомъ достигли, благодаря иммунитетамъ. Но все же моральное значеніе хартій было велико: подобно новгородцамъ, постоянно ссылавшимся на свои старинныя права, ломбардскіе горожане, втеченіе всѣхъ неспокойныхъ временъ своей исторіи, всегда ссылались именно на эти привилегіи. Немаловажнымъ послѣдствіемъ иммунитетовъ и хартій явилось обособленіе городского класса отъ земледѣльческаго, деревенскаго, попавшаго въ обыкновенныя, общія всей тогдашней Европѣ феодальныя рамки жизни. Въ городахъ, окруженныхъ стѣнами, жилось безопаснѣе, чѣмъ въ деревнѣ и на хуторѣ, и потому, при постоянныхъ набѣгахъ мадьяровъ, при ссорахъ крупныхъ феодаловъ, — городское населеніе всегда возрастало отъ прилива бѣглецовъ. Еще съ конца IX столѣтія въ итальянскихъ городахъ стала развиваться торговая дѣятельность. Амальфи, Пиза, Генуя, Венеція являлись въ IX—X вв. центрами не только итальянской, но и европейской торговли. Тамъ были рынки, складочныя мѣста товаровъ, привозимыхъ изъ Александріи и Константинополя. Еще при Оттонахъ возникла торговля между Ломбардіей и Германіей, такъ что ломбардскіе торговые города сдѣлались посредниками между восточными рынками и сѣверными потребителями. Впрочемъ, подробнѣе на этой торговлѣ мы остановимся, когда будемъ говорить о Венеціи, жившей своею совершенно особенною жизнью втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, ибо Венеція является и піонеркою, и главною представительницею итальянской торговли. Здѣсь же будетъ лишь умѣстно указать на тотъ фактъ, что торговля, обогащая и усиливая ломбардскіе города, дѣлала ихъ обитателей способными, въ случаѣ надобности, реальною силою поддерживать тѣ политическіе порядки, которые начинали развиваться уже подъ вліяніемъ иммунитетовъ и хартій, и къ которымъ горожане все больше и больше привязывались. Еще до полнаго процвѣтанія ломбардской торговли въ XI вѣкѣ было далеко, такъ же, какъ далеко еще было городамъ до полнаго самоуправленія; и то, и другое пришло лишь сто лѣтъ спустя. Можетъ быть, благодаря болѣе спокойнымъ

условіямъ жизни, а можетъ быть, и случайно именно Ломбардія дала въ XI вѣкѣ цѣлый рядъ ученыхъ писателей: философъ и богословъ Ланфранкъ былъ павійцемъ (родился въ 1005 г. приблизительно), св. Ансельмъ, Гильдебрандъ, Петръ Даміани — также вышли изъ Ломбардіи.

Лѣтописецъ XII столѣтія Оттонъ Фрейзингенскій удивляется въ своей хроникѣ отсутствію тѣхъ соціальныхъ перегородокъ въ Ломбардіи, которыя составляли общее явленіе въ его время. „Люди низшаго состоянія, ремесленники, занятые самыми презрѣнными ремеслами, которыхъ другія націи не подпускаютъ къ исправленію должностей и занятій благородныхъ и достойныхъ свободнаго человѣка, — эти люди (въ Ломбардіи) достигаютъ высшихъ степеней и опоясываются рыцарскимъ мечемъ“, — говоритъ онъ. Впрочемъ, врядъ ли это обстояло такъ уже идиллически: въ городѣ жили 1) богатыя и знатныя лица, феодалы, проводившіе тамъ часть года и бравшіе съ собою часть вассаловъ и слугъ; 2) свободные горожане, занимавшіеся торговлею и ремеслами; 3) такъ называемые вальвассоры, мелкое дворянство, составлявшее нѣчто среднее между знатными феодалами и простыми горожанами: къ первымъ они были близки по происхожденію, ко вторымъ по имущественному положенію; 4) простой народъ, не свободный (vulgus), въ составъ котораго входили лица, бывшія подъ покровительствомъ болѣе сильныхъ горожанъ (и сюда проникла феодализація отношеній), и рабы; наконецъ, 5) духовенство, которое играло въ X и XI вв. и даже отчасти въ XII и XIII весьма крупную роль, вслѣдствіе своей профессіональной близости къ административно-судебному и церковному центру — епископскому дворцу. Едва-ли можно допустить въ XII столѣтіи уже такое сліяніе сословій, на которое намекаетъ вышеприведенное мѣсто изъ Оттона Фрейзингенскаго, но что перечисленныя группы городского населенія скорѣе могли вступать между собою въ сношенія, чѣмъ тѣ же сословія внѣ городскихъ стѣнъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Ломбардскій городъ привыкалъ противополагать свои общіе интересы интересамъ папства, имперіи, всѣхъ боровшихся и волновавшихся вокругъ него силъ, а также интересамъ и другихъ городовъ.

Въ самомъ началѣ XI вѣка Пиза воюетъ съ Луккою, Миланъ—съ Лоди и съ Павіей; въ первой трети того же вѣка начинается въ Ломбардіи враждебное движеніе противъ нѣмцевъ, возмущеніе противъ Генриха II, противъ Конрада II (въ 1026, 1037 гг.). Очевидно, города уже чувствовали въ себѣ и потребность, и силу попытаться низвергнуть послѣдніе слѣды имперской зависимости. Это имъ, конечно, не сразу удалось. XI вѣкъ, вѣкъ борьбы папства съ имперіею, долженъ былъ поставить ребромъ вопросъ: на чью сторону передадутся географическіе посредники между двумя врагами, т. е. ломбардскіе города? Вопросъ этотъ рѣшился еще, когда Гильдебрандъ не былъ папою. Въ прошлой главѣ мы говорили о сектѣ патаровъ, возникшей въ Ломбардіи и сильно помогавшей Гильдебранду проводить идеи церковной реформы, отмѣны симоніи и брака духовныхъ лицъ; мы сказали, что простой классъ сталъ на сторону реформы и поддался внушенію патаровъ, а классъ могущественныхъ феодаловъ оказался противникомъ реформы, но долженъ былъ уступить. Объясняется это, кромѣ уже указанныхъ мотивовъ – ожиданія большихъ благъ отъ безбрачнаго клира, еще слѣдующимъ соображеніемъ. Всѣ, кромѣ феодаловъ, т. е. значитъ, почти все городское населеніе стояло за реформу, которую проводилъ Римъ на томъ основаніи, что Римъ для горожанъ былъ весьма желательнымъ союзникомъ въ ихъ начинавшейся глухой борьбѣ съ имперіею, а для феодаловъ, какъ уже сказано, близкій папа казался страшнѣе далекаго императора, ни въ чемъ ихъ не стѣснявшаго. Въ томъ же XI столѣтіи выдвинулся на историческую сцену городъ, взявшій на себя трудную роль гегемона ломбардскихъ городовъ въ ихъ долгой борьбѣ съ имперіею. Еще въ X вѣкѣ Миланомъ управлялъ, но почти только номинально, графъ, зависимый отъ императора (Оттона I и др.). Однако, уже тогда власть миланскаго архіепископа являлась первенствующей и преобладающей; полнымъ церковнымъ иммунитетомъ Миланъ не былъ, но церковь владѣла въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ такими громадными землями, что архіепископъ, пользуясь иммунитетомъ въ этихъ владѣніяхъ, оказывалъ рѣшающее давленіе на всѣ дѣла въ территоріи, даже не прямо отъ него зависѣвшей. Въ концѣ X и началѣ XI в. въ Миланѣ

обозначились двѣ партіи: итальянская, тяготѣвшая къ избранію въ короли итальянскіе какого-нибудь мѣстнаго владѣтеля, и нѣмецкая, вѣрная имперіи; обыкновенно при всякихъ перемѣнахъ въ престолонаслѣдіи въ Миланѣ происходила борьба между партіями. До конца XI вѣка Миланъ сильно враждовалъ съ Павіею, вторымъ по величинѣ городомъ Ломбардіи, и съ Лоди: причины вражды заключались въ политическихъ несогласіяхъ относительно имперіи (несогласіяхъ, не всегда принципіальныхъ, чаще случайныхъ, такъ какъ вѣдь ни одинъ изъ этихъ городовъ не придерживался неизмѣнной политики) и въ обычныхъ сосѣдскихъ ссорахъ. Съ теченіемъ времени партія Рима, церковная, стала возвышаться въ Миланѣ и затмила собою партію имперскую. (Что касается до „итальянской"—то она слилась съ церковной: архіепископъ явился связующимъ звеномъ между ними). Между многими другими причинами этому содѣйствовала широкая благотворительность церкви въ эпоху такихъ бѣдствій, какъ, напр., трехгодичный голодъ (1030—1033 гг.); архіепископъ дѣлалъ чудеса благотворительности и, положительно, спасъ половину населенія отъ голодной смерти. Жестокія экзекуціи, постигшія Ломбардію при Генрихѣ II, Конрадѣ II и отчасти Генрихѣ III вслѣдствіе попытокъ отложиться, еще болѣе отвратили Миланъ отъ имперіи. Ко временамъ Конрада II относятся тѣ соціальныя смуты, о которыхъ намъ пришлось уже упомянуть въ прошлой главѣ. Случилось это около 1034—1035 гг. Дѣло въ томъ, что мелкое землевладѣльческое сословіе (вальвассоры) и арендаторы съ давнихъ поръ привыкли смотрѣть на обладаніе своею землею, какъ на вѣчную наслѣдственную аренду, за которую они обязаны извѣстными податями крупнымъ феодаламъ, верховнымъ собственникамъ. Крупные же синьоры обнаружили тенденцію прекратить эти порядки и, раздѣливши свои земли на болѣе мелкіе участки, раздать ихъ большему количеству арендаторовъ. Помимо иныхъ выгодъ, эта комбинація сулила имъ увеличеніе числа зависимыхъ вассаловъ, столь нужныхъ въ тѣ неспокойныя времена. Вальвассоры возмутились противъ синьоровъ, началась вооруженная борьба, и рѣшителемъ спора явился императоръ. „Если Италія жаждетъ закона, я ее насыщу",—сказалъ Конрадъ, отправляясь въ Ломбардію.

Здѣсь произошло весьма характерное явленіе: императоръ велѣлъ арестовать архіепископа, стоявшаго на сторонѣ синьоровъ, и тогда вальвассоры обнаружили негодованіе и примкнули къ своимъ врагамъ для общей борьбы противъ нѣмцевъ и ихъ повелителя! Конраду (вышедшему изъ города) пришлось осадить Миланъ. Во время осады, 28 мая 1037 г., онъ особымъ эдиктомъ подтвердилъ за вальвассорами ихъ вѣчную и наслѣдственную аренду, но это мало утишило поднявшіяся національныя страсти. Страшно разоряя окрестности Милана, императоръ, оставивши осаждающій гарнизонъ, пошелъ въ Кремону—на встрѣчу къ папѣ. Папа отлучилъ—по его настоянію—отъ церкви мятежнаго архіепископа (Ариберта), но и это не помогло. Начались болѣзни въ нѣмецкомъ войскѣ, и Конрадъ ушелъ за Альпы, обязавъ вѣрныхъ ему итальянскихъ державцевъ докончить осаду, взять Миланъ и наказать мятежниковъ. Неутомимый архіепископъ велѣлъ всѣмъ горожанамъ стать подъ знамена; въ качествѣ палладіума, эмблемы независимости ихъ города, онъ далъ миланцамъ (тогда же выдуманную имъ) колесницу, запряженную волами съ высокимъ древкомъ по срединѣ ея, съ золотымъ яблокомъ и двумя знаменами на древкѣ. Эта колесница (carоссiо) всегда въ сраженіяхъ была окружена отборнымъ отрядомъ; каррочіо перешло потомъ и въ другіе ломбардскіе города, и память о немъ осталась надолго въ сѣверо-итальянскихъ преданіяхъ. Въ 1039 году Конрадъ II умеръ, и осадное войско при извѣстіи о его смерти ушло въ Германію, преслѣдуемое и избиваемое освобожденными миланцами. Послѣ этой блестящей побѣды надъ императоромъ, Миланъ сталъ играть большую роль въ ломбардскихъ дѣлахъ. Но этимъ не кончилось. Вальвассоры и синьоры, примиренные эдиктомъ Конрада и общею своею борьбою противъ него, соединились съ тѣхъ поръ въ одну землевладѣльческую, дворянскую группу, объединенную феодальными отношеніями и противопоставленную большинству горожанъ. Начались внутреннія междоусобія, пока, наконецъ, побѣда не осталась за горожанами. Феодалы и вальвассоры ушли изъ города и засѣли въ крѣпкихъ замкахъ недалеко отъ Милана, а горожане отправили посольство къ императору Генриху III съ просьбою о помощи и покровительствѣ. Императоръ согласился съ условіемъ,

чтобы миланцы принесли ему присягу въ вѣрности и *позволили* ввести въ городъ 4000 чел. войска. Горожане согласились-было на все, но потомъ испуганные перспективою нѣмецкаго нашествія, furor'a teutonicus'a, котораго они такъ боялись, завели переговоры съ феодалами и примирились съ ними (въ 1045 г.). Въ мирномъ условіи, правда, пришлось упомянуть о верховныхъ правахъ императора, но войскъ его уже впускать имъ не нужно было. Такимъ образомъ, сложный переплетъ соціальнаго антагонизма и національныхъ чувствъ сильно отражался на судьбахъ Милана въ первой половинѣ XI вѣка; вторая половина этого столѣтія дала ломбардской исторіи еще новые элементы, новое содержаніе.

III.

Послѣднее обращеніе горожанъ къ императору настолько подняло упавшій—было (послѣ пораженія Конрада II) императорскій авторитетъ, что послѣ кончины архіепископа-патріота Ариберта, выдержавшаго тяжелую борьбу съ Конрадомъ,—миланцы должны были принять навязаннаго императоромъ архіепископа Гвидона. Гвидонъ былъ отъявленнымъ симонистомъ и противникомъ реформы, вводимой подъ вліяніемъ Гильдебранда; онъ сталъ во главѣ миланскаго духовенства, извѣстнаго своею веселою и отнюдь не аскетическою жизнью. Поддерживали Гвидона знатные феодалы, но большинство горожанъ его не любило, такъ какъ находилось подъ вліяніемъ реформаторскихъ идей, шедшихъ изъ Рима. Вотъ что пишетъ современникъ о тогдашнемъ миланскомъ клирѣ. „Миланскіе клирики погрязали въ такихъ и столькихъ порокахъ, что едвали между ними былъ хоть одинъ, достойный своего положенія. Одни со своими собаками и соколами предавались охотѣ, другіе содержали таверны, были безжалостными ростовщиками. Почти всѣ они вели постыдную жизнь съ женщинами, которыхъ они открыто сдѣлали своими женами или любовницами. Всѣ гнались не за пользою для Христа, но за пользою для себя; они настолько коснѣли въ симоніи, что всѣ степени и посты духовные покупались, какъ скотъ, за деньги“. Во всей Ломбардіи—въ Павіи, Асти, Брешіи наблюдалось то же явленіе:

духовенство стояло за старые порядки, горожане—за реформу. Впервые въ ломбардской исторіи проявился этотъ антагонизмъ между духовенствомъ и горожанами, такъ какъ вѣдь именно подъ покровомъ иммунитетовъ и церковной власти города нѣсколько эмансипировались отъ императорской власти. Но и этотъ антагонизмъ явился необыкновенно кстати для дальнѣйшаго развитія коммунальныхъ вольностей: онъ освободилъ горожанъ онъ всеобъемлющей суприматіи епископовъ во внутреннихъ дѣлахъ города. Во главѣ реформаторской партіи, носившей насмѣшливое названіе патаровъ, сталъ Ансельмъ, каноникъ церкви св. Амвросія въ Миланѣ, человѣкъ, представлявшій исключеніе въ своемъ сословіи. Когда Ансельмъ сдѣлался (въ 1061 г.) папою подъ именемъ Александра II, то естественно онъ сталъ оказывать еще болѣе существенную поддержку своимъ единомышленникамъ. Смуты и раздоры между двумя партіями продолжались довольно долго; когда Гильдебрандъ (въ 1073 г.) вступилъ на папскій престолъ, онъ энергично вмѣшался въ миланскія дѣла. Въ борьбѣ папы съ Генрихомъ IV миланцы и вообще ломбардскіе горожане всецѣло поддерживали папу, а ломбардскіе феодалы—Генриха, хотя послѣ униженія въ Каноссѣ и феодалы перестали его поддерживать. Той же политики горожане держались и при послѣдующей стадіи борьбы папства съ имперіей, уже послѣ смерти Григорія и Генриха. Вообще XI вѣкъ принесъ городамъ Ломбардіи, во первыхъ, сознаніе своего значенія, какъ драгоцѣнныхъ союзниковъ любой изъ враждующихъ сторонъ и, во вторыхъ, тенденцію къ общимъ согласнымъ дѣйствіямъ, къ единенію между отдѣльными городами. Въ 1117 году въ Ломбардіи произошло несчастіе: сорокадневное землетрясеніе произвело страшныя разрушенія въ Веронѣ, Кремонѣ, Миланѣ, Пармѣ, Венеціи и другихъ городахъ. Тогда архіепископъ миланскій Іорданъ, предсѣдатель совѣта 18 консуловъ миланской общины (впервые въ 1107 году упоминается о подобномъ учрежденіи) созвалъ общій совѣтъ всѣхъ епископовъ и выборныхъ отъ ломбардскихъ городовъ. Этотъ совѣтъ имѣлъ якобы главною своею цѣлью „умиротворить Ломбардію, воскресить добродѣтели, искоренить пороки“ и тѣмъ умилостивить разгнѣванное Провидѣніе, но на самомъ дѣлѣ цѣль была менѣе возвышенною:

просто миланцы желали собрать обще-ломбардскую лигу противъ императора Генриха V, не прекращавшаго послѣ смерти отца своего (Генриха IV) борьбы съ папствомъ. Дѣло въ томъ, что по смерти Гильдебранда и Генриха IV борьба не прекращалась совершенно, и только въ 1122 году былъ заключенъ между императоромъ Генрихомъ V и папою Вормскій конкордатъ, по которому императоръ отказывался съ незначительными оговорками отъ права инвеституры. Но и послѣ конкордата отношенія между Ломбардіей и императоромъ отнюдь не улучшились по той простой причинѣ, что ломбардскіе горожане думали и во время, и послѣ борьбы не столько объ интересахъ Рима, сколько о своихъ собственныхъ.

Духъ непосредственной практичности и трезвости далъ возможность ломбардскимъ горожанамъ въ XII столѣтіи извлечь изъ мірового событія — крестовыхъ походовъ — такія же существенныя матеріальныя выгоды, какія они извлекли въ предшествовавшемъ вѣкѣ изъ другого мірового событія — борьбы папства съ имперіею. Сѣверная Италія почти совсѣмъ не приняла участія въ крестовыхъ походахъ; еще феодалы отправлялись (хотя также не особенно большими группами) искать приключеній въ Палестинѣ, но горожане не двинулись съ мѣста. XII вѣкъ окончательно упрочилъ гегемонію богатаго и многолюднаго Милана надъ всѣми ломбардскими городами. Въ смутахъ, сопровождавшихъ послѣ смерти Генриха V (1125 г.) воцареніе на германскомъ и ломбардскомъ престолѣ династіи Гогенштауфеновъ, обнаружилось, что миланцы не отступаютъ ни предъ чѣмъ, ни даже предъ навязываніемъ своего кандидата въ короли всей Ломбардіи. Но сильно мѣшали миланцамъ ихъ внутренніе раздоры, глухая, правда, замирающая уже борьба между симонистами и реформаторами, а также вполнѣ живой антагонизмъ между высшимъ духовенствомъ и укрѣплявшимися на своихъ позиціяхъ приверженцами новой общинной свободы. Когда (подъ вліяніемъ, между прочимъ, Бернарда Клервальскаго) эти раздоры нѣсколько утихли, устройство миланской общины (а по ея образцу и другихъ общинъ Ломбардіи) достигло наконецъ отчетливости государственно-правовыхъ нормъ. Вотъ въ чемъ оно состояло.

Во главѣ городской общины,—насколько этотъ порядокъ обрисовывается изъ разныхъ, нерѣдко, вполнѣ случайныхъ актовъ и извѣстій,—стоятъ должностныя лица, носящія большею частью названіе консуловъ. Выбирали этихъ консуловъ три „первыя" сословія города: феодалы, вальвассоры (мелкое дворянство) и простые горожане (plebs, который нужно отличать отъ vulgus — рабовъ и вообще несвободныхъ лицъ). Консуловъ было приблизительно 18—21, по 6 или по 7 отъ каждаго сословія; въ тѣхъ городахъ, гдѣ дворянство не подраздѣлялось на крупное и мелкое, на феодаловъ и вальвассоровъ, тамъ выбирали два сословія: дворянство и остальные свободные горожане, также по 6—7 человѣкъ, и общее число консуловъ равнялось не 18—21, но 12—14. Наконецъ, гдѣ либо дворянство, либо свободные горожане одни составляли рѣшающую силу, тамъ только одно сословіе и выбирало консуловъ, и ихъ было въ такихъ мѣстахъ 6 — 7. Трудно установить въ точности, когда именно епископы, до сихъ поръ владыки ломбардскихъ городовъ, начали фактически уступать свою власть консуламъ; во всякомъ случаѣ процессъ этотъ захватилъ почти три четверти XII-го столѣтія. Власть консуловъ была административно-судебною; нужно замѣтить, что шеффены, прежніе судебные ассистенты при графѣ или епископѣ, отправлявшемъ правосудіе, были удержаны новымъ порядкомъ вещей: они остались ассистентами при тѣхъ маленькихъ коммиссіяхъ изъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ человѣкъ, которыя выдѣлялись консулами изъ своей среды для отправленія суда и для расправы. Такъ было въ особенности въ гражданскихъ, имущественныхъ тяжбахъ; что касается до уголовнаго правосудія, то на участіе въ немъ долго еще, почти до XIV вѣка слышны претензіи со стороны и духовныхъ лицъ, и крупныхъ свѣтскихъ владѣтелей: средніе вѣка до такой степени сжились съ вотчинною юстиціей и съ духовными судами, что въ этой области новые ломбардскіе порядки прививались не такъ скоро. Власть епископовъ, безпрерывно падавшая и уменьшавшаяся, повсемѣстно была низведена въ XII вѣкѣ почти къ нулю; положеніе ихъ вездѣ ухудшалось тѣмъ, что за долгія столѣтія своего владычества, епископы перестали дѣлать различіе между землями, въ которыхъ они пользовались иммунитетными правами,

и городомъ (даже если не весь городъ былъ ихъ иммунитетомъ). Теперь, когда ихъ власть пошла на убыль, они теряли значеніе не только въ городѣ, но и въ своихъ иммунитетныхъ земляхъ. Такимъ образомъ, государственная власть, власть имперскихъ намѣстниковъ, графовъ была въ IX — X вв. эскамотирована, расхищена епископами, а власть епископовъ въ свою очередь въ XII столѣтіи перешла къ городскимъ избранникамъ —консуламъ.

Консулы выбирались, какъ сказано, тремя сословіями и изъ трехъ сословій, а иногда двумя и даже однимъ сословіемъ: смотря по городу и по составу населенія. Выборы происходили по территоріальнымъ участкамъ, т. е. городъ дѣлился на кварталы и каждый кварталъ (т. е. *всѣ* его жители, имѣющіе право голоса, собранные вмѣстѣ) выбиралъ любого кандидата (принадлежащаго непремѣнно къ одному изъ указанныхъ трехъ сословій). Итакъ, выборы были не посословные, а поголовные, что, разумѣется, было весьма выгодно большинству, т. е. среднему, свободному городскому классу. Всѣ консулы составляли консульскую коллегію, члены которой пользовались одинаковыми правами и рѣшали дѣла простымъ большинствомъ голосовъ; одинъ изъ коллегіи выбирался своими товарищами въ предсѣдатели. Выбирались консулы, повидимому, на одинъ годъ, хотя нельзя утверждать, что это правило имѣло повсемѣстную силу. Кремона, Генуя, Феррара и нѣкоторые другіе города пользовались правомъ не представлять своего выбора на утвержденіе императора; иные города въ такомъ утвержденіи нуждались. Впрочемъ, власть императора до того была слаба надъ Ломбардіей въ XII столѣтіи, что утвержденіе являлось пустою фикціею. Далѣе, консулы считались начальниками надъ городскою милиціею, распорядителями финансовъ, охранителями общественнаго спокойствія. Съ теченіемъ времени, когда политическія отношенія Ломбардіи осложнились, между членами консульской коллегіи функціи были раздѣлены. Одни занимались исключительно судопроизводствомъ, другіе—исключительно администраціей и военнымъ дѣломъ. Для среднихъ вѣковъ это раздѣленіе властей глубоко знаменательно. Трудно въ точности установить, насколько въ этомъ измѣненіи играло роль начавшееся въ XII вѣкѣ въ Ломбардіи изученіе нормъ римскаго права, но такъ или иначе въ лом-

бардскихъ городахъ de facto началъ осуществляться принципъ раздѣленія власти, тогда какъ въ остальной Европѣ царила еще полная смута и путаница и въ юридической теоріи, и въ юридической практикѣ.—Въ области управленія консулы имѣли собственно, главнымъ образомъ, значеніе политической власти: законодательное, рѣшающее значеніе получили возникшія рядомъ съ консульскими коллегіями такъ называемыя *креденцы*. Consilia credentiae (или попросту credenze) были собраніями довѣренныхъ лицъ города; ихъ выбирали тѣ же три сословія и такимъ же порядкомъ, какъ и консуловъ, только членовъ креденцы должно было быть гораздо больше. Сколько ихъ было, въ точности сказать невозможно; въ источникахъ говорится о креденцахъ съ 50 — 60 членами, но, конечно, число ихъ варіировалось, смотря по городу. Креденца имѣла законодательную и распорядительную власть, и безъ ея согласія консулы, простые исполнители, не вправѣ были предпринимать никакихъ мало-мальски важныхъ шаговъ.

Итакъ, полнота и источникъ власти заключались въ рукахъ всей совокупности полноправныхъ обитателей города — крупныхъ дворянъ (капитановъ), мелкихъ (вальвассоровъ) и горожанъ (буржуазіи, въ средневѣковомъ смыслѣ слова). Эта совокупность избирателей носила названіе общественнаго собранія (concio publica), полнаго собранія (concio plena) и пр. Свою полную, суверенную власть избиратели дѣлили между креденцою (совѣтомъ законодателей), консулами (администраторами-исполнителями) и консулами-судьями. Но, передавъ власть избранникамъ, „общее собраніе" далеко не всегда и не вездѣ отрекалось отъ политической дѣятельности впредь до новыхъ выборовъ: нерѣдки были случаи (а въ XIII столѣтіи они сдѣлались почти общимъ правиломъ), когда всѣ полноправные граждане, собравшись-ли вмѣстѣ на подобіе русскаго вѣча или отдѣльными группами — по кварталамъ, приказывали консуламъ сдѣлать то-то и то-то. При такомъ прямомъ вмѣшательствѣ, конечно, становилась загадочною роль креденцы, но при полномъ отсутствіи цѣльныхъ и логичныхъ конституціонныхъ актовъ такими ненормальностями конституціонной жизни, повидимому, никто не смущался. Впрочемъ, вмѣшательство шло не только изъ среды избирателей, но

и со стороны судей: судьи, т. е. консулы, облеченные судебною властью и окруженные своими ассистентами-шеффенами, составляли особую коллегію, совѣтъ судей. Этотъ совѣтъ судей имѣлъ право принимать участіе въ засѣданіяхъ креденцы и подавать тамъ свой голосъ: изъ всѣхъ средневѣковыхъ конституцій только арагонская (хотя въ нѣсколько иномъ видѣ), изолируя и обезпечивая судебную власть отъ вторженія въ ея компетенцію власти административной и распорядительной, въ то же время позволяла этой самой судебной власти вмѣшиваться въ область законодательно-административную. Впрочемъ, эту параллель слѣдуетъ принимать съ весьма существенными оговорками: старый арагонскій „хустисія маіоръ" подобно современному американскому верховному суду возвышается *надъ* правительственной властью и можетъ сказать свое послѣднее, безапелляціонное слово относительно всѣхъ административныхъ дѣйствій, а ломбардскіе совѣты судей поставлены по своему положенію *рядомъ* съ креденцами и консулами и лишь обладаютъ правомъ, участвуя *въ качествѣ особыхъ членовъ* креденцы въ административно-распорядительныхъ совѣщаніяхъ,— подать свой голосъ. Общая черта здѣсь одна: вмѣшательство въ административныя дѣла судебной власти, которая сама ограждена отъ всякаго вмѣшательства.

IV.

Цѣлый рядъ историческихъ условій, которыя мы пытались очертить въ этой главѣ, привели къ политической эманципаціи ломбардскихъ городовъ сначала изъ-подъ власти имперіи, потомъ изъ подъ-власти епископовъ; оживленная торговая дѣятельность ломбардскихъ горожанъ позволила имъ содержать свои и наемныя войска и защищать выработанныя права. Но мы погрѣшили бы противъ полноты изложенія, еслибы ничего не сказали о довольно существенномъ интеллектуальномъ факторѣ, способствовавшемъ политическому воспитанію сѣверо-итальянскихъ горожанъ и дальнѣйшей разработкѣ ихъ коммунальныхъ (общинныхъ) учрежденій.

Въ настоящее время доказано, что юстиніановы пандекты

римскаго права въ видѣ единственной уцѣлѣвшей рукописи вовсе не были выкопаны близъ Амальфи въ началѣ XII вѣка, какъ объ этомъ разсказывалось. Но, дѣйствительно, изученіе пандектовъ начинается въ Европѣ именно въ XII столѣтія и начинается въ ломбардскихъ городахъ. Почва для самаго жаркаго интереса къ римскому праву въ Ломбардіи была вполнѣ подготовлена: назрѣвали новыя потребности, возникали новыя учрежденія, дебатировались вопросы законодательства, государственнаго права, а примитивное, конкретное мышленіе средневѣковаго человѣка всегда съ неимовѣрнымъ трудомъ справлялось съ подобными абстракціями, какъ же было не ухватиться за вновь извлеченный изъ подъ спуда, авторитетный кладезь юридической премудрости, кодексъ Юстиніана? — Юридическій факультетъ въ Болоньѣ явился разсадникомъ комментаторовъ и юристовъ, посвятившихъ себя изученію римскаго права. Съ начала XIII вѣка весьма часто самыя серьезныя функціи возлагаются городами на этихъ юристовъ: напр., Больдусу, знатоку римскаго права, городъ Павія поручаетъ передѣлать свои „статуты“; Одофредъ, профессоръ болонскаго университета, вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ въ консульской коллегіи своего города; твореніе комментатора Аккурсія (ломбардца, жившаго въ концѣ XII и первой половинѣ XIII в., отъ 1182 до 1260 г.г) дѣлается настольною книгою у всѣхъ судей Ломбардіи. Любопытно, до какой степени римское право приспособляли къ своимъ надобностямъ и излюбеннымъ тенденціямъ люди, боровшіеся за прямо противоположные интересы; ломбардскіе города взяли изъ юстиніанова кодекса гражданское и уголовное право, и мнѣнія о томъ, что государственный (или,— что въ данномъ случаѣ то же самое,—городской) союзъ и его интересы выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ (феодаловъ и пр.); императоры и ихъ легисты воскресили законъ объ оскорбленіи величества и приведенную идею о преимущественномъ значеніи государства истолковали такъ, что имперія и императорская власть должна первенствовать надъ всѣми остальными силами, въ томъ числѣ и надъ своевольными ломбардскими общинами; наконецъ, послѣдователи Арнольда Бершіанскаго, ломбардскаго еретика, утверждали, что такъ какъ римское право есть ratio scripta, „писанный разумъ“, то сооб-

разно съ нимъ слѣдуетъ папу лишить власти надъ Римомъ и церковною областью и возстановить республику, нѣкогда тамъ существовавшую.

Воскрешеніе римскаго права совпало съ началомъ новаго фазиса борьбы папства съ имперіею, борьбы, въ которой должны были принять участіе и ломбардскіе города. Сравнительно болѣе спокойное царствованіе перваго Гогенштауфена окончилось, и на престолъ вступилъ его племянникъ Фридрихъ Барбаросса. Въ сущности Фридрихъ Барбаросса такъ же, какъ и врагъ его папа Александръ III, боролись изъ-за того же, изъ-за чего ихъ предшественники Григорій и Генрихъ не давали другъ другу покоя: изъ-за вопроса о суперматіи духовной власти. Но здѣсь коса нашла на камень. Подъ вліяніемъ-ли идей римскаго права о томъ, что императоръ есть источникъ всякаго закона и права, или вслѣдствіе прирожденнаго честолюбія, только императоръ Фридрихъ вовсе не довольствовался обороною императорской власти отъ посягательствъ духовной, но и противопоставилъ папскимъ претензіямъ свои собственныя; рѣчь шла уже не только о независимости имперіи, но о подчиненіи папъ императорамъ.

Папа со своею маленькою церковною областью представлялъ весьма ничтожную матеріальную силу, но у него были сильные союзники на югѣ и на сѣверѣ полуострова: норманны и ломбардскіе города. Норманны отъ императора вовсе не зависѣли, ломбардцы зависѣли только фиктивно, но и тѣ, и другіе имѣли всѣ выгоды и расчеты противодѣйствовать императору. Еще Конрадъ III, котораго очень безпокоили норманны, пытался заключить съ константинопольскимъ дворомъ наступательный союзъ противъ норманновъ, и только смерть помѣшала ему предпринять походъ противъ нихъ. Фридрихъ I, съ самаго начала царствованія, еще даже не ссорясь формально съ папствомъ, обнаружилъ явное желаніе выгнать вонъ норманновъ или, по крайней мѣрѣ, сильно отодвинуть ихъ къ югу, но это ему не удалось, и, предпринимая борьбу съ папствомъ, Фридрихъ не сломилъ еще своихъ враговъ. А борьба началась по той простой причинѣ, что императоръ широко пользовался уже потеряннымъ правомъ инвеститyры, назначалъ епископовъ по своей волѣ,

запрещалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимать отъ папы какіе бы то ни было дары или земли и пр. Когда въ 1159 году въ папы былъ выбранъ отъявленный врагъ Фридриха Александръ III, то императоръ отказался его признать и заставилъ (внѣ Рима, конечно) выбрать другого папу, а когда этотъ выбранный анти-папа умеръ, то императоръ велѣлъ выбрать ему преемника; Александръ III проклялъ императора, и борьба возгорѣлась съ страшной силой. Проклятіе не произвело такого дѣйствія, какъ сто лѣтъ тому назадъ, въ годину каносскаго униженія; Германія была покорна Фридриху, и онъ могъ тотчасъ же обратиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не тревожась за участь своей короны въ Германіи. Едва походъ противъ папы былъ рѣшенъ, сейчасъ же Фридрихъ столкнулся съ вопросомъ о ломбардскихъ городахъ, которые и раньше были ему ненавистны. Дѣло въ томъ, что въ X и до половины XI вѣка, имперія, слишкомъ поглощенная распрею съ папами, не обращала никакого вниманія на эволюцію, переживавшуюся ломбардскими городами, а когда и дарила ихъ вниманіемъ, то всегда благосклоннымъ, что и выражалось въ привѣтственныхъ грамотахъ, хартіяхъ и пр. Фридрихъ Барбаросса, человѣкъ временъ воскресшаго римскаго права, честолюбивый и деспотичный, вполнѣ согласно съ основнымъ принципомъ римскихъ юристовъ относительно императорской власти, какъ источника всякаго закона и всякихъ властей, заявилъ, что онъ не признаетъ никакихъ городскихъ правъ и учрежденій, которыя не могутъ быть оправданы и подтверждены какимъ-нибудь прямо исходящимъ отъ императора и короля Ломбардіи распоряженіемъ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ Фридрихъ намѣтилъ благодарнѣйшій предлогъ для вмѣшательства въ ломбардскія дѣла: гегемонія Милана давала себя слишкомъ ужъ тяжело чувствовать болѣе слабымъ общинамъ, вродѣ Комы или Лоди. Кома, Лоди, Павія и Кремона формально жаловались императору на самоуправство и угнетеніе, испытываемыя ими со стороны миланцевъ. Фридрихъ сразу принялъ сторону болѣе слабыхъ противъ самаго опаснаго съ его точки зрѣнія Милана. Начались его враждебныя дѣйствія противъ этого города, и вся Ломбардія раздѣлилась на двѣ партіи — враговъ и сторонниковъ императора. Такое дѣленіе объясняется „излишкомъ тираніи“

(какъ говорили современники) миланцевъ. Но въ первые годы (1155 — 1158) Барбаросса не успѣлъ уладить эту распрю къ своему удовольствію и долженъ былъ лишь ограничиться разрушеніемъ враждебной ему Тортоны и опросомъ Равенны и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, согласны ли они ему помогать въ борьбѣ противъ Милана. Получивши (въ началѣ 1158 г.) довольно благопріятный отвѣтъ отъ всѣхъ враговъ и завистниковъ Милана, Фридрихъ съ 100.000-мъ войскомъ, лѣтомъ 1158 года, вторгся въ Ломбардію. Брешія покорилась императору, союзники отпадали отъ Милана, городъ былъ въ полномъ смятеніи. Вскорѣ послѣ начала осады миланцы, видя всю нелѣпость сопротивленія, сдались на всѣ условія. Капитуляція была весьма тяжела. Всѣ они должны были принести присягу императору въ вѣрности; консулы получили право вступать въ отправленіе обязанностей лишь по утвержденіи императоромъ; городъ долженъ былъ выдать триста главныхъ гражданъ въ качествѣ заложниковъ и заплатить девять тысячъ ломбардскихъ марокъ; въ Миланѣ долженъ былъ быть воздвигнутъ дворецъ въ честь императора, и, наконецъ, все населеніе Милана должно было босымъ продефилировать между двумя рядами нѣмецкихъ солдатъ передъ Фридрихомъ, умоляя его о пощадѣ. Все это было исполнено. Фридрихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Милана созвалъ въ Ронкаліи знаменитый сеймъ, состоявшій изъ епископовъ, консуловъ, судей и иныхъ представителей ломбардскихъ городовъ, и предложилъ этому сейму — не на обсужденіе, а, такъ сказать, къ свѣдѣнію—цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы упорядочить (съ императорской точки зрѣнія) всѣ ломбардскія отношенія и обстоятельства. Онъ открылъ сеймъ рѣчью, составленной подъ подавляющимъ вліяніемъ цезаристскихъ идей римскаго права. Общество, слушавшее его, было, съ одной стороны, запугано побѣдоносной арміей Фридриха, съ другой стороны, само воспиталось на идеяхъ римскаго права. Вотъ почему отвѣтившій Фридриху отъ имени сейма архіепископъ миланскій произнесъ восторженную рѣчь съ цитатами изъ юстиніанова кодекса; можетъ быть, пріободрило его и то, что императоръ оставилъ миланцамъ ихъ учрежденія, а притязанія на суприматію не могли смутить благоговѣйнаго читателя

Пандектовъ. „Твоя воля есть законъ", — воскликнулъ ораторъ, „такъ какъ сказано: то, что угодно государю, есть законъ, ибо народъ уступилъ ему всю свою власть и могущество". Сеймъ подъ руководствомъ преданныхъ Фридриху юристовъ занялся сначала разборомъ разныхъ судебныхъ дѣлъ и жалобъ, отовсюду стекавшихся, а затѣмъ, коммиссія изъ нѣсколькихъ назначенныхъ Фридрихомъ лицъ (изъ нихъ 4 были ученые спеціалисты по римскому праву) выработали цѣлый рядъ постановленій, одобренныхъ императоромъ и объявленныхъ затѣмъ сейму, которому оставалось примириться съ совершившимся фактомъ. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ постановленій:

1. Императоръ имѣетъ право въ любомъ ломбардскомъ городѣ назначать по своему усмотрѣнію судей и иныхъ властей (potestates, *подесты*); нѣкоторыя статьи пошлинъ и податей поступаютъ въ пользу императора (Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ, что этотъ пунктъ ронкальскихъ постановленій давалъ императору до 30.000 марокъ ежегоднаго дохода); всѣ имѣнія лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи величества, поступаютъ въ императорскую казну.

2. Ко времени ронкальскаго сейма за два предшествовавшія столѣтія, особенно за послѣднія сто лѣтъ, ломбардскіе феодалы сильно жаловались на то, что горожане, члены городскихъ общинъ, дѣлаются ихъ вассалами, и потомъ никакъ нельзя ни выгнать ихъ, ни привести къ покорности, ибо за нихъ стоитъ такая прочная сила, какъ городская община. Объ этихъ жалобахъ зналъ и Барбаросса, и онъ на ронкальскомъ сеймѣ прямо такъ и заявляетъ о нихъ. Въ его расчеты входило какъ можно болѣе ослабить общины и какъ можно болѣе усилить ихъ вѣчныхъ антагонистовъ — феодаловъ, ибо общины боялись императора, а феодалы, какъ уже упоминалось, болѣе тяготѣли къ далекой имперіи, чѣмъ къ близкому папству. Вотъ для чего Фридрихъ въ ронкальскихъ постановленіяхъ объявляетъ, что всякій живущій на феодальныхъ земляхъ долженъ просить своего утвержденія (въ качествѣ вассала) отъ сюзерена земли, на которой живетъ, и долженъ также исполнять всѣ вассальныя повинности, — иначе феодалъ имѣетъ полное право его прогнать вонъ. Въ случаѣ споровъ между феодаломъ и вассаломъ ихъ тяжба разрѣшается не городскимъ судомъ, а судомъ особымъ,

на чисто феодальныхъ основаніяхъ устроеннымъ, — судомъ пэровъ (членовъ сословій обоихъ тяжущихся). Этимъ путемъ Фридрихъ подкрѣплялъ дряхлѣвшую въ Ломбардіи феодальную систему, во главѣ которой онъ самъ находился, — и ослаблялъ города.

3. Наконецъ, всѣ ломбардцы, всѣ города обязаны сохранять между собою миръ и спокойствіе, отнюдь не ссориться и не воевать, ибо всѣ они — подданные одного государя.

Эти знаменитыя постановленія оканчиваются рядомъ льготъ для болонскаго и другихъ ломбардскихъ университетовъ (изъятіе ихъ изъ общей юрисдикціи, самоуправленіе). Мотивируются эти льготы весьма характерно, именно тѣмъ, что университеты, разсадники римскаго права, образуютъ хорошихъ подданныхъ, умѣющихъ повиноваться „Deo et nobis“, — „Богу и намъ“. — Въ общемъ всѣ эти постановленія, отнимавшія у городскихъ общинъ часть ихъ доходовъ, подчеркивавшія право императора утверждать и не утверждать избранныхъ сановниковъ и даже назначать ихъ отъ себя, ослаблявшія горожанъ въ пользу феодаловъ, конечно, нанесли весьма чувствительный ударъ развитію городской жизни. Но такою цѣною ломбардскіе города и не хотѣли, и не могли сохранить долгій миръ. Особенно не хотѣли этого униженные миланцы и ихъ союзники.

V.

Нарушенія ронкальскихъ постановленій почти во всѣхъ пунктахъ, оскорбленіе императорскихъ пословъ, явное раздраженіе противъ императора — сразу же обнаружились, едва только у ломбардцевъ отлегло отъ сердца, и забылась пережитая тревога. Въ Миланѣ, Пьяченцѣ, Кремонѣ, Бергамо, Брешіи, Пармѣ, Мантуѣ это броженіе обнаружилось раньше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ. Когда императорскіе послы пожелали, согласно новымъ порядкамъ, назначить въ городѣ отъ имени своего государя подесту, который являлся бы до нѣкоторой степени градоначальникомъ, стоящимъ выше выборныхъ властей, горожане рѣшительно воспротивились, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ уладить дѣло началось новое и болѣе сильное

возмущеніе противъ императора. Разгнѣванный Фридрихъ рѣшилъ безпощадно на этотъ разъ расправиться съ бунтовщиками. Въ это-то время ему и пришлось столкнуться съ папою Александромъ III; мы уже говорили объ этомъ столкновеніи, о его внутренней причинѣ—обоюдныхъ претензіяхъ на супрематію и объ его внѣшнемъ выраженіи—отлученіи императора отъ церкви и созданіи Фридрихомъ двухъ анти-папъ. Теперь, когда начиналось новое возмущеніе, Александръ III вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ бунтовщиками. Осада Милана императорскими войсками началась въ 1160, а окончилась сдачею въ мартѣ 1162 г. Приговоръ императора былъ такой: „Миланъ долженъ быть пустъ и оставленъ жителями; впродолженіи восьми дней жители должны покинуть городъ и переселиться въ четыре мѣста, удаленныя одно отъ другого на двѣ мили, по крайней мѣрѣ“. Весь городъ, кромѣ церквей и домовъ знатныхъ феодаловъ, былъ сожженъ и разрушенъ. Послѣ этого ужаснаго поступка императора всѣ возставшіе города положили оружіе, получили отъ Фридриха назначенныхъ имъ подестъ и снова должны были смириться.

Послѣ такихъ пріемовъ Фридриху нечего было и думать объ утвержденіи въ Сѣверной Италіи постояннаго мира и спокойствія. Страхъ и ненависть къ нему объединили въ одну общую группу какъ разбросанныхъ повсюду миланцевъ, такъ даже и многихъ изъ прежнихъ ихъ враговъ. Но, конечно, должно было пройти нѣсколько лѣтъ, пока разоренная и обезсиленная Ломбардія настолько собралась съ силами, чтобы получить физическую возможность дать отпоръ императорскому деспотизму. Когда Фридрихъ ушелъ въ Германію, миланское пепелище начало понемногу обстраиваться, затѣмъ общими усиліями ломбардцы выстроили городъ Алессандрію, куда переселились выходцы изъ другихъ ломбардскихъ городовъ, большею частью тѣ, которые лишились крова во время опустошеній послѣднихъ лѣтъ. Алессандрія сразу же завела у себя традиціонныя ломбардскія учрежденія, и уже въ 1170 году ея консулы отправились къ папѣ Александру III съ предложеніемъ принять этотъ городъ подъ свое покровительство и въ полное владѣніе. Въ слѣдующіе годы тѣсный союзъ большинства ломбардскихъ

городовъ съ римскимъ престоломъ настолько упрочился, что снова броженіе противъ нѣмцевъ дало себя чувствовать. Въ 1174 году это броженіе приняло такіе размѣры, что начало выражаться въ насильственныхъ актахъ противъ имперскихъ представителей, и Фридрихъ опять появился въ Ломбардіи. Онъ осадилъ Алессандрію (съ окт. 1174 до апр. 1175), и этотъ городъ задержалъ его весьма долго, такъ что императоръ, видя подходящую на помощь осажденнымъ армію союзныхъ ломбардскихъ городовъ, снялъ осаду, ничего не добившись. Вообще силы Фридриха настолько ослабѣли за время изнурительной осады, что онъ согласился вступить въ переговоры съ уполномоченными „лиги" ломбардскихъ городовъ. Перемиріе было заключено, и нѣсколько мѣсяцевъ казалось, что оно превратится въ болѣе продолжительный миръ, ибо Фридрихъ, не надѣясь на свои силы въ моментъ перемирія, показалъ себя какъ будто довольно уступчивымъ. Но какъ только онъ почувствовалъ себя сильнѣе, тотчасъ же поставилъ ломбардцамъ требованіе, котораго они никакъ не могли исполнить, именно отложиться отъ Александра III и объявить, что они болѣе не признаютъ его папою. Собственно, дѣло было не только въ желаніи Фридриха изолировать враговъ своихъ, но и въ упорномъ стремленіи его настоять на точномъ исполненіи ронкальскихъ постановленій. Вся трудность и даже невозможность полнаго *полюбовнаго* разрѣшенія ломбардо-императорскаго вопроса заключалась вотъ въ чемъ: ломбардскіе города, въ тѣ времена расцвѣта феодализма въ Германіи и Франціи, требовали, чтобы императоръ смотрѣлъ на каждую городскую общину въ отдѣльности, какъ на феодала, который признаетъ сюзеренныя права государя, но въ своей землѣ живетъ царькомъ и дѣлаетъ, что ему вздумается. Фридрихъ именно и не хотѣлъ установленія такой точки зрѣнія; такіе коллективные феодалы казались ему слишкомъ ужъ сильными, а кромѣ того, географическое положеніе ихъ, союзъ между собою, союзъ съ папою,—все это дѣлало ломбардскіе города въ глазахъ императора гораздо болѣе опасными, нежели любой крупный феодалъ въ его владѣніяхъ. При полной непримиримости ихъ стремленій, прочнаго и полюбовнаго мира быть не могло. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ затишья опять начались военныя дѣйствія, и тутъ то разыг-

ралась знаменитая битва при Леньяно между императоромъ и ломбардцами, среди которыхъ въ этотъ день (29 мая 1176 г.) главную роль сыграли миланцы. Фридрихъ потерпѣлъ страшное пораженіе и нѣсколько дней пропадалъ безъ вѣсти; о продолженіи войны нечего было думать, и такимъ образомъ снова пришлось „идти въ Каноссу", — обращаться къ папѣ Александру III съ просьбою посодѣйствовать заключенію мира. Уже это обращеніе показывало, что Фридрихъ признаетъ себя побѣжденнымъ: вѣдь, до сихъ поръ, онъ считалъ Александра лже-папою. Престижъ императора былъ такъ силенъ, Германія, вѣчный источникъ, откуда онъ черпалъ силы, была такъ ему покорна, что Александръ не поддался соображеніямъ мести и согласился стать посредникомъ при заключеніи мира. Въ Венеціи, въ 1177 году, былъ заключенъ мирный трактатъ на шесть лѣтъ съ ломбардскими общинами и съ папою Александромъ, императоръ согласился исполнять правила относительно инвеституры, отказался отъ какого бы то ни было вмѣшательства во внутреннія дѣла или внѣшнія распри ломбардскихъ городовъ (сохраняя, впрочемъ, свой суверенитетъ надъ ними de jure). Когда шестилѣтній срокъ мира истекъ, Фридрихъ, примирившись разъ съ папою и тѣмъ самымъ отказавшись отъ основной цѣли всей своей дѣятельности, не возобновлялъ уже борьбы съ ломбардцами: онъ заключилъ съ ними постоянный миръ (въ 1183 г.), въ общихъ чертахъ подтверждавшій признаніе независимости и самоуправленія за городами, которые, въ свою очередь, снова присягнули императору въ вѣрности. Черезъ 7 лѣтъ Фридрихъ Барбаросса утонулъ въ рѣкѣ Салефѣ, въ Малой Азіи, во время крестоваго похода. Самый трудный и бурный періодъ исторіи ломбардскихъ общинъ окончился; ихъ самостоятельность была сохранена. Окончилась и вторая фаза борьбы папства съ имперіей, и папство одержало побѣду. Но ближайшія поколѣнія, слѣдовавшія за Александромъ III и Фридрихомъ Барбароссой, скоро убѣдились, что этотъ вѣковой споръ еще далеко не былъ оконченъ.

Важнѣйшіе источники:

1. Оттонъ Фрейзингенскій (въ Mon. germ. hist, а также отдѣльнымъ томикомъ въ нѣмец. пер. въ указанной коллекціи „Geschichtsschreiber der deutsch. Vorzeit).

2. Curia Roncaliae (Monum. germ. hist., т. IV).

3. Breviarium pisanae historiae (Muratori, Rerum ital. Script., т. IV).

4. Radulphi Mediolanensis de rebus gestis Friderici I in Italia (Muratori, R. I. Script., т. VI).

5. Malvecius, Chronicon Brixianum (Muratori, R. I. S., томъ XVI).

6. Alexandri III papae epistolae (коллекц. Mansi, Concil. collect., т. XXI).

ПОСОБІЯ.

Haulleville, Histoire des communes lombardes т. 1—2. Paris 1858. (Превосходная и весьма полная работа; написана съ нѣсколько католической точки зрѣнія. Авторъ, повидимому, принадлежалъ къ приверженцамъ либерала-католика графа Монталамбера и идеализируетъ „союзъ свободы городовъ со свободою церкви").

2. Savigny, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Прекрасный, до сихъ поръ не утратившій значенія трудъ по рецепціи римскаго права.

3. Simonde de Sismondi, Histoire des républiques italiennes au moyen âge, первые три тома. Лучшее изданіе 1840 г. Paris (съ иллюстраціями).

4. Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien (Leipzig. 1847).

5. Новѣйшая, но замаскированно-компилятивная работа, весьма живо, впрочемъ, написанная: Handloike, Die lombardischen Städte unter der Herrschaft der Bischöfe und die Entstehung der Kommunen (Berlin, 1883).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Венеція. Очеркъ ея политической и торговой исторіи. Ея роль въ крестовыхъ походахъ. Папство, имперія и Ломбардскіе города въ XIII вѣкѣ. Гвельфы и Гибеллины. Судьбы Южной Италіи въ XI—XIII в. в.

I.

Мы выдѣлили исторію Венеціи изъ общаго изложенія въ виду особенной роли, которую этотъ городъ игралъ въ средневѣковой Италіи. Безспорно, это былъ самый цвѣтущій и богатый городъ на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ вплоть до XVI-го столѣтія, по крайней мѣрѣ. Хотя Венеція дѣятельно помогала Ломбардской лигѣ въ ея борьбѣ противъ имперіи и деньгами, и войскомъ, но весьма трудно было бы тѣсно связать судьбы этого города и остальныхъ ломбардскихъ общинъ: слишкомъ особый, оригинальный характеръ носитъ исторія Венеціи.

Незадолго до второй пунической войны поселенія, расположенныя отчасти на берегу Адріатики (*первая Венеція*), отчасти на островахъ, разбросанныхъ близь берега (*вторая Венеція*), вошли въ составъ Римской республики. Въ эпоху переселенія народовъ, когда почти всѣ города Ломбардіи были опустошены варварами, Венеція (расположенная на островахъ) совершенно не пострадала, и даже населеніе ея значительно возросло, такъ какъ, убѣгая отъ варваровъ, населеніе ближайшихъ мѣстностей укрывалось на венеціанскихъ островахъ. Особенно это явленіе имѣло мѣсто въ эпоху появленія Аттилы въ предѣлахъ Апеннинскаго полуострова; еще „первая Венеція“, т. е. поселокъ на берегу, терпѣла отъ набѣговъ, но „вторая Венеція“, расположенная на островахъ возлѣ Ріальто, и сдѣлалась истиннымъ ядромъ средневѣкового города. При Теодорихѣ между Венеціею и остготскимъ правительствомъ Италіи существовали довольно пріязненныя отношенія, судя по

единственному, уцѣлѣвшему отъ этой эпохи документу *) — письму совѣтника Теодориха, Кассіодора, къ венеціанцамъ. Изъ этого письма мы, однако, не узнаемъ ни истинной природы правового положенія Венеціи относительно итальянскаго королевства, ни характера тогдашняго государственнаго устройства этого города; Кассіодоръ хвалитъ „свободу, равенство, добрые нравы и прилежаніе“ венеціанцевъ. Въ VI-мъ вѣкѣ на Адріатическомъ морѣ размножились пираты, именно славяне, занявшіе Иллирію и не нашедшіе себѣ достаточнаго пропитанія въ занятой ими странѣ. Эти пираты, пробовавшіе нападать на Венецію, всякій разъ получали отъ жителей ея сильнѣйшій отпоръ; въ суровой школѣ самозащиты венеціанцы научились строить корабли и приспособлять ихъ къ военнымъ цѣлямъ. Борьба съ славянскими пиратами была такъ успѣшна, что окончилась изгнаніемъ ихъ изъ сѣверной части Адріатики и впослѣдствіи покореніемъ далматскаго побережья. Во второй половинѣ VI-го столѣтія, послѣ прихода лангобардовъ, новыя толпы бѣглецовъ появились на венеціанскихъ лагунахъ; между ними было много духовенства (и низшаго, и епископовъ), такъ какъ въ первое время лангобардскаго нашествія опасались за цѣлость католической церкви. Поселки на островахъ увеличивались съ каждымъ десятилѣтіемъ, количество и населенность ихъ возрастали, но до конца VII-го вѣка не было выработано опредѣленнаго государственнаго устройства: повидимому, эти поселки, разбросанные по островкамъ, пользовались слишкомъ большей автономіей, слишкомъ мало были связаны одинъ съ другимъ, а между тѣмъ съ суши можно было опасаться ежечаснаго нападенія лангобардовъ, съ моря — славянъ, тогда еще не умиротворенныхъ. Въ 697 году — неизвѣстно по чьей инициативѣ — собрался общій сеймъ „гражданъ, духовенства и знати (?)“, на которомъ было рѣшено сообща, представителями всѣхъ поселковъ, образовать одно государство, съ общимъ главою (*дожемъ*), который являлся бы начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ венеціанцевъ. Но все же дожъ не имѣлъ всѣхъ правъ неограниченнаго монарха, ибо отдѣльные поселки, отдѣльныя части позднѣйшаго

---

*) Этотъ документъ (523 г.) есть первый по времени письменный источникъ, прямо относящійся къ Венеціи.

большого города сохранили кое-какіе слѣды самоуправленія. Въ началѣ VIII-го вѣка, т. е. въ первыя времена существованія дожей эти конституціонныя противорѣчія не особенно сильно тревожили Венецію, такъ какъ дожи успѣшно исполняли свою миссію охранителей государства отъ внѣшнихъ враговъ и многократно били какъ лангобардовъ на сушѣ, такъ и славянъ на морѣ. Но уже съ половины VIII-го столѣтія начинаются въ Венеціи внутреннія смуты и нестроенія, вслѣдствіе частыхъ попытокъ дожей присвоить себѣ и въ мирное время диктаторскую власть надъ государствомъ. Когда Пипинъ, сынъ Карла Великаго, явился въ Италію и, желая заручиться союзниками противъ лангобардовъ и грековъ, предложилъ дожу союзъ и дружбу, венеціанцы общимъ рѣшеніемъ постановили уничтожить всякія договорныя обязательства, которыя уже появились между франкскимъ королемъ и венеціанскимъ дожемъ. Пипинъ предпринялъ тогда экспедицію противъ венеціанцевъ и даже овладѣлъ нѣсколькими островками, но центральный поселокъ Ріальто остался невредимъ, такъ какъ венеціанцы сожгли почти всю франкскую флотилію, крейсировавшую около него. Все это произошло въ (809?) г., но уже раньше, съ перваго же появленія франковъ въ Италіи, Венеція не переставала враждебно къ нимъ относиться. Съ IX-го вѣка шестьдесятъ острововъ, группирующихся возлѣ Ріальто, начинаютъ носить имя Венеціи, подъ которымъ понимается весь этотъ островной городъ-республика; въ томъ же столѣтіи, какъ разсказываютъ лѣтописи, венеціанскіе купцы нашли въ одной церкви въ Египтѣ мощи св. Марка, украли ихъ, оставили вмѣсто нихъ мало почитаемыя ими почему-то мощи св. Клавдія и со своею добычей вернулись домой; съ тѣхъ поръ св. Маркъ считается покровителемъ Венеціи. Тогда же утратились и тѣ слабыя, номинальныя связи, которыя въ нѣкоторыхъ договорахъ связывали Венецію съ Византійскою имперіею. Жители Истріи и Далмаціи не переставали безпокоить республику нечаянными морскими нападеніями втеченіи всего X-го столѣтія, и лишь въ 997 году дожъ Пьетро Урсеоло во главѣ большого флота посѣтилъ сѣверо-западный уголъ Балканскаго побережья и привелъ къ покорности рядъ истрійскихъ и далматскихъ городовъ. Венеція послала туда своихъ намѣстниковъ —

подестъ, и съ тѣхъ поръ ея глава сталъ называться дожемъ Венеціи и Далматіи.

Втеченіе всего XI столѣтія Венеція сдѣлала весьма мало успѣха на поприщѣ завоевательной политики, такъ какъ внутренніе безпорядки, причины которыхъ за скудостью источниковъ совершенно неясны, раздирали ее. Она не могла даже принять участія въ борьбѣ съ сардинскими маврами, въ той самой долгой борьбѣ, въ которой пизанцы и генуэзцы соединенными силами изгнали арабовъ изъ Сардиніи и овладѣли островомъ; это столѣтіе именно и было тѣмъ временемъ, когда выростали и усиливались двѣ торговыя соперницы Венеціи—Генуя и Пиза. Въ концѣ XI вѣка начались крестовые походы, и для всѣхъ трехъ городовъ наступила новая эра.

II.

Еще съ X столѣтія между венеціанцами и константинопольскими императорами существовали весьма хорошія отношенія. Императоры въ своей постоянной борьбѣ съ южно-итальянскими норманнами нуждались во флотѣ, и Венеція, конечно, за хорошую плату ссужала имъ свой флотъ. Съ конца X-го столѣтія послѣ упроченія венеціанскаго могущества на балканскомъ побережьѣ, когда въ руки венеціанцевъ попали великолѣпные строевые лѣса Истріи и Далмаціи, ихъ флотъ, а потому и дружба сдѣлались для Византіи еще дороже. Въ XI вѣкѣ венеціанскіе купцы уже пользовались правомъ свободнаго входа во всѣ гавани имперіи и ввозной и вывозной торговли безъ всякихъ пошлинъ; въ Константинополѣ ихъ факторіи была отведена большая площадь. Итакъ, въ моментъ начала крестовыхъ походовъ, т. е. въ послѣдніе годы XI вѣка венеціанцы являлись уже, такъ сказать, своими людьми на Востокѣ, и это дало имъ громадныя преимущества. У нихъ въ рукахъ были перевозныя средства, въ которыхъ такъ нуждалось крестоносное воинство,—и они предоставили свой флотъ крестоносцамъ, хотя и съ „одушевленіемъ", какъ пишетъ панегиристъ итальянскихъ городовъ Сисмонди, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за весьма приличное возна-

гражденіе, что даже онъ долженъ признать.— Съ первыхъ же десятилѣтій послѣ взятія Іерусалима, венеціанцы, пизанцы и генуэзцы появляются у сирійскаго и палестинскаго побережья Средиземнаго моря. Эти маленькія морскія державы того времени исполняли по истинѣ грандіозную военную функцію: ихъ флотъ поддерживалъ сообщеніе заброшенной горсточки европейскихъ войскъ съ ихъ родиною. Мало того: венеціанцы разбили мусульманскій флотъ, генуэзцы и пизанцы взяли городъ Цезарею (въ 1110 г.), словомъ, обнаруживалось, что безъ флота и итальянскихъ моряковъ обойтись нельзя. За всѣ свои заслуги венеціанцы получили отъ іерусалимскаго короля Балдуина право заводить во всѣхъ подвластныхъ христіанамъ сирійскихъ и палестинскихъ городахъ свои факторіи, церкви и даже судиться по своимъ законамъ и у своихъ судей, кто бы ни велъ съ ними тяжбу.

Въ XII-мъ столѣтіи отношенія между Венеціею и византійскимъ правительствомъ нѣсколько испортились, хотя торговля между республикою и имперіею не прерывалась; но съ тѣмъ большею энергіею венеціанцы обратились къ торговлѣ съ отдаленнымъ Левантомъ, т. е. съ Сиріей и Палестиною. Торговый кругооборотъ въ XII-мъ столѣтіи оставался въ общемъ тотъ же, что въ XI-мъ: восточные товары, шедшіе изъ Индіи,— пряности, сандаловое дерево, ковры и ткани,— все это покупалось венеціанцами на восточныхъ рынкахъ и затѣмъ съ весьма большими барышами распродавалось въ Ломбардіи и въ Средней Италіи. На восточные же рынки венеціанцы привозили хлѣбъ, кожи, сало, металлическія издѣлія и соль изъ своихъ соляныхъ варницъ. Въ XII столѣтіи, особенно къ концу его, когда Венеція примирилась съ Византіею (въ 1175 году), не было на Средиземномъ морѣ державы, кромѣ Генуи, которая могла бы соперничать со столицею Адріатики въ богатствѣ и силѣ флота. Первые годы XIII-го вѣка ознаменовались событіемъ, которое упрочило за Венеціею надолго торговую супрематію на всемъ югѣ Европы: для объясненія этого любопытнаго факта, который носитъ въ исторіи названіе четвертаго крестоваго похода, намъ нужно вернуться нѣсколько назадъ.

Послѣ смерти Фридриха Барбароссы борьба въ Ломбардіи

между гвельфами, т. е. приверженцами папы и гибеллинами (или вейблингами), т. е. сторонниками Гогенштауфеновъ не прекращалась. Внутреннія смуты въ самой Германіи, появленіе тамъ претендентовъ на императорскій престолъ поддерживали весьма сильно общее броженіе въ Италіи. Въ 1197 году, затѣявшій было крестовый походъ императоръ Генрихъ VI умеръ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой смерти, возбудившей новыя треволненія въ имперіи, на папскій престолъ былъ выбранъ молодой, полный силъ и энергіи Иннокентій III. Претензіи Иннокентія III въ сущности были такія же, какъ у Григорія VII: водвореніе въ Европѣ теократіи, съ папою во главѣ свѣтской и духовной власти, но, вдобавокъ, Иннокентій III въ большей мѣрѣ, нежели Гильдебрандъ, былъ поэтомъ, умѣвшимъ образно выражать свои мысли, умѣвшимъ метать истинные словесные громы въ своихъ противниковъ. Для такого человѣка важенъ, конечно, былъ блестящій шумный „выходъ“ на міровую арену, важно было взять инициативу популярнаго и грандіознаго предпріятія. Крестовый походъ за смертью Генриха VI остался безъ главаря, и папа не задумался взять на себя духовную гегемонію новаго крестоваго похода. Началась уже съ 1198—99 гг. широкая и дѣятельная пропаганда и призывъ крестоносцевъ. Начальникомъ экспедиціи сдѣлался Тибо, графъ Шампанскій, и въ 1200-мъ году крестоносное воинство, состоявшее большею частью изъ французовъ и итальянцевъ, было готово отправиться въ Египетъ: преданіе говоритъ, что именно Иннокентію III принадлежала инициатива этого новаго плана кампаніи противъ мусульманъ. Но бѣда была въ томъ, что у крестоносцевъ совсѣмъ не было перевозочныхъ средствъ, чтобы переплыть Средиземное море въ количествѣ тридцати трехъ слишкомъ тысячъ человѣкъ, а къ Венеціи, единственной державѣ, имѣвшей подходящій флотъ, папа сильно не хотѣлъ обращаться: дѣло въ томъ, что, когда Иннокентій еще года за полтора до сформированія ополченія торжественно запретилъ христіанамъ всякія торговыя сношенія съ невѣрными, венеціанцы первые запротестовали столь яростно, что папа ограничилъ свое запрещеніе только торговлею оружіемъ и боевыми припасами. Правда, и барселонцы, и генуэзцы нарушали

папскій запретъ, но все же такъ открыто выступить противъ него осмѣлилась одна Венеція. Однако, выбора не было — и начальникъ воинства прямо обратился къ венеціанскому дожу Генриху Дандоло съ просьбою ссудить корабли. Дандоло не нашелъ возможнымъ отказать и за восемьдесятъ пять тысячъ серебряныхъ марокъ согласился перевезти $33^1/_2$ тысячи крестоносцевъ въ Каиръ. Всѣ интересы Венеціи требовали, впрочемъ, сохраненія мирныхъ отношеній между республикою и каирскимъ султаномъ, и обстоятельства сложились замѣчательно для Венеціи благопріятно. Герцогъ Шампанскій вдругъ умеръ весьма скоро послѣ заключенія сдѣлки съ Дандоло; эта смерть перевернула вверхъ дномъ всѣ предположенія. У папы Иннокентія былъ злѣйшій врагъ, глава гибеллиновъ Филиппъ Швабскій, претендентъ на императорскій престолъ, занятый тогда Оттономъ IV, папскимъ ставленникомъ. Филиппъ Швабскій желалъ во что бы то ни стало свести къ нулю усилія папы вызвать крестовый походъ; посредствомъ цѣлаго ряда интригъ, сношеній съ главарями крестоносцевъ и съ Дандоло, Филиппу удалось навязать крестоносцамъ въ предводители Бонифація Монферратскаго, свою креатуру. Сразу предпріятіе затормазилось, а тутъ еще случай помогъ Филиппу, желавшему подорвать папскую затѣю, и дожу, весьма неохотно думавшему о предстоящей ссорѣ съ каирскимъ султаномъ.

Въ Европу явился членъ византійской династіи Ангеловъ — Алексѣй и обратился къ Филиппу Швабскому съ просьбою помочь его отцу, старому Исааку Ангелу, противъ узурпатора Алексѣя III, низвергнувшаго Исаака. Не можетъ быть, разумѣется, ни малѣйшаго сомнѣнія, что Европа ровно никакого вниманія не обратила бы на домогательства Алексѣя Ангела во всякое другое время, но теперь Филиппъ Швабскій обнаружилъ неожиданно глубочайшее состраданіе къ бѣдствіямъ Исаака и его сына. Начинаетъ намѣчаться новая цѣль для несчастной, оборванной и голодающей толпы крестоносцевъ, которые вслѣдствіе разныхъ проволочекъ сидятъ въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ на двухъ венеціанскихъ островкахъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ отъѣзда куда бы то ни было. За это время Дандоло (самъ же вмѣстѣ съ Филиппомъ интригуя противъ похода) требуетъ уплаты тѣхъ денегъ, которыя по договору ему слѣдуетъ

получить за перевозку крестоносцевъ въ Каиръ. Онъ, правда, ихъ не перевезъ еще, но не по своей винѣ, а по винѣ крестоносныхъ начальниковъ, медлящихъ по причинамъ, которыя ему, Дандоло, якобы совсѣмъ даже неизвѣстны. Крестоносцы пробуютъ занять деньги у венеціанскихъ богачей, но никто имъ ни гроша не даетъ. Тогда Дандоло предлагаетъ имъ слѣдующее: онъ согласенъ еще отсрочить время платежей, но съ условіемъ, чтобы крестоносцы пока отправились не въ Каиръ, а въ Зару, на Балканскій полуостровъ и покорили бы это гнѣздо тревожащихъ Венецію морскихъ разбойниковъ. И вотъ, въ ноябрѣ 1202 года, крестоносцы, напутствуемые проклятіями папы Инокентія III, отплываютъ въ Зару. Въ какія-нибудь двѣ недѣли Зара сдается крестоносцамъ, и въ ихъ радостно настроенный лагерь является Алексѣй Ангелъ, который проситъ продолжить столь удачно начатый балканскій походъ, идти на Константинополь. Но уже на такого рода далекое уклоненіе отъ первоначальной цѣли крестоносцы не могли отважиться безъ папскаго соизволенія, и Бонифацій Монферратскій вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ явились въ Римъ къ Иннокентію съ просьбою, чтобы онъ позволилъ крестоносцамъ идти на столицу Византіи. Алексѣй обѣщалъ папѣ въ награду возсоединеніе церквей; папа былъ непреклоненъ, хотя велъ себя все-таки сравнительно сдержанно. Ослабивши нѣсколько папскіе громы, Бонифацій и Алексѣй, взявши съ собою Дандоло и венеціанскій флотъ, вернулись къ крестоносцамъ, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Константинополю. Здѣсь, какъ извѣстно, крестоносцамъ удалось возстановить на престолъ Исаака, но когда затѣмъ враждебная Исааку партія начала возстаніе, то въ происшедшей смутѣ крестоносное войско овладѣло Константинополемъ, и коммиссія изъ шести французскихъ бароновъ и шести представителей Венеціи выбрала въ императоры этой новой („Латинской“) имперіи Балдуина Фландрскаго. Въ произведенномъ затѣмъ раздѣлѣ императорскихъ земель Венеція получила Лакедемонію, Диррахіумъ, Галлиполи, Кефалонію, Закинѳъ, Эгину и нѣкоторыя другія земли. Любопытно, что дипломаты, дѣлившіе Византію, понятія не имѣли даже о цѣлой массѣ городовъ, поселковъ и провинцій Восточной имперіи. Весьма скоро, черезъ какихъ-нибудь $2^1/_3$ года, Венеція

рѣшила, что она не можетъ удержать въ своихъ рукахъ доставшіяся ей по раздѣлу части и особенно оплачивать издержки, нужныя для этого. Правительство республики объявило, что любой гражданинъ ея имѣетъ право на собственный рискъ и страхъ вступать во владѣніе (на феодальныхъ началахъ) какою угодно частью территоріи, номинально отошедшей къ Венеціи. Эти сдержанность и дальновидность были проявлены венеціанскимъ сенатомъ, учрежденіемъ, именно тогда дѣлавшимъ свои первые самостоятельные шаги.

Лучшія въ торговомъ отношеніи мѣста достались все-таки республикѣ и богатѣйшимъ ея жителямъ. Строевой лѣсъ Кандіи, шелковое производство Мореи, выгодная торговля по Черному морю съ сѣверными народами и въ Малой Азіи съ армянами,—все это попало въ ихъ руки. Мало того: съ султанами Сиріи, Палестины, Туниса (въ 1251 г.) и Египта (въ 1238 г.) они заключили выгоднѣйшіе коммерческіе трактаты: за ничтожную 9—10% пошлину во всѣхъ „земляхъ невѣрныхъ" венеціанскіе купцы могли продавать и покупать какіе угодно товары, имѣть складочныя мѣста, хорошо защищенныя и проч. Другой торговый городъ Италіи, Генуя, осталась, правда, въ XIII-омъ столѣтіи далеко позади своей счастливой соперницы, но тѣмъ не менѣе не теряла надежды сравняться съ нею: между обоими городами происходили безпрерывно самыя жестокія столкновенія и войны, не говоря уже о тайныхъ и явныхъ интригахъ. Не смотря ни на что, первенство оставалось за Венеціей. Особенно сильно вредили генуэзцы Венеціи на Черномъ морѣ и въ Александріи (въ Египтѣ); но рядомъ договоровъ съ мамелюкскимъ султаномъ и съ ханомъ татарской орды, владѣвшей южно-русской равниной, и въ Египтѣ, и въ Крыму венеціанцы (уже въ XIV-мъ столѣтіи) успѣли стать твердой ногой. Въ 1379 году Тамерланъ, не обращавшій ровно никакого вниманія на старые договоры покоренныхъ имъ странъ, разрушилъ венеціанскія колоніи въ Крыму, и на Азовскомъ морѣ, перебилъ купцовъ, а семьи ихъ обратилъ въ рабство. Съ тѣхъ поръ Венеція перестала поддерживать сношенія съ этими странами, а генуэзцы удержались еще въ Крыму и забрали въ свои руки мѣстную торговлю. Но на ближайшемъ театрѣ войны, на Балканскомъ полуостровѣ, Венеція

втеченіе всего существованія Латинской имперіи (1204—1261 г.г.) совершенно оттѣснила Геную. Генуэзцы дѣятельно сносились и даже заключили формальный союзъ съ главою византійской реакціи противъ латинянъ Михаиломъ Палеологомъ, и когда онъ въ 1261 г. успѣлъ изгнать враговъ и возстановить византійскую имперію, генуэзцы получили отъ него часть города Константинополя (Галату) и много привилегій. Впрочемъ, венеціанцы и пизанцы также не были окончательно оттуда выдворены: торговая конкурренція этихъ городовъ была слишкомъ выгодна для византійскаго правительства.

Какова же была судьба товаровъ, шедшихъ изъ отдаленныхъ и близкихъ странъ Востока въ Венецію, Пизу и Геную? Крестовые походы расширили и упрочили сношенія торговаго міра Италіи съ Левантомъ; они же расширили и рынки сбыта, ибо связи между Апеннинскимъ полуостровомъ и средней Европой сдѣлались тѣснѣе и реальнѣе. Товары изъ Константинополя, Александріи, Крыма, Алеппо, Яффы, Дамаска и многихъ другихъ восточныхъ портовъ, большихъ и маленькихъ, на коммерческомъ флотѣ итальянскихъ городовъ переправлялись въ Венецію, Геную, Пизу. Отсюда они распредѣлялись по Ломбардіи, а въ концѣ XIII-го вѣка — еще и по Тиролю, Германіи, Фландріи. Въ Тироль, Германію, Францію товары шли сухимъ путемъ,—во Фландрію, на Балтику, въ страны ганзейскаго торговаго союза путь былъ морской (чрезъ Гибралтаръ, Ламаншъ, Нѣмецкое море). Всюду почти товары отвозились самими же итальянцами, но въ Германію итальянскимъ купцамъ запрещено было пріѣзжать, и нѣмецкіе купцы лично являлись въ Венецію и другіе торговые города Италіи. Торговля съ Фландріей и странами сѣверной Европы приняла обширнѣйшіе размѣры въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ, которыя, вообще, можно назвать блестящимъ временемъ итальянской торговли. Въ XIV-мъ столѣтіи въ распоряженіи торговаго міра Венеціи былъ флотъ изъ 3000 судовъ, очень значительной (по тѣмъ временамъ) вмѣстимости. Весьма большія преимущества предъ соперниками Венеціи давала ея туземная промышленность, которая, помимо внѣшней купли-перепродажи, обогащала венеціанцевъ. У нихъ были (уже въ XIII вѣкѣ) свои шелковыя фабрики, производство бархата, парчи, золотого шитья. Изъ Южной

Италіи и Сиріи привозился хлопокъ, и венеціанцы выдѣлывали у себя бумажныя ткани. Оружіе, восковыя свѣчи, стекла и стеклянныя издѣлія,—все это выдѣлывалось и успѣшно продавалось во всѣхъ странахъ Европы; золото и серебро въ громадныхъ массахъ скоплялись въ Венеціи... Этому торговому благополучію были нанесены въ XV-мъ вѣкѣ одинъ за другимъ два непоправимые удара, погубившіе всю итальянскую торговлю. Первымъ ударомъ было завоеваніе османами Константинополя и всего ближайшаго Востока, вторымъ—открытіе морского пути въ Индію Васко-де-Гама.

Впрочемъ, оба эти событія выходятъ за хронологическія рамки настоящей книги. Въ текущемъ параграфѣ намъ остается разсмотрѣть, въ какія формы вылилось государственное устройство Венеціанской республики въ эпоху ея матеріальнаго процвѣтанія. Мы уже видѣли, что дожи стали выбираться подъ вліяніемъ необходимости, изъ желанія придать организаціи военныхъ силъ необходимое единство. Но на этомъ конституціонное развитіе Венеціи не остановилось. Собственно по закону, принятому въ Венеціи въ 1172 году, государственными дѣлами и законодательнымъ ихъ разрѣшеніемъ распоряжается „Большой совѣтъ", состоящій изъ 480 гражданъ, избранныхъ изъ шести городскихъ округовъ (по 80 человѣкъ отъ округа), на одинъ годъ. Выбираетъ, точнѣе, назначаетъ этихъ 480 членовъ большого совѣта — коллегія изъ двѣнадцати „трибуновъ" или „избирателей", сами же трибуны—по два человѣка отъ округа—выбираются уже непосредственно всѣми гражданами шести городскихъ округовъ, такъ что сначала собраніе всѣхъ свободныхъ гражданъ округа выбираетъ двухъ трибуновъ, а затѣмъ уже эти два трибуна, по своему желанію, назначаютъ восемьдесятъ гражданъ своего округа представителями въ „большой совѣтъ". Такъ обстояло дѣло въ концѣ XII и началѣ XIII-го вв. Но уже весьма скоро „большой совѣтъ", назначаемый обыкновенно изъ родовой аристократіи и плутократіи города, обнаружилъ узурпаторскія наклонности: не довольствуясь своими важными прерогативами (правомъ избирать дожа — главу исполнительной власти, замѣщать всѣ должности по произволу,—рѣшать всѣ государственныя дѣла), „большой совѣтъ" началъ самъ

назначать и „трибуновъ“, т. е. именно тѣхъ людей, которые его-же, этотъ большой совѣтъ, избирали и должны были ежегодно избирать. Единственная связь между массою гражданъ и конституціонной машиною была порвана. Мало того, „большой совѣтъ“ присвоилъ себѣ власть, расходясь въ концѣ выборнаго года, утверждать или не утверждать въ званіи новыхъ членовъ, въ званіи своихъ преемниковъ тѣхъ лицъ, которыхъ назначатъ трибуны; даже эти креатуры „большого совѣта“ не пользовались его довѣріемъ. Все это привело къ тому, что „большой совѣтъ“, другими словами, кучка аристократическихъ фамилій захватила въ свои руки власть надъ цѣлымъ городомъ. Кончились эти измѣненія тѣмъ, что рядомъ законовъ (отъ 1298 до 1319 г.г.) трибунатъ былъ совсѣмъ уничтоженъ со всѣми фикціями, „большой совѣтъ“ сталъ несмѣняемымъ и наслѣдственнымъ, даже болѣе, чѣмъ наслѣдственнымъ: каждый венеціанскій патрицій, сынъ члена „большого совѣта“, достигнувъ 25-лѣтняго возраста, становился, подобно отцу, участникомъ этого законодательнаго собранія и засѣдалъ рядомъ съ отцомъ. Конечно, съ 1319 года, когда такой порядокъ упрочился, „большой совѣтъ“ уже состоялъ не изъ 480, а изъ гораздо большаго числа членовъ, но всякія его связи съ сѣрой демократической массой были уничтожены совершенно: съ его стороны было требованіе неограниченнаго послушанія, со стороны народа—обязанность неограниченнаго повиновенія. Однако, это огромное собраніе не могло вести всѣхъ текущихъ дѣлъ, одновременно со своими законодательными работами, а предоставить дожу всѣ дѣла также не хотѣло, ибо смотрѣло на дожа (хотя и своего избранника) весьма подозрительно, боясь попытокъ захвата абсолютной власти. Подъ вліяніемъ этихъ потребностей и соображеній съ XIII—XIV вв. все больше и больше сталъ подниматься въ значеніи такъ называемый „совѣтъ сорока“. „Совѣтъ сорока“ возникъ около 1179 года и былъ предназначенъ сперва для разбирательства уголовныхъ дѣлъ, но въ XIV-мъ вѣкѣ подвергся (правда, постепенному) преобразованію: во первыхъ, состоялъ онъ уже не изъ 40, а приблизительно изъ 200 членовъ; во вторыхъ, назначался не дожемъ, какъ въ былыя времена, а „большимъ совѣтомъ“; въ третьихъ, былъ занятъ не

выполненіемъ судебныхъ функцій, но предварительнымъ обсужденіемъ всѣхъ мѣръ, предлагавшихся „большому совѣту", разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ, все-таки весьма важныхъ вопросовъ вполнѣ самостоятельнымъ путемъ и окончательными приговорами въ пользу войны или мира, ибо при оживленныхъ торговыхъ отношеніяхъ республики, быстрота въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира являлась часто насущною необходимостью, которой не могъ уже удовлетворить тысячеголовый „большой совѣтъ". Этотъ меньшій совѣтъ въ XIII-мъ вѣкѣ уже называется „Сенатомъ". Излишне говорить, что сенатъ состоялъ исключительно изъ аристократовъ, которыхъ назначалъ туда наслѣдственный „большой совѣтъ", выбиравшій и дожа. Итакъ, вся полнота власти сосредоточилась въ группѣ патриціевъ. Они съумѣли удержать въ цѣлости и невредимости все государство и во времена его процвѣтанія, и въ эпоху паденія его торговли, вплоть до временъ Наполеона. Зрѣлость плановъ, непоколебимая твердость въ выполненіи намѣреній, пристальное вниманіе ко всѣмъ измѣненіямъ окружающаго политическаго горизонта, вниманіе, руководимое трезвымъ и черствымъ государственнымъ эгоизмомъ, умѣнье хранить дипломатическія и всякія иныя тайны,—все это сдѣлало венеціанскій правящій классъ надолго единственнымъ распорядителемъ судебъ республики. Постоянный надзоръ, тайный, но очень реальный, тяготѣлъ надъ дожемъ: и сенатъ, и большой совѣтъ посредствомъ своихъ шпіоновъ и агентовъ слѣдили зорко, не желаетъ ли дожъ, соединившись съ простымъ народомъ, перебить патриціевъ и низвергнуть аристократическое правленіе. Неосторожнаго слова, необдуманнаго поступка, нетерпѣливаго восклицанія со стороны главы государства весьма часто было достаточно для наема подкупныхъ убійцъ—„брави", и опасный человѣкъ исчезалъ со сцены. Съ частными лицами въ этомъ отношеніи, конечно, церемонились еще меньше. Тѣмъ не менѣе попытки нѣсколько демократизировать правительство имѣли мѣсто въ Венеціи; убійства не помогали, и дѣло нѣсколько разъ въ XIII-мъ и первыхъ годахъ XIV-го вв. доходило до народныхъ возстаній, скоро, впрочемъ, подавлявшихся. Тогда аристократія рѣшилась на чрезвычайную мѣру самоохраны и самообороны: въ 1310 году

былъ учрежденъ „совѣтъ десяти", съ именемъ котораго справедливо связываются безчисленныя тайныя политическія убійства, пестрящія венеціанскую исторію до временъ Наполеона, воспоминанія о жертвахъ, погибшихъ въ свинцовыхъ тюрьмахъ республики, о совѣщаніяхъ съ наемными убійцами и пр. Полномочія „совѣта десяти" съ теченіемъ времени чрезвычайно расширились. Онъ сдѣлался чѣмъ то вродѣ постоянной судебно-правительственной комиссіи, сносившейся съ иностранными державами по полномочію отъ сената, смѣнявшей и назначавшей всѣхъ чиновниковъ, творившей судъ и расправу—не говоря уже о политическихъ—по всѣмъ важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ. Совѣтъ десяти назначался ежегодно по выбору большого совѣта и былъ вѣрнымъ, ловкимъ и безпощаднымъ аргусомъ, хранившимъ цѣлость венеціанской аристократической конституціи.

Итакъ, съ „большимъ совѣтомъ" наслѣдственныхъ законодателей, занятымъ преимущественно законодательною работою, съ сенатомъ, посвятившимъ себя главнымъ образомъ обсужденію текущихъ дѣлъ и вотированію насущныхъ мѣропріятій, съ „совѣтомъ десяти", оберегающимъ своими агентами, тюрьмами, убійцами и казнями государственный строй, съ дожемъ, несущимъ почти исключительно внѣшнее представительство да раздѣляющимъ съ совѣтомъ десяти контроль надъ административными чиновниками,—со всѣми этими строго аристократическими учрежденіями венеціанская республика перешла изъ среднихъ вѣковъ въ новое время.

III.

Венеція, совершенно самостоятельная и независимая, вмѣшивалась въ споръ ломбардскихъ городовъ съ имперіей, но въ строгомъ согласіи съ основными принципами своей внѣшней политики она не заняла въ этомъ спорѣ никакой, такъ сказать, принципіальной позиціи, а переходила изъ одного лагеря въ другой, смотря по своимъ выгодамъ. Когда въ XIII вѣкѣ этотъ споръ въ еще большей мѣрѣ, нежели въ XII столѣтіи осложнился борьбою гвель-

фовъ и гибеллиновъ, т. е. папско-ломбардской партіи съ анти-папско-императорской, республика продолжала свой образъ дѣйствій.

А борьба въ XIII вѣкѣ кипѣла не шуточная. Еще пока живъ былъ папа Иннокентій III, пока Фридрихъ II подросталъ, перевѣсъ склонялся до такой степени на сторону папы, что о серьезной борьбѣ думать еще нельзя было. Гибеллины были совсѣмъ придавлены. Изъ-за императорскаго престола шла междоусобица, папа поджигалъ къ дальнѣйшимъ раздорамъ приверженцевъ Оттона III и Фридриха II и торжествовалъ вполнѣ. Но въ 1216 году умеръ Иннокентій III и достигъ совершеннолѣтія Фридрихъ II, и обстоятельства круто перемѣнились. Фридрихъ II — лицо поистинѣ замѣчательное въ европейской исторіи; это вполнѣ человѣкъ переходной эпохи, эманципированный отъ старыхъ вѣрованій, не замѣнившій ихъ никакими новыми, лишенный вмѣстѣ съ тѣмъ какихъ бы то ни было принциповъ, кромѣ принципа преслѣдованія собственной выгоды. При такой свободѣ отъ всякой нравственной узды императоръ Фридрихъ II былъ одаренъ, дѣйствительно, чрезвычайнымъ умомъ, широкимъ, практичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ склоннымъ также къ теоретическимъ интересамъ, — необычайными дипломатическими талантами, рѣшимостью и настойчивостью, неутомимостью замѣчательною. Это былъ страшный врагъ папства, гораздо страшнѣе неудачника Генриха IV и рыцаря Барбароссы. Послѣ смерти Иннокентія III гвельфы уже стали безъ всякихъ оговорокъ на сторону конкуррента Фридриха II — Оттона IV, и миланцы во главѣ ихъ дѣлали все возможное, чтобы замедлить окончательное воцареніе Фридриха. Большинство ломбардскихъ вліятельныхъ городскихъ общинъ были гвельфскими, т. е. стояли на сторонѣ папы и его ставленниковъ, но были и такіе города, гдѣ гибеллины брали верхъ. Въ каждомъ городѣ, въ сущности, даже въ наиболѣе гвельфскихъ, существовала партія (обыкновенно богатыхъ феодаловъ), которая стояла на сторонѣ Фридриха, но не могла настоять на своемъ въ виду противодѣйствія могущественнаго торговаго и ремесленнаго классовъ; дѣло доходило иногда даже до изгнанія всѣхъ гибеллиновъ изъ города. Въ 1218 году умеръ Оттонъ IV, и Фридрихъ остался одинъ, безъ претендента. Въ 1220 году

папа Гонорій III сдался на его хитрыя, дипломатическія рѣчи и короновалъ его императорскою короною. Молодой императоръ, не переставая интриговать противъ папы всѣми мѣрами, обнаружилъ въ эти первые годы царствованія необыкновенную дѣятельность: настроилъ крѣпостей и укрѣпленныхъ цитаделей въ Сициліи и другихъ итальянскихъ земляхъ, подчиненныхъ ему *), основалъ университетъ въ Неаполѣ и цѣлымъ рядомъ ловкихъ обѣщаній успѣлъ убѣдить папу въ своей рѣшимости поднять крестъ и идти на невѣрныхъ. Раздраженный постоянными проволочками, боясь вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы популярность императора не возросла вслѣдствіе этой кажущейся рѣшимости идти противъ невѣрныхъ, папа отлучилъ Фридриха II отъ церкви въ 1227 году, а Фридрихъ будто только ожидалъ этого: уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ у цѣли и, несмотря на продолжавшіяся папскія проклятія, весьма успѣшно окончилъ походъ. Вернувшись въ Италію, онъ уже засталъ союзъ ломбардскихъ городовъ возобновленнымъ и готовымъ начать борьбу, такую же свирѣпую, какъ при Фридрихѣ Барбароссѣ. Но уже вскорѣ папа Григорій IX (въ 1230 году) заключилъ миръ съ императоромъ; лига ломбардскихъ городовъ, напуганная быстрыми успѣхами императора, также смирилась; Фридрихъ, гораздо болѣе занятый южно-итальянскими своими владѣніями, нежели сѣверомъ, оставилъ ломбардцамъ всѣ ихъ вольности. Съ 30-хъ гг., т. е. со временъ болѣе тѣснаго союза съ папою, въ Миланѣ и другихъ ломбардскихъ городахъ начинаются страшныя преслѣдованія еретиковъ-альбигойцевъ, въ отчаяніи убѣгавшихъ сюда изъ Южной Франціи. Ихъ мучили, сажали въ подземелья, жгли на кострахъ. Итальянскіе лѣтописцы болѣе прихотливо, нежели логично связываютъ эти кровавыя преслѣдованія съ нѣкоторыми, по ихъ мнѣнію, весьма похвальными чертами тогдашней ломбардской жизни,— бережливостью горожанъ, отсутствіемъ роскоши и испорченности нравовъ и пр. Ко всѣмъ этимъ добродѣтелямъ, будто бы отличавшимъ ломбардцевъ въ XIII вѣкѣ, они прибавляютъ религіозную ревность и богобоязненность, выражавшуюся

*) Въ слѣдующемъ § настоящей главы мы коснемся судебъ Южной Италіи и Сициліи.

въ преслѣдованіи еретиковъ. Несмотря на преслѣдованія, альбигойская культура и провансальское нарѣчіе сильно прорывались чрезъ альпійскія границы. Миръ 1230 года не былъ продолжителенъ: борьба между императоромъ, явно стремившимся къ подчиненію себѣ Рима и папою Григоріемъ, смертельно этого боявшимся, возгорѣлась съ новою силою. Ломбардскіе города раздѣлились: Кремона, Парма, Модена, Реджіо, гдѣ были сильны феодалы, явно стали на сторону гибеллиновъ, друзей императора; Виченца, Падуя, Брешія, Миланъ остались на сторонѣ гвельфовъ. Вся вторая половина 30-хъ гг. XIII вѣка прошла въ ожесточенной борьбѣ Фридриха съ гвельфами, борьбѣ трудной, но въ общемъ для него успѣшной. Въ 1239 году Григорій IX снова отлучилъ его отъ церкви, но уже это не помогало, и чрезъ полгода послѣ отлученія императоръ, оставляя за собою бушующую Ломбардію, вдругъ двинулся къ Риму; сломленный этимъ ударомъ и повторяя проклятія противъ Фридриха, Григорій IX скончался (въ 1241 г.). Между тѣмъ въ Ломбардіи гвельфы начали брать перевѣсъ, и императоръ, умѣвшій во время останавливаться, завелъ было переговоры съ новымъ папою Иннокентіемъ IV; однако, безъ униженія для папы переговоры эти окончиться не могли, а преемникъ Иннокентія III и Григорія IX съ мыслью объ униженіи мириться не желалъ. Переодѣтый, онъ проскользнулъ мимо императорскихъ войскъ и бѣжалъ въ Генуую, а оттуда въ Ліонъ, гдѣ съ своей стороны подтвердилъ проклятіе противъ „безбожнаго“ императора. Безбожнымъ его считали не только вслѣдствіе отношеній къ престолу св. Петра, но и вслѣдствіе призыва въ неаполитанскій университетъ арабовъ и евреевъ, вслѣдствіе слуховъ (впрочемъ, нелѣпыхъ) о тайномъ его обращеніи въ магометанство и пр. При Иннокентіи IV въ борьбѣ съ императоромъ дѣятельными помощниками и оффиціальными, такъ сказать, совратителями гибеллиновъ въ „гвельфскую вѣру“ сдѣлались францисканцы и доминиканцы, монахи орденовъ, насчитывавшихъ тогда всего 20—30 лѣтъ существованія. Папа вооружилъ противъ Фридриха и Неаполь, и Сицилію, интриговалъ даже среди его приближенныхъ. Первый другъ императора — Петръ де-Винеа измѣнилъ ему и поднесъ во время

болѣзни Фридриха вмѣсто лекарства ядъ. Умыселъ былъ открытъ, и Петръ де-Винеа размозжилъ себѣ голову о стѣну тюрьмы, куда его отвели. Фридрихъ, наконецъ, сталъ изнемогать. Гибеллинская Парма, подъ вліяніемъ доминиканцевъ и францисканцевъ, измѣнила ему, и онъ ее страшно хотѣлъ наказать, но это ему не удалось. Въ 1249 году гибеллины потерпѣли большой уронъ и предводительствовавшій ими любимый сынъ Фридриха Энціо попалъ въ руки враговъ и былъ заточенъ въ болонскую тюрьму (гдѣ и умеръ въ заключеніи черезъ 22 года). Звѣрская жестокость, имѣющая въ себѣ уже что-то отъ новыхъ временъ, что-то *не* средневѣковое, — все болѣе и болѣе распространяется въ Италіи въ эти времена. Вообще, многіе неточно освѣдомленные въ исторіи лица съ средними вѣками связываютъ понятіе объ ужасныхъ, не превзойденныхъ пыткахъ и пр.: ничего не можетъ быть болѣе невѣрнаго. Именно новыя времена (XIII — XVII вв.) со своею инквизиціей, „молотомъ вѣдьмъ“ *), утонченнѣйшими пытками свѣтскихъ и религіозныхъ судовъ могутъ быть названы золотымъ вѣкомъ мучительской изобрѣтательности. Первыя проявленія ея мы уже видимъ въ издѣвательствахъ надъ плѣнными въ эпоху борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ.

Судьба побаловала Фридриха предъ смертью: ему удалось подчинить себѣ Флоренцію, но очень скоро послѣ этого (въ концѣ 1250 года) онъ скончался 56-ти лѣтъ отъ роду. Сильное впечатлѣніе производилъ этотъ необыкновенный человѣкъ на итальянцевъ всѣхъ партій. Вотъ что говоритъ о немъ старый хронографъ Виллани: „Фридрихъ былъ человѣкъ, одаренный большою силою и рѣдкими талантами; мудростью своею онъ былъ обязанъ столько же изученію наукъ, сколько природному уму. Обладая всеобъемлющими способностями, онъ говорилъ по-латыни, а также на нашемъ народномъ языкѣ, на нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ, арабскомъ. Изобилуя добродѣтелями, онъ былъ великодушенъ. Къ этимъ дарованіямъ присоединялась еще любезность. Его боялись, какъ сильнаго и умнаго воина. Но въ погонѣ за наслажденіями онъ

*) Своего рода уложеніемъ о наказаніяхъ для вѣдьмъ (составленъ въ нцѣ XV в.).

бывалъ распущенъ; много у него было наложницъ по обычаю сарацинскому... Онъ отдавался всѣмъ чувственнымъ удовольствіямъ и велъ эпикурейскую жизнь, полагая, что никакой иной жизни не послѣдуетъ за этою, земною. Это-то и было главною причиною, почему онъ сталъ врагомъ святой церкви".

Избавилась, наконецъ, „святая церковь", о которой говоритъ Виллани, отъ своего злѣйшаго врага, и побѣда сразу стала клониться въ пользу папы. Но для того, чтобы разсказать о гибели Гогенштауфеновъ въ Италіи, необходимо коснуться судебъ южной части Апеннинскаго полуострова въ XIII вѣкѣ.

IV.

Изъ всѣхъ южныхъ земель Италіи наиболѣе значенія для борьбы папства и имперіи имѣло такъ называемое королевство Обѣихъ Сицилій, т. е. государство, состоящее изъ неаполитанской области и острова Сициліи. Съ 1016 года въ Южной Италіи были основаны первыя норманнскія поселенія; орды безпрерывно прибывающихъ изъ Норманділ пиратовъ оттѣснили остававшихся здѣсь кое-гдѣ грековъ и арабовъ и настолько усилились за какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ, что, какъ мы уже видѣли, послужили для Григорія VII немаловажной защитою въ бѣдственный для него періодъ войны. Если на материкѣ (въ Калабріи и Апуліи) имъ удалось сломить греческое владычество, съ которымъ тщетно боролись въ X вѣкѣ Оттоны, то на островѣ Сициліи норманнамъ удалось осилить арабовъ, поселившихся здѣсь съ 827 года и покорившихъ жившихъ здѣсь византійскихъ грековъ. Объ экономическихъ слѣдствіяхъ норманскаго завоеванія рѣчь будетъ въ слѣдующей, VII-ой главѣ настоящей работы: здѣсь достаточно лишь сказать, что съ норманнами въ Сицилію явился феодализмъ, невѣдомый острову до тѣхъ поръ, и что, умирая, герцогъ Роберъ Гискаръ уже могъ оставить сыну своему Рожеру титулъ властител Апуліи, Калабріи, Неаполя и Сициліи.

Въ 1130 г. герцогъ нормандскій Рожеръ II получилъ отъ папы королевскій титулъ и взамѣнъ этого призналъ себя папскимъ

вассаломъ. Рожеръ II явился первымъ христіанскимъ властителемъ королевства Обѣихъ Сицилій, который упрочилъ традицію, поддержанную впослѣдствіи Фридрихомъ II: онъ покровительствовалъ греческимъ и арабскимъ ученымъ, приближалъ къ себѣ свѣтилъ магометанскаго ученаго міра, несмотря на то, что жилъ какъ разъ въ самый разгаръ крестовыхъ походовъ. Подобно Вильгельму Завоевателю въ Англіи, нормандскіе герцоги въ Сициліи удержали при завоеваніи въ свою пользу огромные земельные фонды, такъ что сицилійскіе феодалы никогда не могли предпринять сколько-нибудь удачную борьбу съ сильной, централизованной королевскою властью.

Быть можетъ, отчасти, благодаря этому обстоятельству, короли Обѣихъ Сицилій получили возможность втеченіе всего двѣнадцатаго вѣка выдерживать тяжелую борьбу съ Гогенштауфенами, покорять сѣверо-африканскихъ магометанъ, возводить роскошныя постройки въ Палермо, Неаполѣ и другихъ городахъ. Въ 1177 году одинъ изъ преемниковъ Рожера Вильгельмъ Добрый примирился съ Фридрихомъ Барбароссой и выдалъ за сына Барбароссы Генриха (впослѣдствіи VI) свою родственницу и единственную наслѣдницу Констанцію. Въ 1189 году Вильгельмъ Добрый умеръ, и королевство Обѣихъ Сицилій попало такимъ образомъ въ руки Констанціи и ея мужа Генриха VI Гогенштауфена. Правленіе Генриха и Констанціи ничѣмъ не было ознаменовано въ Сициліи, кромѣ развѣ жестокой династической борьбы между Генрихомъ VI и нѣкоторыми претендентами, оспаривавшими права Констанціи; борьба эта кончилась въ пользу Генриха и Констанціи. При сынѣ Генриха VI, знаменитомъ императорѣ германскомъ Фридрихѣ II, королевство Обѣихъ Сицилій пережило весьма любопытный внутренній переворотъ. Дѣло въ томъ, что Гогенштауфены умудрились такъ поставить себя среди итальянцевъ, грековъ, арабовъ и норманновъ, что все это пестрое, разноязычное и разноплеменное населеніе королевства оставалось при германскихъ императорахъ еще болѣе спокойно, нежели при нормандскихъ герцогахъ. Національное чувство и матеріальные интересы всѣхъ этихъ группъ ничуть не пострадали. Но Фридрихъ II находился въ нѣсколько особенныхъ усло-

віяхъ, и поэтому онъ рѣшилъ воспользоваться своею абсолютной властью для того, чтобы произвести въ внутреннемъ строѣ королевства нѣкоторыя измѣненія. Смертельная ненависть, тридцать лѣтъ существовавшая между нимъ и папствомъ, борьба, не прекращавшаяся до послѣдняго вздоха императора, заставили Фридриха II покончить съ нѣкоторыми традиціями, существовавшими въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій и казавшимися опасными для него не какъ для короля, но какъ для императора германскаго, борющагося съ Римомъ. Эти традиціи заключались въ сочувствіи сицилійскихъ феодаловъ къ папскому дѣлу; при долгой борьбѣ нормандскихъ герцоговъ съ Барбароссою въ XII-мъ столѣтіи и, еще раньше, во время войнъ съ мусульманами на югѣ Италіи и на островѣ Сициліи, норманны всегда стояли въ отличныхъ отношеніяхъ къ папѣ, и теперь, при переходѣ власти къ самому ожесточенному врагу папства, какого оно только видѣло, феодалы королевства Обѣихъ Сицилій не могли сразу и круто измѣнить свои чувства. Но абсолютная власть Фридриха, покоившаяся на обладаніи колоссальными земельными фондами, дала ему возможность, если не уничтожить эти традиціи, то обезвредить окончательно ихъ представителей. Въ 1231 году императоръ издалъ такъ называемыя „Конституціи Сицилійскаго королевства“, совершенно упрочившія абсолютизмъ на все то время, пока онѣ были въ силѣ. Въ Сицилійскихъ конституціяхъ императоръ постановляетъ слѣдующее: 1) единственный источникъ всякаго суда и расправы въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій есть король, назначающій судей для всей территоріи королевства. 2) Духовная юрисдикція даже на собственныхъ земляхъ монастырей и церквей уничтожается безъ остатка и изъятія, кромѣ немногихъ случаевъ преступленія святотатства и нарушенія супружеской вѣрности. 3) Король назначаетъ „главный судъ“, предсѣдатель котораго (justiciarius magnus) дѣйствуетъ отъ имени короля и не только руководитъ дѣйствіями этого высшаго апелляціоннаго суда, но и контролируетъ правильность дѣйствій административныхъ чиновъ. 4) Всѣми дѣлами фиска, сборомъ податей и отчетностью сборщиковъ завѣдуетъ особое центральное учрежденіе, подчиненное непосредственно королю. 5) Всякія, даже самыя незначительныя, раз-

дачи земель изъ королевскаго земельнаго фонда прекращаются и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть возстановлены. Законъ этотъ получилъ обратное дѣйствіе, и весьма многія уже раньше сдѣланныя отчужденія были забраны въ казну подъ разными предлогами. 6) Всѣ замки и укрѣпленія, выстроенныя феодалами отъ 1189 до 1231 г., т. е. отъ начала господства Гогенштауфеновъ должны быть срыты до фундамента.

Сицилійскія конституціи сдѣлали власть Фридриха въ королевствѣ совершенно безграничной и de jure, и de facto, а установленная ими же централизація превратила императора, дѣйствительно, въ „тысячерукаго Бріарея", съ которымъ ни духовные, ни свѣтскіе феодалы и не пытались бороться. Превосходная земледѣльческая культура, торговое мореплаваніе, покровительство арабской и греческой образованности, всѣ эти явленія, бывшія на лицо еще при нормандскихъ герцогахъ, развивались дальше при Фридрихѣ; вообще, абсолютизмъ и обусловленная имъ большая обезпеченность во всѣхъ отношеніяхъ соціальной жизни (сравнительно съ феодальной Европой того времени) дали за $2^1/_2$ столѣтія своего господства въ Сициліи—при Норманнахъ и Гогенштауфенахъ — самые блестящіе плоды. — Но стоило въ 1250 году Фридриху умереть, — и все это зданіе абсолютизма, такъ сильно поддержанное его Конституціями, разсыпалось прахомъ. Отъ 1250 года начинается эпоха упадка гибеллинской партіи на всемъ полуостровѣ; Гогенштауфены теряютъ здѣсь и короны, и головы въ послѣднихъ схваткахъ съ папствомъ. Еще пока правилъ непосредственный наслѣдникъ Фридриха II Конрадъ IV (1250 — 1254), порядокъ кое-какъ держался, но при его преемникѣ молодомъ Конрадинѣ и правившемъ за него регентѣ Манфредѣ папская партія стала брать сильный перевѣсъ надъ правительствомъ. Интересно, что тотъ самый классъ феодаловъ, который въ Ломбардіи былъ почти сплошь гибеллинскимъ, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій сталъ на сторону гвельфовъ, папскихъ приверженцевъ. Отчасти нѣмецкое происхожденіе многихъ ломбардскихъ феодаловъ (еще съ каролингскихъ временъ), а еще больше насильственная по отношенію къ нимъ политика торговыхъ городовъ, боязнь папскаго деспотизма, предпочтеніе „дале-

каго императора близкому папѣ", — все это обусловило привязанность ломбардскихъ феодаловъ къ Гогенштауфенамъ. Въ королевствѣ же Обѣихъ Сицилій феодалы съ норманнскихъ временъ привыкли видѣть себя друзьями римскаго престола, покровительствуемыми и ласкаемыми папою, который хотѣлъ создать себѣ изъ норманновъ близкихъ защитниковъ; съ германскими императорами норманны ровно ничего общаго не имѣли; городовъ въ смыслѣ тяготѣющей надъ ними силы, они никогда не боялись, да такихъ тамъ и не было; Фридрихъ II желѣзною рукою давилъ ихъ при равнодушіи или даже сочувствіи къ такой политикѣ остального населенія... При такихъ условіяхъ сицилійскіе феодалы охотно передались въ гвельфскій лагерь, едва только императоръ, грозный для нихъ, закрылъ глаза. Конечно, земельный фондъ и централизованная власть были еще въ рукахъ и Конрада IV, и послѣ него (съ 1254 г.) въ рукахъ регента Манфреда весьма сильнымъ орудіемъ, но и папство почувствовало себя гораздо сильнѣе: въ Германіи наступило междуцарствіе, съ сѣвера уже нечего было опасаться натиска имперскихъ войскъ, и, направивши всѣ свои силы на королевство Обѣихъ Сицилій, папы, съ помощью дружественныхъ имъ феодаловъ успѣли глубоко расшатать владычество Гогенштауфеновъ. Централизація оказалась еще слишкомъ раннимъ плодомъ, первою ласточкою на горизонтѣ тогдашней феодальной Европы; къ ней не могли еще привыкнуть, феодализмъ былъ понятнѣе всѣмъ классамъ населенія; смутныя времена послѣ Фридриха II усиливали тяготѣніе свободныхъ лицъ къ отдачѣ себя подъ покровительство болѣе могущественныхъ людей. Уже въ 1264 году папа, вопреки всякой законности, опираясь лишь на признанное имъ и его предшественниками право папъ низлагать и возводить на престолъ государей, торжественно объявилъ, что отдаетъ королевство Обѣихъ Сицилій въ ленъ Карлу Анжуйскому. По условію папы съ Карломъ, по завоеваніи королевства, все оно должно отойти завоевателю, кромѣ города Беневента и нѣсколькихъ островковъ на морѣ, которые должны достаться папѣ; завоеватель долженъ также платить папѣ пенсію въ размѣрѣ 10.000 унцій золотомъ ежегодно. Карлъ, герцогъ Анжуйскій и Провансскій, имѣлъ возможность втор-

гнуться въ Италію. Гвельфамъ Ломбардіи удалось облегчить папскому союзнику движеніе къ югу. Въ 1266 г., чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала кампаніи, враждебныя арміи Карла Анжуйскаго и Манфреда встрѣтились при Беневентѣ; Манфредъ былъ разбитъ и убитъ.

Эта побѣда рѣшила участь королевства Обѣихъ Сицилій: анжуйцы овладѣли имъ втеченіе какихъ нибудь $2^1/_2$ лѣтъ, да и то за всѣ $2^1/_2$ года (срокъ по тогдашнему состоянію военной культуры весьма короткій) они не встрѣтили нигдѣ сколько-нибудь рѣшительнаго сопротивленія. Оставалось какъ-нибудь еще уладить дѣло съ Конрадиномъ Гогенштауфеномъ, который по смерти регента и опекуна своего Манфреда являлся естественнымъ центромъ для гибеллиновъ всей Италіи. Въ Палермо, Мессинѣ, Сиракузахъ — всюду Конрадинъ и его партія распространяли манифесты и воззванія, приглашавшія населеніе сплотиться вокругъ потомка Фридриха II и дать отпоръ французскому нашествію. Въ 1267 году враги столкнулись при Тальякоццо — и гибеллины были снова разбиты, а Конрадинъ попалъ въ руки Карла Анжуйскаго и былъ со всею торжественностью казненъ въ Неаполѣ. Карлъ сталъ неоспоримымъ властителемъ королевства Обѣихъ Сицилій.

Собственно, 1267 годъ знаменателенъ въ исторіи борьбы папства съ имперіей, какъ годъ тяжелаго пораженія гибеллинской партіи (отозвавшагося и въ Ломбардіи полнымъ торжествомъ гвельфовъ), наконецъ, какъ дата гибели послѣдняго Гогенштауфена; для исторіи же королевства Обѣихъ Сицилій въ точномъ смыслѣ онъ особаго внутренняго смысла не имѣетъ. Французы замѣнили Гогенштауфеновъ, и во время ихъ пятнадцатилѣтняго владычества только ускорился процессъ феодализаціи страны, паденія централизаціи, фактическаго уничтоженія фридриховыхъ „Конституцій“, умаленія королевской власти, т. е. тотъ процессъ, который и начался не анжуйцами, а съ самой смерти Фридриха II, съ 1250 года, и кончился не анжуйцами, а только послѣдними годами XIV вѣка. Въ этомъ смыслѣ правленіе Карла, перваго и послѣдняго анжуйскаго короля Сициліи, ни въ какомъ отношеніи не является особенною эпохою съ своими индивидуальными чертами. Легко до-

сталась побѣда Карлу, но легко и потерялъ онъ завоеванное: ни феодалы, вырвавшіеся изъ подъ ферулы Фридриха II, ни остальное населеніе не питали въ сущности къ своему новому королю никакихъ прочныхъ чувствъ; французы держались тамъ только полнымъ народнымъ равнодушіемъ и разбросанными по странѣ своими гарнизонами. Варварская расправа съ приверженцами Конрадина и мало-мальски подозрительными въ этомъ отношеніи лицами, расправа, доходившая до разрушенія цѣлыхъ городовъ и селъ, положила начало активной непріязни населенія къ французамъ; къ такимъ явленіямъ сицилійцы не привыкли при своихъ старыхъ нормандскихъ герцогахъ и при Гогенштауфенахъ. Въ роли палача у нихъ правительство — до водворенія Карла — не выступало.

Высокомѣрное и нахальное обращеніе французскихъ солдатъ съ населеніемъ постоянно поддерживало эту непріязнь и наконецъ обратило ее въ ненависть. Достаточнымъ оказался одинъ только случай, чтобы возгорѣлось возстаніе противъ Карла. Этотъ случай и произошелъ 30 марта 1282 года, на другой день послѣ Свѣтлаго Воскресенія, въ Палермо. Колокола звонили уже къ вечернѣ, когда одна знатная дѣвушка сицильянка подошла къ храму и хотѣла войти; французскій солдатъ Друэ отказался ее впустить, утверждая, что при ней оружіе, и тутъ же при всемъ народѣ сталъ ее совершенно неприлично обыскивать. Его мгновенно убили, поднялось возстаніе — и въ одинъ вечеръ были убиты всѣ четыре тысячи французовъ, жившихъ въ Палермо и вблизи города. Весь апрѣль продолжалось возстаніе на всемъ островѣ, и къ началу мая французы были изгнаны съ острова. Всѣ усилія Карла вернуть островъ разбились о разъяренное упорство населенія. За нимъ остался еще Неаполь и владѣнія на материкѣ близъ Неаполя, но Сицилія уже никогда не была возвращена. Призваніе въ Сицилію Петра Арагонскаго и дальнѣйшія судьбы Неаполя уже тѣсно связаны съ XIV—XV вв. итальянской исторіи и выходятъ изъ хронологическихъ рамокъ настоящей работы. Въ 1282 году эта „Сицилійская вечерня“ разрушила „Королевство Обѣихъ Сицилій“, разбила его на двѣ части, которыя втеченіе полуторасто лѣтъ вели съ тѣхъ поръ самостоятельную историческую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Simonde-de-Sismondi, Histoire des républiques italiennes au moyen âge. (Paris. 1840) Томы II и III.

2. Heyd, Geschichte des Levant-handels (лучшее изд. Французское, перев. Reynaud, Paris 1886: Histoire du commerce de Levant).

3. Hallam, The state of the Europe during the middle ages, Italy.

4. Freeman, History of Sicily (Lond. 1894), исчерпывающій трудъ по политической исторіи острова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Очеркъ экономической исторіи Италіи во второй половинѣ средникъ вѣковъ (IX—XIV вв.).

I.

„Кто перенесется мыслью въ періодъ полнаго разцвѣта феодальной системы, тому карта Италіи представится испещренной болѣе или менѣе обширными помѣстьями, сосредоточенными въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, и лишь кое-гдѣ пересѣкаемыми уцѣлѣвшими или снова народившимися свободными сельскими общинами. Каждое помѣстье, представляя единое цѣлое, является въ то же время конгломератомъ меньшихъ имущественныхъ единицъ—хуторовъ, занятыхъ частью рабами, частью полусвободными и свободными воздѣлывателями. Въ Италіи эти различныя группы носятъ въ законахъ и грамотахъ названіе servi et servae, aldii et aldiae, coloni et colonae, liberi ac liberae. Надѣльная земля, въ однихъ источникахъ обозначавшая терминомъ massa, въ другихъ gouald, содержитъ въ себѣ большее или меньшее число коновъ и дѣлянокъ. Надѣлы, не составляя сплошного цѣлаго, разсѣяны всего чаще полосами на протяженіи всѣхъ земель помѣстья. Каждый надѣлъ состоитъ въ совмѣстномъ пользованіи цѣлой семейной группы, обозначаемой обыкновенно терминомъ „condoma“ (кондома). Члены ея считаютъ себя соучастниками въ надѣлѣ, откуда и самое названіе ихъ consortes,—названіе, отъ котораго нерѣдко и семейная община получаетъ названіе consorteria. Владѣя пахатною землею, виноградниками и садами на началахъ семейной нераздѣльности, кондома или консортерія пользуется лѣ-

сами и пастбищами помѣстья на общинномъ правѣ. Тому же общинному пользованію подлежитъ и паръ или толока. Семейные надѣлы расположены въ открытомъ полѣ, не окружены загородями и пользуются защитой отъ чужихъ потравъ и покосовъ только въ тотъ періодъ времени, когда производятся хозяйственныя работы отъ посѣва до уборки. Грамоты сплошь и рядомъ устанавливаютъ осенніе и весенніе сроки для этого права общиннаго выпаса. Ему подлежатъ также не защищенные сеньеріальными запретами лѣса; они служатъ не столько для охоты на пушного звѣря, сколько для выпаса и прокорма свиней и скота. Всѣми этими имущественными выгодами члены кондомы или консортеріи надѣлены не даромъ, а подъ условіемъ извѣстныхъ платежей и службъ въ пользу сеньора-собственника помѣстной земли. Платежи—обыкновенно натуральные: часть годового урожая винограда и выжимаемаго изъ оливокъ масла, опредѣленное количество старіевъ (мѣръ) пшеницы, риса, ячменя, одна-двѣ курицы, большее или меньшее число яицъ и тому подобное. Сельско-хозяйственныя работы, производимыя членами кондомы на земляхъ, удержанныхъ помѣщикомъ въ личномъ завѣдованіи (terra dominicata или indominicata) обозначаются терминомъ angariae. Онѣ всего чаще требуютъ трехнедѣльнаго труда въ страдную пору и въ такомъ случаѣ являются своего рода крестьянскими помочами. Но встрѣчается и болѣе продолжительная барщина, обнимающая собою три и еще болѣе дней въ недѣлю. Angariae исполняются кондомою, частью съ помощью ея хозяйственнаго инвентаря, разумѣя подъ нимъ плуги, упряжь и рабочій скотъ, частью безъ этой помощи. Это такъ называемыя ручныя работы—manopera. Добавочными повинностями служатъ обязанности ставить подводы для дровъ и сѣна, зерна и муки, содержать помѣщика и его агентовъ во время ихъ пребыванія въ имѣніи и т. п.“

Эта длинная цитата изъ работы историка европейскихъ экономическихъ отношеній, даетъ довольно выпуклое представленіе о сущности феодальныхъ правъ и повинностей. Нужно сказать, что при общемъ неспокойномъ, неуравновѣшенномъ и неясномъ политическомъ состояніи Италіи при Каролингахъ и послѣ нихъ, въ IX, X и XI вѣкахъ, процессъ феодализаціи свободныхъ общинъ Италіи

пошелъ весьма быстро: сеньеры просто на просто захватывали земли общинъ подъ свое верховенство, а съ другой стороны сами общины отдавались подъ столь нужное имъ покровительство сильныхъ людей. Нужно, однако, замѣтить, что судя по многимъ признакамъ насильственная феодализація встрѣчается въ IX, X и XI вв. чаще, нежели добровольная. Рядомъ съ этимъ и въ связи съ политической эманципаціей городовъ изъ-подъ власти императорскихъ графовъ мы видимъ зачастую переходъ общины изъ несвободнаго состоянія въ свободное; напр. такую эволюцію совершила Брешчія, эманципація которой отъ власти епископа-феодала произошла въ началѣ XI столѣтія.—Но и свободныя, и несвободныя земельныя общины X—XI вв. продолжали сохранять свой отличительный характеръ,—члены ихъ сообща пользовались всѣми угодьями. Чѣмъ больше и шире дѣлались права городовъ въ Ломбардіи и въ частности въ Тосканѣ, чѣмъ больше крупные феодалы должны были имъ уступать, тѣмъ больше освобождались и крестьяне. Въ эпоху лангобардовъ, какъ уже было сказано во второй главѣ настоящей работы, въ Сѣв. Италіи мелкіе земельные собственники, точнѣе, земледѣльцы, дѣлились на двѣ главныя категоріи, между которыми были еще и извѣстныя переходныя стадіи: 1) на полусвободныхъ, альдіевъ, 2) на сервовъ, рабовъ. Нѣчто подобное мы видимъ въ Ломбардіи X—XIII вв.: здѣсь есть на лицо 1) почти совсѣмъ свободные земледѣльцы, именно прежніе альдіи, подъ вліяніемъ общаго захирѣнія феодализма въ эпоху эмансипаціи городовъ почти освободившіеся отъ всякой феодальной зависимости, и 2) такъ называемые „прислужники“, famuli, которые владѣютъ маленькими кусочками земли, расплачиваясь за нее съ собственникомъ довольно тяжелою дворовою службою. Первая категорія (вилланы) пользовалась гражданскими правами, т. е. будучи отчасти все-таки прикрѣплена къ землѣ, она могла владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, и вся ея зависимость выражалась лишь въ невозможности открыто покинуть обрабатываемую землю до извѣстнаго срока, обозначеннаго или условленнаго; бѣжать и укрыться въ земляхъ сосѣдней городской общины вилланъ могъ весьма легко, и его почти никогда не выдавали. Вторая категорія (сервы) имущественными правами не вла-

дѣла, и участь ея была весьма тяжелою и зависимою. Происхожденіе этихъ сервовъ въ точности не установлено; есть основанія предполагать (какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи), что сервы X—XIII вв. прямые потомки рабовъ лангобардскаго періода.

Итакъ, мелкій земледѣлецъ обрабатывалъ 1) свой надѣльный участокъ на общинномъ полѣ, 2) пользовался общиннымъ лѣсомъ, пастбищемъ и пр. угодьями, 3) обрабатывалъ еще и участокъ на земляхъ крупныхъ собственниковъ за вполнѣ опредѣленную натуральную, денежную или смѣшанную подать. Арендный договоръ—обыкновенно, наслѣдственный—прикрѣплялъ его къ землѣ, и въ этой-то земельной крѣпости заключалось все ограниченіе его свободы. Рядомъ съ ними и съ сервами, въ Сѣверной Италіи въ XIII вѣкѣ уже появляется новый классъ, признаки котораго еле намѣчаются въ предшествующія столѣтія: вольнонаемные работники. Этотъ классъ развился изъ среды вилланoвъ, которые, будучи въ весьма малой степени обременены барщиной, продавали своимъ же и сосѣднимъ крупнымъ владѣльцамъ свой трудъ за деньги или за плату натурою; пополнялся вольнонаемный рабочій классъ еще и изъ бездомной голытьбы—массы отпущенныхъ на свободу или бѣглыхъ рабовъ. Изслѣдователи нашли кое-какіе документы, восходящіе къ XIII вѣку, въ которыхъ рѣчь идетъ уже объ охранѣ работодателей отъ чрезмѣрной требовательности этихъ вольныхъ аграрныхъ работниковъ. Когда венеціанская и генуэзская торговля широко развилась въ эпоху крестовыхъ походовъ и позже, на итальянской почвѣ стали появляться рабы привознoго происхожденія. То были африканскіе и азіатскіе туземцы, персы, курды, русскіе и представители многихъ другихъ націй. Какъ отразился притокъ рабовъ на цѣнахъ, платившихся вольнымъ рабочимъ, сказать опредѣленно нельзя за полнымъ отсутствіемъ надлежащихъ статистическихъ соображеній; можно строить лишь апріорныя предположенія, съ тою необходимою оговоркою, что рабы покупались, повидимому, не столько для полевыхъ, сколько для домашнихъ работъ. Никакихъ слѣдовъ плантаторства въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Италіи найти нельзя. Къ сказанному необходимо прибавить, что Романья и вообще Средняя Италія, а также Южная (насколько,

вообще, мы знаемъ, что тамъ творилось въ X--XIII вв.) проявили гораздо болѣе консерватизма въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ, нежели Ломбардія: мы видимъ тамъ гораздо болѣе цѣльную феодальную систему, съ несравненно бо́льшимъ обремененіемъ вилланов разными повинностями; о классѣ вольнонаемныхъ работниковъ никакихъ свѣдѣній мѣстные источники не даютъ. Есть область въ исторіи Италіи, которая не переставала интересовать изслѣдователей богатымъ разнообразіемъ фактовъ культурнаго значенія: Фриманъ, Брандилеоне, М. М. Ковалевскій, не говоря уже о другихъ изслѣдователяхъ, посвятили исторіи сицилійскаго средневѣковья отдѣльные труды или особыя главы въ самыхъ общихъ своихъ работахъ. Но, помимо всего, исторія Сициліи интересна еще и потому, что сюда феодальныя формы быта были принесены лишь во второй половинѣ XI столѣтія, и принесены иноземными завоевателями, тогда какъ въ остальной Италіи феодализмъ долго и медленно подготовлялся и крѣпъ втеченіе всей первой половины среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ римскіе аграрные порядки, додержавшіеся почти въ полной неприкосновенности до конца XI вѣка, столкнулись съ выработанными уже вполнѣ феодальными тенденціями, вторгшимися на островъ вмѣстѣ съ норманнами. Арабы завоевали этотъ островъ въ 827 году; они не внесли въ экономическую жизнь острова никакихъ почти измѣненій: конечно, часть богатыхъ помѣстій отошла во владѣніе беевъ, арабской служилой знати и мелкихъ арабскихъ державцевъ, но главнымъ типомъ землевладѣнія какъ было, такъ и осталось помѣстье римскаго типа, уцѣлѣвшее и при Теодорихѣ, и при его преемникахъ, и при византійцахъ, и при арабахъ. Въ XI-мъ столѣтіи (см. предыд. главу) норманны завоевали Южную Италію, оттѣснивъ тамъ грековъ, а въ концѣ того же вѣка (1061—1100 гг.) пали послѣдніе остатки арабскаго владычества въ Сициліи. Вмѣстѣ съ норманнами водворился въ Сициліи феодализмъ. Феодализмъ во всей Европѣ представляетъ такого рода сложное соціальное явленіе, что въ особенностяхъ его возможно разобраться, лишь разсматривая послѣдовательно какъ политическія, такъ и экономическія его стороны. Въ Сициліи, напримѣръ, мы никогда не поймемъ ея исторіи, если не усвоимъ того окончатель-

наго вывода, къ которому пришли всѣ изслѣдователи относительно воцарившагося съ норманнами феодализма: на этомъ островѣ феодализмъ 1) не былъ такъ всеобъемлющъ территоріально, какъ въ другихъ странахъ Европы, и 2) выразился онъ главнымъ образомъ въ отношеніяхъ феодаловъ къ вассаламъ, а не феодаловъ къ королю; другими словами, послѣдствія феодализма въ Сициліи были, главнымъ образомъ, въ экономическомъ отношеніи важны и новы для острова, а въ политическомъ отношеніи абсолютизмъ центральнаго правительства при норманнскихъ короляхъ остался такимъ же, какъ былъ при римскихъ и византійскихъ императорахъ и при арабскихъ властителяхъ Сициліи. Помимо привычекъ и традицій населенія новѣйшіе изслѣдователи указываютъ еще и на то обстоятельство, что возродившееся въ Ломбардіи изученіе римскаго права перенеслось и на сицилійскую почву, и что въ Палермо, при норманнскомъ дворѣ, уже съ первыхъ временъ норманнскаго владычества, находились юристы, знакомившіе и королей, и всѣхъ окружающихъ съ формулами юстиніанова кодекса относительно абсолютизма. Право жизни и смерти, право наложенія тяжелыхъ и мучительныхъ уголовныхъ наказаній, навсегда осталось въ Сициліи въ рукахъ ея королей и никогда не было уступлено ими феодаламъ; мало того—король Сициліи считался и называлъ себя не только главою феодаловъ и всего населенія, но и главою церкви на островѣ. Земельныя раздачи были произведены первыми герцогами *) далеко не щедро: правительственный и церковный фондъ въ весьма большихъ размѣрахъ остался въ распоряженіи верховной власти. Обезпечивши всѣ свои экономическіе и политическіе интересы, герцоги произвели раздачу земель съ жившимъ на нихъ земледѣльческимъ населеніемъ въ ленное владѣніе своимъ приближеннымъ соратникамъ. Изъ этой раздачи были исключены удержавшіеся отъ V—VI вв. греки, владѣльцы отдѣльныхъ участковъ земли, а также владѣтели участковъ на городскихъ территоріяхъ. Что же касается попавшихъ въ вассальную зависимость, то положеніе ихъ представляется довольно тяжелымъ, несмотря на ограниченіе права феодаловъ распоряжаться

---

*) Королевскій титулъ они стали носить съ 1130 г.

ихъ жизнью и смертью.—Феодальное помѣстье состояло изъ помѣщичьяго двора со всѣми сельскохозяйственными службами (мельницею для хлѣбнаго зерна, пекарнею, винодѣльнею и пр.), изъ обширнаго участка неотдѣляемой отъ помѣстья земли, предоставленной въ общее пользованіе всѣмъ крестьянамъ и самому владѣльцу (обыкновенно, пастбище), изъ лѣсныхъ угодій и, наконецъ, изъ болѣе или менѣе обширнаго участка, обрабатываемаго трудомъ крестьянъ. Въ общемъ крестьянская барщина въ Сициліи равна была приблизительно 80—100—120—140 днямъ въ году. Рядомъ съ этимъ, обрабатываемымъ крѣпостными полемъ, лежатъ земли, отданныя для пользованія крѣпостныхъ. Кромѣ крѣпостныхъ, на феодальныхъ земляхъ селились и свободные земледѣльцы, приходившіе изъ городовъ или изъ-за границы; они сохраняли свою личную свободу и получали на тѣхъ или иныхъ договорныхъ условіяхъ въ аренду участки земли (изъ поля, еще оставшагося за помѣщикомъ). Угодьями, предназначенными для общаго пользованія, эти свободные поселенцы пользовались такъ же, какъ крѣпостные. Можно сказать, что изъ представителей двухъ націй, которыхъ застали въ Сициліи норманны, греки большею частью сохранили свою свободу и землю, продолжая уплачивать земельный налогъ въ пользу правительства (который они платили и при арабахъ), арабы-же, особенно, пытавшіеся сопротивляться, безпощадно обращались въ рабство, или въ лучшемъ случаѣ въ крѣпостное состояніе (т. е. съ надѣломъ земли на той или иной феодальной территоріи).

Свободная аренда (пожизненная, наслѣдственная, долговременная) сильно развилась въ Сициліи по той простой причинѣ, что норманны перебили слишкомъ большую массу населенія и весьма много земель на островѣ лежало впустѣ. Свободные арендаторы могутъ передавать свою аренду другому лицу, но съ обязательствомъ и обѣщаніемъ, что рента будетъ продолжать выплачиваться исправно. Типы свободныхъ держаній вообще въ Сициліи очень разнообразны, ясно, что далеко не на всѣ земли хватало крѣпостныхъ рукъ; что весьма нерѣдко феодалъ получалъ ленъ, представлявшій собою пустое поле безъ крестьянскихъ хуторовъ, и долженъ былъ безъ особенной разборчивости соглашаться на тѣ или иныя предлагавшіяся ему свободными людьми арендныя условія.

Масса земель, оставшихся за правительствомъ, перешла въ 1194 году вмѣстѣ съ Сициліей въ руки Гогенштауфеновъ, и если слишкомъ мало извѣстно объ утилизаціи этихъ земель норманнами, то отъ гогенштауфенскаго періода остался весьма обстоятельный памятникъ, характеризующій сицилійское правительственное хозяйство въ XIII столѣтіи. Это — „ассизы“ или „Конституціи королевства Обѣихъ Сицилій“, составленные, какъ сказано было, при императорѣ Фридрихѣ II.

Такъ какъ составитель былъ не авторомъ, а лишь редакторомъ сицилійскихъ законовъ, то можно до извѣстной степени распространять данныя его сборника не только на первую половину XIII столѣтія, но и на болѣе раннюю эпоху.

Повидимому, правительство Гогенштауфеновъ чрезвычайно ревниво оберегало не только всю землю, доставшуюся въ непосредственное его владѣніе отъ предшественниковъ, но и всѣ свои права надъ нею. Правительство предпочитало отдавать свои земли въ краткосрочную, а не долгосрочную аренду. Исключеніе дѣлалось лишь для такихъ мѣстъ, которыя съ слишкомъ большимъ трудомъ поддавались первоначальной обработкѣ и поэтому никѣмъ въ краткосрочную аренду не брались. Наиболѣе же выгодныя статьи, напр., виноградники свои, правительство никому не сдавало, а старалось извлечь изъ нихъ выгоду хозяйничаніемъ личнымъ, т. е. посредствомъ служащихъ лицъ. Молочное хозяйство, разведеніе крупнаго и мелкаго скота и домашней птицы—вотъ о чемъ ревностно заботилось правительство на своихъ земляхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что дворовымъ хозяйствомъ завѣдовали на правительственныхъ земляхъ главнымъ образомъ рабыни, которыхъ было тамъ чрезвычайно много. Вольномыслящій и ученый императоръ Фридрихъ II являлся весьма дѣятельнымъ помѣщикомъ-плантаторомъ въ своихъ огромныхъ сицилійскихъ помѣстьяхъ. Рабы и рабыни получали пропитаніе и одежду (довольно, впрочемъ, скудную) отъ правительства.

Кромѣ рабовъ, жившихъ въ особыхъ казармахъ при главныхъ дворахъ, на правительственныхъ земляхъ находились въ весьма большихъ количествахъ крѣпостные, положеніе которыхъ было одинаково или почти одинаково съ положеніемъ крѣпостныхъ въ фео-

дальныхъ помѣстьяхъ. Нужно замѣтить, что если вольныхъ съемщиковъ правительство *не хотѣло* пускать на свои земли, дѣлало это неохотно,—то *крѣпостныхъ* рукъ далеко не хватало на огромныя пространства доманіальнаго фонда. Оставалось лишь единственное средство—покупать и доставать всякими путями по возможности больше рабовъ. Прежде всего позаботилось правительство о бѣглыхъ рабахъ, которые были бы пойманы на островѣ Сициліи: если втеченіе года за бѣглымъ рабомъ (или рабынею) явится хозяинъ, бѣглецъ возвращается ему; если не явится, бѣглецъ переходитъ во владѣніе правительства.

Дѣлались, затѣмъ, многочисленныя попытки закупать большими партіями негритянскихъ рабовъ въ египетскихъ портахъ и рабовъ греческаго происхожденія на Балканскомъ полуостровѣ, а также привозились рабы-сарацины, взятые въ плѣнъ въ какихъ либо стычкахъ съ войсками Гогенштауфеновъ. Рабовладѣльчество процвѣтало въ Сициліи не только въ правительственныхъ доменахъ, но и въ частныхъ помѣстьяхъ и даже среди горожанъ, покупавшихъ рабовъ для домашнихъ услугъ. Но уже въ XIII столѣтіи все больше и больше стала обозначаться такая необходимость въ увеличеніи числа рабочихъ рукъ, которой уже не могли удовлетворить ни рабовладѣльчество, ни наличное крѣпостное населеніе. Тогда постепенно начался совершаться поворотъ къ замѣнѣ крѣпостного труда трудомъ свободныхъ съемщиковъ; сначала, конечно, поворотъ этотъ не былъ особенно замѣтенъ какъ въ Сициліи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Раньше, чѣмъ гдѣ—либо, онъ принялъ серьезные размѣры въ Ломбардіи, въ наиболѣе политически-эманципированной странѣ Апеннинскаго полуострова.

II.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что Венеція, Генуя, Пиза и цѣлый рядъ ломбардскихъ городовъ вели оживленную торговлю съ восточными портами; мы видѣли также, что со временъ эпохи крестовыхъ походовъ эти сношенія стали особенно оживленными. Вмѣстѣ съ тѣмъ товары, въ огромныхъ количествахъ прибывавшіе

въ Сѣверную Италію, все больше и больше искали себѣ сбыта не только за предѣлами Апеннинскаго полуострова, но и въ самихъ ломбардскихъ городахъ. Для сбыта товаровъ нужно было увеличеніе внутренняго рынка, которое могло создаться только при условіи полной свободы въ передвиженіи населенія изъ помѣстій въ города, а такое передвиженіе было мыслимо исключительно при устраненіи крѣпостного права; далѣе, въ ломбардскихъ городахъ успѣли за три-четыре столѣтія кипучей торговой жизни (X—XIII вв.) скопиться свободные капиталы въ весьма большихъ по тому времени размѣрахъ. Естественнѣйшее употребленіе этихъ капиталовъ—скупка окрестныхъ земель—было для горожанъ закрыто до той поры, пока помѣстья со своими крѣпостными работниками занимали ломбардскую землю. Въ этой-то полной непримиримости интересовъ ломбардскаго города и ломбардскаго помѣстья нѣкоторые ученые склонны даже видѣть причину борьбы горожанъ-гвельфовъ съ феодалами-гибеллинами, борьбы, которая, конечно, обусловливалась и расовымъ различіемъ итальянцевъ-горожанъ и нѣмцевъ-феодаловъ (хотя, нужно замѣтить, между феодалами далеко не всѣ были нѣмцы); нѣтъ никакого сомнѣнія, что непосредственное чувство близкой опасности со стороны имперіи также подогрѣвало гвельфскія тенденціи ломбардскихъ городовъ.

При такой постановкѣ дѣла, когда непримиримость интересовъ, дѣйствительно, была на лицо въ самой серьезной степени, ломбардскіе города именно въ то время, когда торговля ихъ пышно разцвѣла, т. е. въ XIII—XIV вв. принялись за попытки эманципировать крѣпостныхъ крестьянъ феодальныхъ помѣстій. Лукка, Пиза, Флоренція уже въ началѣ XIII столѣтія издаютъ постановленія, не только дающія полную свободу и неприкосновенность всякому крѣпостному, убѣжавшему изъ помѣстья и укрывшемуся въ городскихъ стѣнахъ, но и предоставляетъ ему весьма большія льготы отъ разныхъ податей и повинностей, по крайней мѣрѣ, на первые годы его жизни въ городѣ. Судьи, консулы, подесты, всѣ власти ломбардскихъ городовъ въ случаѣ споровъ и претензій со стороны господъ бѣжавшихъ крѣпостныхъ, повидимому, всегда становились на сторону послѣднихъ и, несмотря на предъявленіе самыхъ безспорныхъ доку-

ментовъ, не выдавали бѣглецовъ. Въ первой половинѣ XIII столѣтія уже есть весьма серьезныя попытки обязательнаго выкупа крестьянской свободы. Муниципальныя власти города приводятъ въ извѣстность и установляютъ среднюю цѣну, которую долженъ уплатить своему помѣщику освобождающійся колонъ, и затѣмъ выкупъ долженъ имѣть мѣсто; если помѣщикъ недоволенъ цифрой выкупа, онъ имѣетъ право предложить свою на обсужденіе муниципальныхъ властей. Если это съ его стороны лишь уловка, чтобы не отпустить крѣпостного на волю, все равно, власти крестьянина освобождаютъ. Нечего и прибавлять, что такого рода насильственное освобожденіе могло имѣть мѣсто лишь въ помѣстьяхъ, находившихся въ физической невозможности сопротивляться городу. Массовыя освобожденія крѣпостныхъ не прекращаются втеченіе почти всего XIII столѣтія. Крѣпостныя отношенія замѣняются въ помѣстьяхъ арендаторскими, — городское населеніе ростетъ; но было бы заблужденіемъ думать о какихъ бы то ни было идеально-эманципаторскихъ, христіанскихъ взглядахъ, якобы вліявшихъ на этотъ процессъ раскрѣпощенія: тамъ, гдѣ для городовъ это было выгодно, они оставляли въ покоѣ самую тяжелую форму зависимости, не въ примѣръ тяжелѣе крѣпостного состоянія. Такъ, въ Венеціи, Флоренціи, Миланѣ и иныхъ мѣстахъ для домашнихъ услугъ, для гаремовъ патриціевъ, для лупанаріевъ портовыхъ городовъ — держались въ изобиліи рабы и рабыни, — сарацины, греки, русскіе. Несчастные люди, уведенные изъ русскихъ областей при безчисленныхъ татарскихъ набѣгахъ XIII, XIV и XV столѣтій, продавались татарами въ Константинополѣ (а иногда и въ Крыму, прямо въ руки генуэзцевъ), и оттуда наводняли ломбардскіе города, гдѣ часть ихъ оставлялась для собственныхъ нуждъ, а другая часть отправлялась въ Испанію, Балеарскіе острова, Руссильонъ и пр. Эти рабы и рабыни покупались и перепродавались, какъ скотъ, въ странѣ, въ которой проповѣдовалъ тогда Францискъ Ассизскій, гдѣ велась въ то же время ожесточенная борьба съ Гогенштауфенами изъ-за политической свободы, гдѣ, наконецъ, массами освобождались крѣпостные крестьяне, эманципація которыхъ была выгодна горожанамъ. Рабство было удобно, выгодно и прибыльно городамъ — и оно удержалось въ Ломбардіи вплоть до новыхъ временъ.

Освобождая массами крѣпостныхъ, находившихся въ сферѣ ихъ вліянія, города издаютъ указы о томъ, чтобы впредь крѣпостное состояніе не было возможно никогда. Всякія отдачи себя подъ покровительство, всякія даже добровольныя сдѣлки, переводящія человѣка изъ независимаго состоянія въ классъ зависимыхъ, объявляются недѣйствительными, буде онѣ случатся. Въ Парижѣ, Флоренціи и другихъ городахъ самыя энергичныя мѣры были предприняты, чтобы уничтожить крѣпостное право, воспрепятствовать его возникновенію въ будущемъ, перевести крѣпостныхъ въ разрядъ свободныхъ городскихъ обывателей, а оставшихся въ помѣстьяхъ превратить въ вольныхъ арендаторовъ, снимающихъ землю у своихъ бывшихъ господъ то за денежную ренту, то на половническихъ основаніяхъ, то на иныхъ какихъ-либо вольно-договорныхъ условіяхъ. Денежный наемъ земли въ общемъ былъ почти всюду выгоднѣе половничества для помѣщиковъ, и вотъ почему, когда въ 1348 году черная смерть *) въ ужасающихъ размѣрахъ уменьшила народонаселеніе, арендаторы всюду ставили помѣщикамъ, какъ непремѣнное условіе, половничество, а не денежную ренту, и притомъ на самыхъ выгодныхъ для себя основаніяхъ. Половничество въ Ломбардіи заключалось въ обязательствѣ съемщика уплачивать помѣщику $1/2$ — $1/2$ уродившагося хлѣба и отъ $1/3$ до $1/2$ виноградного сбора со своего участка; иногда къ этому присоединяется еще и уплата половины всего приплода со скотнаго и птичьяго двора. Личныя службы половника состоятъ, но далеко не повсемѣстно, въ посадкѣ деревьевъ и нѣкоторыхъ нужныхъ по хозяйству земляныхъ работахъ, причемъ контракты строго опредѣляютъ размѣры такихъ работъ въ пользу землевладѣльца. Интересная особенность половничества, отличающая его въ Ломбардіи, состоитъ въ обязательномъ (для нѣкоторыхъ мѣстностей, особенно вблизи торгово-промышленныхъ центровъ) разведеніи шелковичныхъ червей, причемъ коконы дѣлятся пополамъ между съемщикомъ и землевладѣльцемъ. Если половничество и другіе виды свободнаго держанія земли смѣнили крѣпостное право въ Ломбардіи и Тосканѣ подъ

*) Страшная чума, посѣтившая въ 1347—1353 гг. всю Европу.

вліяніемъ городскихъ общинъ, устраивавшихъ обязательные выкупы крѣпостныхъ и всячески производившихъ давленіе на феодаловъ въ этомъ смыслѣ, то въ Средней Италіи тотъ же процессъ эмансипаціи крестьянъ, только съ нѣсколько замедленнымъ темпомъ, имѣлъ мѣсто въ эти же XIII—XIV вв. Здѣсь дѣйствовалъ чисто-экономическій расчетъ, по которому интенсивность вольнонаемнаго труда далеко превосходила трудъ крѣпостной, рабскій; акты отпущенія на волю производились по инпціативѣ самихъ владѣльцевъ, которые такимъ путемъ 1) получали отъ крѣпостного выкупъ и 2) ему же сдавали участокъ своей земли на половническихъ и иныхъ условіяхъ, что оказывалось болѣе прибыльнымъ, нежели прежнее положеніе дѣлъ.

Въ римской области всѣ земли дѣлились на dominicatae, т. е. находившіяся въ личномъ завѣдованіи собственника и colonicatae, т. е. отдававшіяся съемщикамъ. О крѣпостныхъ въ Средней Италіи слышно было гораздо дольше, нежели на сѣверѣ, но можно принять, какъ фактъ, что сильная убыль крѣпостничества имѣла мѣсто въ центральныхъ областяхъ Апеннинскаго полуострова уже въ XIV столѣтіи. Здѣсь, въ Средней Италіи, процессъ эманципаціи несвободнаго люда совершался, правда, медленнѣе, нежели гдѣ-нибудь близъ Генуи, Венеціи и другихъ торговыхъ центровъ, производившихъ давленіе на сосѣднихъ феодаловъ, но зато самая эманципація была шире, охватывала всѣхъ несвободныхъ людей даннаго района, въ то время какъ торговыя общины, одною рукою освобождая крѣпостныхъ крестьянъ, другою поддерживали всѣми мѣрами рабовладѣльчество и торговлю рабами. Позже всего, лишь къ концу XV вѣка, изъ всѣхъ итальянскихъ земель крѣпостное право исчезло во Фріулѣ и Пьемонтѣ; рабовладѣльчество же держалось и процвѣтало чуть-ли не до самаго XVIII столѣтія, вѣка Беккаріи и Филанджьери. По крайней мѣрѣ, какъ мѣновая, торговая статья, рабы и въ XVIII вѣкѣ были въ ходу. Въ Пьемонтѣ и Фріулѣ такая запоздалость объясняется тѣмъ, что тутъ феодалы были чрезвычайно сильны и самовластны, давленія на нихъ никто не производилъ, малонаселенность, въ свою очередь, не позволяла имъ надѣяться въ будущемъ замѣнить не особенно доходный крѣ-

постной трудъ болѣе доходнымъ вольнонаемнымъ. Относительно того, какая же судьба постигала освобожденныхъ крѣпостныхъ, дается двойственный отвѣтъ: 1) тамъ, гдѣ близки были населенные торговые города, освобожденный людъ большими массами покидалъ помѣстья и переселялся въ городъ, гдѣ обращался къ ремесленнымъ, мануфактурнымъ и другимъ занятіямъ; часть же оставалась дома, но уже работала въ качествѣ вольныхъ людей, на новыхъ арендныхъ основаніяхъ; 2) въ мѣстностяхъ, мало развитыхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, освобожденные люди большею частью оставались всѣ въ помѣстьяхъ, предлагая свой трудъ бывшимъ своимъ господамъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Экономическую исторію Италіи если не тринадцатаго, то четырнадцатаго столѣтія невозможно закончить даже въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, не коснувшись еще и вопроса о паденіи земельной общины (особенно на сѣверѣ) подъ вліяніемъ все болѣе крѣпнущей городской буржуазіи и вносимой ею въ область имущественныхъ отношеній индивидуализаціи. Но такъ какъ этомъ вопросъ находится въ ближайшей связи съ появленіемъ на итальянской почвѣ мелкихъ деспотій, то мы откладываемъ его разсмотрѣніе до систематическаго обзора политической и культурной исторіи Италіи въ такъ называемую эпоху Возрожденія, т. е. въ XIV — XV вв. Раньше, нежели коснуться этихъ столѣтій, названныхъ еще во времена Ульриха фонъ-Гуттена „зарею новой исторіи", намъ кажется умѣстнымъ бросить взглядъ на скудную и маленькую ниву итальянской средневѣковой образованности.

ЛИТЕРАТУРА.

1. На русскомъ языкѣ единственный полный обзоръ экономическихъ отношеній Италіи въ X—XIII и слѣд. вѣкахъ далъ М. М. Ковалевскій, во II-мъ томѣ „Экономическаго роста Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства" (Москва, 1900). Стр. 239—316 и 375—476. Тамъ же указываются всѣ разбросанные по разнымъ мѣстамъ первоисточники.

2. Ruhmer, Ursprung der Besitzlosigkeit der Kolonen im neueren Toscana.

3. Vicenzio Salvo, Vicende della proprietà fondiaria in Sicilia.

4. И. Лучицкій. Рабство и русскіе рабы въ Италіи (Кiев. Унив. Изв. 1886).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I. Средневѣковые итальянскіе университеты до начала XIV в. II. Арабское вліяніе въ Италіи. Аверроэсъ и его школа.

I.

Англичане называютъ средніе вѣка „темными“, dark ages, dark time. Дѣйствительно, семьсотъ - восемьсотъ лѣтъ, отдѣляющіе паденіе Западной Римской имперіи отъ эпохи возрожденія весьма скудны свѣтящимися точками, маяками и оазисами просвѣщенія. Это относится какъ ко всей Европѣ, такъ и къ Италіи. Говоря о временахъ Теодориха Великаго мы упомянули о Кассіодорѣ, о Боэціи; въ сущности это были послѣдніе представители римской письменности на Апеннискомъ полуостровѣ. За ними потянулся рядъ вѣковъ безъ всякаго умственнаго просвѣта, безъ всякихъ признаковъ мало-мальски живой умственной жизни. Вѣкъ Карла Великаго, который многими увлекающимися историками прославляется, какъ „карловингское Возрожденіе“, принесъ съ собою воскрешеніе имперіи, т. е. политическаго института, получившаго это имя,—да созданіе придворной школы. Всего этого было, разумѣется, слишкомъ недостаточно и для Средней Европы, не говоря уже о далекой отъ императорскаго двора Италіи. Десятый вѣкъ принесъ съ собою заглохшій было съ V столѣтія аскетизмъ; Ромуальдъ, св. Адальбертъ, св. Нилъ были людьми во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательными, они уже самымъ фактомъ своего существованія какъ бы очищали и

возвышали окружавшую ихъ варварскую и разбойничью среду, но ни новыхъ идей, ни новыхъ понятій въ эту среду они не внесли, да это, впрочемъ, вовсе и не входило въ ихъ задачу. Въ концѣ того же X столѣтія жилъ и писалъ замѣчательный математикъ Гербертъ (впослѣдствіи папа Сильвестръ II), но вопервыхъ, никакого вліянія онъ не имѣлъ на умственную жизнь современниковъ, которые даже считали его колдуномъ, а во-вторыхъ, онъ былъ французъ, большую часть своей жизни провелъ внѣ Италіи и итальянцамъ былъ извѣстенъ больше по наслышкѣ, какъ другъ и учитель почитавшаго его императора Оттона III. Что касается до этого императора, теоретически, отвлеченно возлюбившаго Римъ и ненавидимаго римлянами, то всѣ его попытки воскресить древне-римскія традиціи внѣшнимъ образомъ сбивались скорѣе на маскарадъ, нежели на нѣчто серьезное. Въ XI вѣкѣ мы застаемъ въ Италіи великую борьбу двухъ началъ, двухъ партій — папскаго Рима и германскаго императорства. Обѣ партіи и до, и послѣ рѣшительныхъ схватокъ пользуются публицистикой, письменной полемикой для оправданія своихъ взглядовъ и опроверженія соперниковъ. Это обстоятельство нѣсколько оживляетъ умственную атмосферу Италіи, но, конечно, въ одностороннемъ смыслѣ; полемика продолжается и въ XII столѣтіи, когда начинаетъ свою проповѣдь Арнольдъ Брешіанскій, объявленный еретикомъ за свои антипапскіе взгляды, близко подходящіе къ воззрѣніямъ позднѣйшихъ реформаторовъ. Въ томъ же вѣкѣ и въ слѣдующемъ начинаютъ возникать университеты. Остановимся подробнѣе на этомъ любопытномъ учрежденіи второй половины итальянскаго средневѣковья и разскажемъ, какъ университеты возникли и что въ нихъ преподавалось.

Замѣчательно, что въ то время какъ самыми знаменитыми итальянскими университетами въ исторіи европейской умственной жизни остались университеты Сѣвера, т. е. Ломбардіи, первымъ по времени возникновенія слѣдуетъ признать университетъ Юга, Салернскій. Въ точности неизвѣстно, когда зародилась салернская медицинская школа; повидимому, не позже X вѣка, ибо уже въ началѣ XI ее называютъ лѣтописцы „исконною“ и „знаменитою“. Традиціи медицинской науки издавна больше отличали Южную и Среднюю

Италію, а традиціи юриспруденціи Италію Сѣверную. Еще въ VI столѣтіи сочиненія Гиппократа, Галена и нѣкоторыхъ второстепенныхъ ученыхъ врачей были переведены съ греческаго на общедоступный латинскій языкъ, но лишь въ XI столѣтіи въ Салерно эти классики медицины подверглись тщательному изученію. Природа мѣстности, окружавшей Салерно, способствовала не мало тому, что именно въ этомъ городѣ началось „возрожденіе классической медицины": теплый, мягкій климатъ и обиліе минеральныхъ ключей дѣлали Салерно настоящимъ средневѣковымъ курортомъ. Сравнительно недалеко отъ города находился знаменитый монастырь Монте-Кассино, и такимъ образомъ паломники и больные въ большихъ количествахъ посѣщали эти мѣста. Въ XI столѣтіи, уже къ концу его, въ салернской медицинской школѣ начинаетъ все больше и больше давать себя чувствовать арабское вліяніе: коллегія докторовъ въ Салерно внимательно изучаетъ арабскихъ медиковъ, ихъ переводы съ греческаго разныхъ до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ медицинскихъ трактатовъ и начинаетъ пользоваться громкою славою. И въ XI, и въ XII вѣкѣ, въ сущности, университета въ точномъ смыслѣ въ Салерно не существуетъ: есть лишь нѣчто вродѣ медицинскаго факультета, съ нѣсколькими „знаменитостями" во главѣ. Въ 1231 году Фридрихъ II издалъ указъ, по которому никто въ его сицилійскихъ владѣніяхъ не имѣлъ права практиковать безъ диплома, выданнаго королемъ Сициліи (т. е. самымъ Фридрихомъ II) послѣ предварительнаго отзыва о данномъ лицѣ со стороны коллегіи салернскихъ докторовъ. Вообще Фридрихъ II былъ большимъ покровителемъ медицины: въ 1224 году онъ открылъ университетъ въ Неаполѣ съ медицинскимъ факультетомъ, но лѣтъ черезъ тридцать именно медицинскій факультетъ въ Неаполѣ и пересталъ существовать, хотя другіе факультеты остались. Въ томъ же тринадцатомъ вѣкѣ медицинскіе факультеты въ Болоньѣ и Монпелье стали успѣшно конкуррировать въ популярности со старою салернскою школою, а съ XIV столѣтія салернскій университетъ началъ клониться къ упадку.

Несравненно большее значеніе для всей Италіи имѣлъ болонскій университетъ. Ломбардскіе торговые города съ давнихъ поръ

отличались тѣмъ исключительнымъ въ среднихъ вѣкахъ качествомъ, что тамъ знатные и богатые міряне давали своимъ дѣтямъ хорошее по тому времени образованіе, и что ученость здѣсь вовсе не являлась синонимомъ принадлежности къ духовному классу, какъ во Франціи и Германіи. Уже съ X вѣка въ Сѣверной Италіи стала замѣчаться нѣсколько практическая тенденція въ занятіяхъ науками: въ другихъ европейскихъ странахъ изучали діалектику, реторику, логику, грамматику безъ всякой опредѣленной и ясно осмысленной цѣли, въ Ломбардіи же привыкали во всей этой школьной премудрости видѣть ключъ къ уразумѣнію—сначала источниковъ римской исторіи, а потомъ и римскаго юридическаго творчества. Географическая близость классическихъ преданій, а впослѣдствіе практическое значеніе воскресшаго римскаго права, оказывали вліяніе на точное, болѣе конкретное, болѣе реальное направленіе ломбардской ученой мысли. Въ XI-мъ, въ особенности въ XII-мъ вв. наступаетъ, какъ мы знаемъ, живая, богатая внутреннимъ содержаніемъ эпоха освобожденія ломбардскихъ городовъ, республиканскаго самоуправленія, отстаиванія своей независимости. Для людей образованныхъ, для свѣтскихъ юристовъ, для знатоковъ исторіи и правовыхъ нормъ— въ городскихъ общинахъ раскрывались широкія перспективы общественнаго служенія. — До открытія и изученія юстиніановыхъ „Пандектовъ", т.-е до XII-го столѣтія юриспруденція во всѣхъ средневѣковыхъ школахъ играла жалкую, подчиненную роль, составляла часть „реторики" и, конечно, въ тѣ времена принципіальнаго, такъ сказать, беззаконія—особой жизненной силы имѣть не могла. Но все-таки въ Равеннѣ и Болоньѣ даже въ X - XI вв. замѣчается весьма живой сравнительно интересъ къ наукѣ права. Первымъ славнымъ болонскимъ юристомъ, основавшимъ цѣлую школу глоссаторовъ и комментаторовъ римскаго права, былъ Ирнерій, жившій въ началѣ XII столѣтія. Съ его времени Болонья становится центромъ европейской юридической науки и научнаго преподаванія. Неизвѣстно, во времена ли Ирнерія въ Болоньѣ въ ея „школѣ" возникли тѣ диспуты, экзамены, коллоквіумы, которые сдѣлали этотъ университетъ впослѣдствіи столь знаменитымъ, но, несомнѣнно, именно Ирнерій первый выдѣлилъ изученіе законовъ въ особую рубрику,

тогда какъ прежде юриспруденція являлась чѣмъ-то вродѣ прозаическаго матеріала для иллюстрацій реторическихъ правилъ. Съ XII-го вѣка новый типъ студентовъ явился въ Болоньѣ: это было спеціалисты-правовѣды, о которыхъ въ предшествовавшее время не было слышно; не только изъ Италіи, но и изъ Франціи, Германіи, Англіи — толпами сходились въ болонскія аудиторіи молодые люди, желавшіе поучиться римскому праву у знаменитаго глоссатора и его преемниковъ. Кромѣ юриспруденціи, въ XII-мъ столѣтіи въ Болоньѣ процвѣтало также изученіе теологіи и каноническихъ правовыхъ тезисовъ, но папы были недовольны такъ называемымъ „болонскимъ духомъ", т. е. духомъ, явно анти-клерикальнымъ и тяготѣвшимъ къ гибеллинизму. Нужно замѣтить, что не принципіальная догматическая сторона церковныхъ ученій занимала болонскихъ канонистовъ, но именно вопросы церковной политики (объ инвеститурѣ, подчиненіи или владычествѣ свѣтской власти относительно духовной и т. д.). Ломбардская политическая жизнь достаточно объясняетъ такое направленіе болонскаго каноническаго права. И римское, и каноническое право процвѣтало въ Болоньѣ еще до той поры, какъ она сдѣлалась обладательницей университета, а случилось это, какъ принято считать, въ 1158 году, когда на ронкальскомъ сеймѣ императоръ Фридрихъ Барбаросса, весьма довольный услугами болонскихъ ученыхъ юристовъ, далъ указъ, или вѣрнѣе хартію, поставившую преподаваніе права въ Ломбардіи въ очерченныя закономъ рамки. Всѣ студенты объявлялись подъ покровительствомъ императора, а въ случаѣ проступковъ — подсудными епископу своего города, но не иному суду. Съ конца XII и въ началѣ XIII вѣка въ Болоньѣ образуется два ученыхъ сословія: 1) „докторовъ", и это сословіе называется коллегіей, и 2) студентовъ, и это сословіе получаетъ названіе „университета", въ собственномъ смыслѣ. Коллегія экзаменуетъ аспиранта, желающаго въ нее войти, и допускаетъ или отвергаетъ его. „Университетъ", т. е. сословіе студентовъ назывался по спеціальности студентовъ; былъ „университетъ" въ Болоньѣ—юридическій, медицинскій и пр. Каждый такой „университетъ" (т. е. по нашему совокупность всѣхъ студентовъ факультета) дѣлился по „націямъ" тѣхъ лицъ, которыя его составляли. Напр., въ Болоньѣ „универси-

теты“ дѣлились на „тосканскую, ломбардскую и римскую“ націи. Вообще статуты болонскаго университета (какъ и въ другихъ итальянскихъ городахъ) развились и стали играть выдающуюся роль лишь съ XIV столѣтія, а въ эпоху, которую охватываетъ настоящая книга, болонское студенчество и болонская „докторская“ (т. е. преподавательская) коллегія еще далеко не были окончательно установлены, какъ въ законѣ, такъ и въ обычаѣ. Намѣтилась только основная черта, отличающая всю средневѣковую университетскую исторію: корпоративное, цеховое начало было такъ сильно въ эти времена, что и университетъ, въ сущности, являлся двумя цехами, соединенными вмѣстѣ: учащихся и учащихъ, причемъ оба цеха, смотря по націи и спеціальности входящихъ въ нихъ лицъ, подраздѣлялись на болѣе мелкія категоріи. Въ Болоньѣ изучались математика, астрологія, теологія (впрочемъ богословскій факультетъ въ точномъ смыслѣ возникъ лишь въ 1352 г.), изучались также медицинскія и философскія науки, но, конечно, въ исторіи европейской культуры Болонья останется памятною главнымъ образомъ, какъ разсадникъ римско-правовыхъ понятій. Не только для Ломбардіи, не только для Италіи, но и для остальной Европы Болонья была „юридической Меккою“, куда ученые пилигримы спѣшили, чтобы закончить свое юридическое образованіе. Впослѣдствіи, въ XIV—XV вв. въ Германіи начинаютъ осуществляться главные принципы, проповѣдовавшіеся глоссаторами — комментаторами юстиніанова кодекса, и мы замѣчаемъ любопытную вещь: простой классъ нѣмецкаго народа, недовольный исчезновеніемъ нѣкоторыхъ дорогихъ ему старыхъ иститутовъ, устнаго судопроизводства и пр., понималъ, что въ этомъ отчасти виновны новые и чуждые принципы, идущіе съ юга, куда отправлялись, какъ сказано, съ цѣлью пополнить образованіе, нѣмецкіе юристы: съ понятіемъ о Болоньѣ, „о болонскомъ ядѣ“ у нѣкоторыхъ лицъ изъ нѣмецкаго простонародья ассоціировалось представленіе о ненавистномъ римскомъ правѣ.

Самымъ замѣчательнымъ послѣ Болонскаго университета былъ университетъ Падуанскій, гдѣ процвѣтало изученіе философіи, гдѣ схоластическое преподаваніе выработало главнѣйшіе свои методы. Основанъ онъ былъ въ 1222 году, и хотя лишь съ XIV вѣка

получилъ болѣе или менѣе полные статуты, но уже съ первыхъ лѣтъ своего существованія пользовался большою популярностью. Изъ иностранцевъ его особенно охотно посѣщали провансальцы и испанцы.

Кромѣ юриспруденціи, медицины, астрологіи, реторики, діалектики, различныхъ видовъ математики, въ итальянскихъ университетахъ уже въ XIII вѣкѣ окончательно упрочилось схоластическое преподаваніе философіи. Схоластика въ XIII вѣкѣ переживала свой блестящій періодъ, вѣрнѣе, начало своего блестящаго періода; какъ и во всѣ времена особенно сильнаго поднятія схоластическихъ интересовъ, вопросъ о номинализмѣ и реализмѣ (т. е. о реальномъ или фиктивномъ существованіи общихъ понятій) дебатировался тогда и въ Италіи, но для характеристики итальянскихъ умственныхъ теченій разборъ схоластики XIII вѣка не можетъ дать ровно ничего любопытнаго, ибо тогдашняя Италія не произвела тогда ни одного оригинальнаго философскаго мыслителя. За то на Апеннинскомъ полуостровѣ въ это время мы замѣчаемъ одно чрезвычайно интересное явленіе, почти отсутствующее (въ томъ вѣкѣ) въ остальной Европѣ: арабское вліяніе въ философіи прорывается въ Италію и даетъ себя здѣсь чувствовать весьма сильно. Очеркъ средневѣковой исторіи Италіи намъ кажется всего умѣстнѣе закончить, сказавши нѣсколько словъ объ этомъ оригинальномъ теченіи, которое проникло въ итальянскую схоластику XIII вѣка, и которое служитъ однимъ изъ провозвѣстниковъ освободительныхъ тенденцій Ренессанса: мы говоримъ объ аверроизмѣ.

II.

Хотя аверроизмъ и явился, въ сущности, по своимъ методамъ прямымъ продолженіемъ схоластики, но въ содержаніи его было нѣчто новое, нѣчто дающее ему право на особенное вниманіе историка итальянской духовной жизни въ переходное время XIII—XIV вв.

Аверроэсъ (или, какъ онъ назывался по-арабски, Ибнъ-Рошдъ) жилъ въ Кордовѣ отъ 1126 до 1198 г. Онъ былъ

главнымъ свѣтиломъ изъ той плеяды арабскихъ комментаторовъ и переводчиковъ Аристотеля, которые познакомили Европу, и прежде всего Италію съ неискаженнымъ, истиннымъ текстомъ философа: Аверроэсъ говорилъ, что онъ мечтаетъ только и исключительно о славѣ комментатора и ни о чемъ болѣе; на самомъ же дѣлѣ, никакъ нельзя отрицать извѣстной оригинальности въ построеніи его системы. Собственно, двѣ проблемы особенно интересуютъ Аверроэса: о происхожденіи видимаго міра и о безсмертіи души. По мнѣнію Аверроэса, существуетъ первичный двигатель, создавшій міръ и имъ управляющій. Богъ, природа котораго, какъ признавалъ Аверроэсъ, неисповѣдима, создалъ этого „первичнаго двигателя", „первый разумъ", „деміурга", словомъ, существо, которое уже въ свою очередь создало весь видимый міръ. Этотъ „первый разумъ", при рожденіи всякаго человѣческаго существа, отдѣляетъ ему частицу себя самого; эта частица (божественная) сливается съ другою частицею разума человѣческаго, врожденнаго у людей. При кончинѣ смертная, врожденная частица разума погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, а безсмертная возсоединяется съ „первымъ разумомъ". Управляется міръ на основаніи предвѣчныхъ законовъ, установленныхъ разъ навсегда первымъ двигателемъ еще при созданіи видимой вселенной. Если Аристотель утверждалъ, что міровой интеллектъ вѣченъ, а интеллектъ каждаго человѣка смертенъ и погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то Аверроэсъ пошелъ еще далѣе въ подчеркиваніи этой идеи о смертности индивидуальной души: онъ подъ вѣчнымъ „первымъ разумомъ" понимаетъ единаго создателя вселенной, который самъ сотворенъ Богомъ; тоже, что человѣкъ предполагаетъ въ себѣ безсмертнаго, есть лишь частица перваго разума, временно, на срокъ жизни ему дающаяся. Что касается до свободы воли, то Аверроэсъ признаетъ „связанность" душевныхъ движеній и зависимость ихъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Чувствуя противорѣчіе между своими доктринами и ученіемъ Корана, Аверроэсъ выдвинулъ положеніе, развитое впослѣдствіе весьма обстоятельно итальянскими философами-скептиками (Помпонацци, Ванини): если религія и философія въ чемъ-нибудь между собою несогласны, то философъ можетъ сказать, что, какъ исповѣдующій извѣстную религію, онъ вѣритъ во всѣ ея

догматы, но, какъ философъ, съ ними несогласенъ. Въ общемъ довольно рѣзкій раціонализмъ лежитъ на всемъ ученіи Аверроэса; этотъ раціонализмъ вскорѣ послѣ смерти Аверроэса вмѣстѣ съ его произведеніями проникъ въ Италію и привился тамъ весьма сильно. Главнымъ образомъ въ ломбардскихъ университетахъ, въ Падуѣ и Болоньѣ аверроистскіе взгляды пропагандировались весьма горячо. Не мало способствовало распространенію анти-клерикальнаго аверроизма на Апеннинскомъ полуостровѣ правленіе Фридриха II, всячески содѣйствовавшаго успѣхамъ распространенія арабской культуры въ своихъ владѣніяхъ. Фридрихъ II, благосклонно относился къ арабамъ, жившимъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, принадлежавшемъ ему. Замѣчательный аналитическій и скептическій умъ императора, помимо даже всѣхъ его политическихъ антипапскихъ тенденцій, заставлялъ его сочувственно относиться къ философскимъ идеямъ арабовъ, ненавистнымъ и подозрительнымъ въ глазахъ римскаго клира. Онъ зналъ арабскій языкъ, окружалъ себя арабскими учеными, призывалъ ихъ на каѳедры Салернскаго и Неаполитанскаго университетовъ. Въ 1240 году онъ обратился даже отъ собственнаго имени къ разнымъ мусульманскимъ ученымъ (и въ своихъ, и въ чужихъ владѣніяхъ) съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ о природѣ души, объ отношеніяхъ между метафизикою и религіею и пр. При покровительствѣ Фридриха немудрено, что аверроизмъ широко распространился въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій и въ тѣхъ ломбардскихъ городахъ, гдѣ брала перевѣсъ гибеллинская партія. Впрочемъ, уже къ концу XIII вѣка, когда борьба гвельфовъ и гибеллиновъ стала стихать, аверроизмъ пробрался во всѣ ломбардскіе университеты безъ исключенія и уже распространялся въ качествѣ чисто философскаго ученія, безъ примѣси какихъ бы то ни было рѣзко политическихъ тенденцій. Особенно Падуя сыграла въ исторіи итальянскаго аверроизма такую же роль, какъ Болонья въ исторіи рецепціи римскаго права. Въ концѣ XIII и въ XIV вѣкахъ распространяется подозрѣніе, что богохульственный анонимный трактатъ о „трехъ обманщикахъ" (трехъ основателяхъ теологическихъ системъ) написанъ не кѣмъ инымъ, какъ Аверроэсомъ.

Вообще, невѣріе и аверроизмъ въ XIV вѣкѣ являются въ Италіи синонимами. Любопытно, что въ сущности въ весьма зна-

чительной мѣрѣ такая репутація аверроизма была совершенно имъ незаслужена: кромѣ своихъ мнѣній относительно безсмертія души, арабскій философъ ничего не говорилъ такого, что скандализовало бы даже ортодоксальныхъ магометанъ его времени, если не считать небольшой группы особенно ревнивыхъ блюстителей Корана. Но въ Италіи — помимо мнѣній о безсмертіи души—арабское происхожденіе аверроизма, покровительство ему со стороны ненавистнаго Фридриха II, наконецъ, легенда о тожествѣ Аверроэса и автора „трехъ обманщиковъ" (которыхъ, впрочемъ, не стѣснялись приписывать и самому Фридриху II) — все это создало пришедшему изъ Испаніи ученію неумолимыхъ враговъ среди клириковъ, въ особенности среди нищенствующихъ монаховъ. Карьера аверроизма въ Италіи была двойная: съ одной стороны, онъ явился олицетвореніемъ невѣрія, насмѣшекъ надъ католицизмомъ, съ другой стороны, въ Падуанскомъ университетѣ, въ ученыхъ кругахъ — аверроизмъ былъ просто особеннымъ продолженіемъ схоластической философіи — и только. Второе толкованіе его, конечно, было болѣе согласно съ объективною истиною, но въ роли атеистической доктрины аверроизмъ фигурировалъ въ теченіе именно первыхъ двухъ столѣтій своего распространенія въ Италіи. Приведемъ мнѣніе Петрарки объ аверроизмѣ, показывающее намъ, какую ненависть успѣло возбудить противъ себя это ученіе въ душѣ поэта и какую популярность оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло на Апеннинскомъ полуостровѣ въ первыя времена своего существованія тамъ. „Съ трудомъ могли бы меня убѣдить",— говоритъ Петрарка,—„что отъ арабовъ можетъ явиться что-нибудь путное. Тѣмъ не менѣе вы, ученые люди, не знаю ужъ вслѣдствіе какой снисходительности — осыпаете арабовъ незаслуженными похвалами... О, безуміе! О, удивительное заблужденіе! О, спящіе или исчезнувшіе умы Италіи!" Популярность Аверроэса среди итальянцевъ приводитъ поэта въ отчаяніе; однажды поэтъ заговорилъ съ аверроистомъ о св. Павлѣ, и человѣкъ этотъ съ насмѣшкою сказалъ, когда Петрарка сослался на духовные авторитеты: „оставь при себѣ своихъ церковныхъ докторишекъ (doctorculos)... Вотъ, если бы ты могъ читать Аверроэса, ты бы увидѣлъ, насколько онъ

выше ихъ всѣхъ". По словамъ Петрарки, вся Италія была въ то время наполнена аверроистами.

Впрочемъ, показанія Петрарки относятся уже къ срединѣ XIV вѣка, къ эпохѣ, нѣсколько выходящей изъ хронологическихъ рамокъ настоящей книги, но слишкомъ характерныя указанія даютъ право примѣнить эти показанія къ болѣе раннему періоду, т. е. ко второй половинѣ XIII вѣка. Схоластическое преподаваніе аверроизма въ ломбардскихъ университетахъ въ XIV, а въ особенности въ XV—XVI вв. привело даже къ послѣдовательному философскому скептицизму, но еще раньше, еще до обстоятельной университетской философской разработки своей, аверроизмъ на итальянской почвѣ послужилъ однимъ изъ элементовъ умственнаго броженія, весьма ярко сказавшагося съ самаго начала Ренессанса, въ XIV столѣтіи. Итальянское религіозное свободомысліе всегда поэтому связывало себя съ аверроизмомъ.

ЛИТЕРАТУРА.

1. The universities of Europe in the middle ages, by H. Rashdall (Oxford 1895), томы I и II.

2. Renan, Averroés et l'averroïsme (Paris. 1867).

3. Denifle, Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400.

